

С О Б Р А Н І Е
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Михайлы Васильевича Ломоносова.

Изданіе новое исправленное,

**съ присовокупленіемъ общошнечнаго описанія
сочинишельской жизни, взятыхъ изъ Московскаго
и Академическаго изданія.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
съ Указнаго дозволенія печатано въ типографіи
Шнора, 1803 года.

ПОЛИДОРЪ,

Его Сіятельству Графу Кирилъ Григорьевичу Разумовскому, 1750 года.

Въ оной разговаривають:

Калліопа Муза.

Левкія Дніпрская Нимфа.

Дафнисъ шамошной паспухъ.

Калліопе:

Между прохладными Днѣпровскими сѣпругами,
Между зелеными и мягкими кущами
Тебя я посѣтитъ пришла съ Каспальскихъ горъ,
Чтобъ радость мнѣ свою соединишь съ швоею,
Едино щасіе съ побоею я имѣю,
Единъ у насъ и теперь предсѣпашель Полидоръ.
БОГИНЯ, что поля просѣпранны управлѣешь,
И щедрою Парнасъ рукою украшаешь,
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сѣхъ лугахъ пасши.

ЛЕВКІЯ.

Доколѣ будешь Днѣпръ въ брегахъ своихъ
крупнѣшься,

Дошолъ олшари здѣсь будущъ Ей куришься,
И лавры завсегда погрешивенны цвѣсти.

Вдѣсь плески на лугахъ повсюду раздающіяся,

Часть II.

И съ шумомъ радостнымъ въ порогахъ воды ль-
юпся,

Избыточно цвѣшм даюшъ свой нѣжной духъ,
И вѣшвѣми дерева красуюся, качаюшъ,
И горы и лѣса Богиню возвышаюшъ,
Что къ ихъ желанію склонила щедрый слухъ.
Тебя здѣсь, Полидоръ, желали рощи златыя,
Долины пучныя, испотники прозрачны,
Тебя желали здѣсь обильныя поля.

Калліона.

Тебя мы, Полидоръ, имѣемъ шамъ ограду,
И чрезъ шебя Парнасъ почувствовали ошраду,
Какъ влагу получивъ изсохшая земля.

Левкія.

Ты, Муза, прохладись подъ шѣнію гусшою.

Калліона.

Ты, Нимфа, уклонись со мной сюда ошъ зною;
Мы сядемъ при водѣ на мягкую шраву.
Теперь приспособенъ часъ сплешанъ вѣнки пре-
красны,

И Полидору пѣшъ здѣсь пѣсни намъ согласны.

Левкія.

Я вѣшвѣй и цвѣшковъ, Калліона! нарву.
Смошри, какъ зеленюу вездѣ покрылись нивы,
И шихой Днѣпръ въ себѣ изображаешъ изы,
Что гусшо по крушымъ краямъ его расшупъ.
Играюшъ Зефиры кудрявыхъ дровъ лиспами,
И нѣжашъ шеплыми душисною цвѣшъ крылами.
Съ копорога шума, свой пчелы медъ несущъ.

Каллиопа.

Пріятной день шеперь намъ радость умно-
жаешь,

Подъ вѣшными соловей свой свистъ усугуб-
ляешь,

Завидуя въ лугахъ поющимъ пасухамъ .

И овцы ужъ справу съ ручьями позабыли,

И слухъ къ веселой ихъ игрѣ ужъ обратили,

И козы прыгають по звонкимъ ихъ струнамъ.

Иной кладешь пучки, иной въ свирѣлку сви-
щешь,

Иной любезныя межъ деревьями ищешь,

Иной самъ прятешься отъ ней въ зеленой кустъ.

Левкія.

Хотя довольно насъ пріятность услаждаетъ:

Однако больше всѣхъ меня увеселяешь

О Полидоръ пѣснь изъ Дафнисовыхъ устъ.

Я вижу, онъ идетъ украшенъ весь цвѣтами,

Цвѣшны на головѣ, цвѣшны между перстами,

Цвѣшными увидишь вкругъ и посохъ и свирѣль.

Не такъ любезно мнѣ по камнямъ нодъ журча-
нью,

Не столько голубицъ мнѣ мило воркованье,

И сладкихъ соловьевъ не такъ пріятна шрѣль;

Какъ голосъ Дафнисовъ здѣсь рощи оживляетъ,

И имя, Полидоръ, снокрашно повшоряешь.

Ахъ, Дафнисъ! пѣніемъ своимъ насъ улади.

Каллиопа.

Хотя геройскихъ лиръ мнѣ больше шумъ уго-
день:

Однако сельскихъ спрунь мнѣ сладокъ звонъ и
сродень:

Ты, Дафнисъ, звонкихъ пшиць въ лугахъ здѣсь
посшыди.

Дафнисъ.

Ты, Муза, мнѣ вдокни, чшо нынѣ пѣшь при-
спойно,

Чшо слуху вашего и чшо, сихъ дней, доспойно.

Ты, Нимфа, ласковымъ мнѣ взглядомъ силу дай.

Каллиопа.

Зачни великія Богини добродѣтель,

Кошпорой я сама и весь Парнасъ свидѣтель;

Пошомъ и сихъ долинъ довольства воспѣвай.

Левкія.

Запой, чшо видѣлъ шы, какъ былъ въ великомъ
градѣ,

И чшо при Нимфахъ пѣлъ въ Палемоновомъ спадаѣ:

Мы спанемъ песпрые вѣночки завивашъ,

И въ голосъ къ швоему напѣву приспавашъ.

Дафнисъ.

Молчише шумные пороги

И слушайше мой новой спихъ;

Усыпыше, Нимфы, здѣсь дороги

Лилеями изъ рукъ своихъ ;

Вездѣ вѣнками украшайше

Пригорки, доли и ручьи.

Каллиопа.

Верьхи Парнаски раздѣшайше.

Левкія.

Красуйшесь Днѣпрскія спруни:

Дафнисъ.

Великой будетъ пусть Богинѣ
Вездѣ прилична красоша.
О какъ я веселюся нынѣ,
Что видѣлъ очи и уста,
Опъ коихъ радости почерпають
Широки сѣверны поля!

Каллиопа.

Верхи Парнаски разцѣшаютъ.

Левкія,

Красуется сія земля.

Дафнисъ.

При ней я видѣлъ Полидора,
Онъ предъ лицомъ Ея сщоялъ
Среди геройскаго собора,
И ласково ко мнѣ взиралъ.
О тихи вѣшры! развѣвайше
По всѣмъ лугамъ слова мои,

Каллиопа.

Верхи Парнаски разцѣшайше,

Левкія.

Красуйшесь Днѣпрскія струи.

Дафнисъ.

Вчера съ меня кругомъ обспали
Паспушки съ красныхъ нашихъ горъ,
И съ жадностію понуждали,
Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ опвѣсть: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ паспуховъ.

Каллиопа.

Верхи Парнаски украшаешь.

Левкія.

Онъ здѣшнихъ будешь чesнь луговъ.

Дафнія.

Онъ одна передъ другою,
Скажи, скажи о Нимфѣ намъ,
Кошторой Полидоръ красною
Плѣнившись, шоржесивуешъ самъ.
Я имъ сказалъ: вы запленише,
Нарвавши съ розами лилей.

Каллиопа.

На нихъ люблюсь, поглядише,

Левкія.

И думайше при шомъ объ ней.

Дафнія.

Лозъ подобно плодовишой
Она возлюбленнѣйшъ плодомъ
Благословеніемъ покрышой
Наполнишъ Полидоровъ домъ.
Пребудешъ радоснь въ вѣкъ ошнѣй,
На каждой умножаясь часъ.

Каллиопа.

Хвала безсмершная Богинѣ,

Левкія.

Украшившей его и насъ.

Да фнискъ.

Ему поспѣшно наливайшесь
Пріятной сладостью плоды,
Спорично овцы размножайшесь
И лѣшніе воловъ шруды.
Вы сладку росу поспѣшайше
Сбирашъ, прилѣжные рои.

Каллиопа.

Верхи Парнасски разцѣшайше.

Левкія.

Красуйшесь Диѳирскія спруи.

П И С Ь М О

Къ Ивану Иванѣвичу Шувалову,

Прекрасны лѣтніи дни сія на исходѣ,
Богатство съ красотою обильно сыплютъ въ міръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Нашура смершнымъ всѣмъ опкрыла общій пиръ.
Созрѣлые плоды древа опягощаютъ,
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ,
И руку жадную пригошшвомъ привлекаютъ;
Что снятъ своей рукой, щомъ слаще плодъ
ушамъ.

Сіе довольствіе и красота всемѣсна
Не шокмо жишелямъ обильнѣйшихъ полей
Полезной роскошью являешся прелестна,
Богинь влечетъ она приащностью своей.
Чершого свѣшлые, блищаніе мешалловъ
Оставивъ, на поля спѣшишь ЕЛИСАВЕТЪ.
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ!
Туда, гдѣ ей Цейлодъ и въ Сѣверѣ цвѣпешъ,
Гдѣ хипросишь масшерсшва преодолавъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной видъ,
И принуждаетъ въ верхъ скакашь высоко воду,
Хопя ей шягоси въ низъ и жидкостъ щечъ
велишъ;

Толь многи радости, шоль разныя ушѣхи
Не могушъ ошъ шебя Царнасежнихъ горъ закршъ.

Тебѣ пріяшны колы Россійскихъ Музъ успѣхи,
То можно изъ швоей любви къ нимъ заключить.
Ты будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Вспомани, что мой покой духъ не знаетъ,
Вспомани мое раченіе и труды;
Межъ спѣвъ и при огнѣ лишь только обрцаюсь;
Оспрада вся, когда о лѣпѣ я пишу;
О лѣпѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.
Однако лѣпо мнѣ съ весною возвращишься,
Я оныхъ красошой и въ зиму наслажусь,
Когда мой духъ швоимъ пріяшнствомъ ободришься,
Которое взнесши я на Парнасъ пошцусь.

П И С Ь М О

О пользѣ стекла Генералу Порутчику
Ивану Ивановичу Шувалову, 1752 году.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ!
Которые стекло чпущъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не менша польза въ немъ, не менша въ немъ
краса.

Нерѣдко я для той съ Парнаскихъ горъ спу-
скаюсь,

И нынѣ опъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ побой въ возшоргѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злашу, но стеклу.
И какъ я оное хваля, воспоминаю,
Не ломкость аживаго я щастья представляю.
Не должно шѣйности примѣромъ шоебышь,
Чего и сильный огонь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлишель:
Стекло имъ рождено; огонь его родишель.

Съ Нашурой нѣкогда онъ произвешъ хощи
Достойное себя и оныя дѣши,
Во мрачной глубинѣ подъ шягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живешъ и борешся съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби зашворилъ,
Въ кошоры Океанъ на брань къ нему входилъ,
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И шягошу земли превыше облакъ вскинулъ:

Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь ,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не басношворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину опъ Зевеса ;
Но Ешна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ ,
Которая дала пушъ чуднымъ симъ родамъ .
Изъ ней разженная рѣка шекла въ пучину ;
И свѣтъ опчаясь, мнилъ, что зрѣшъ свою судь-
бину.

Но ужасу шому послѣдовалъ конецъ :
Довольна чадомъ мапъ, доволенъ имъ опецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе опкрыли.
Но чтожъ опъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное спекло.
Увидѣвъ смершныя, о какъ ему дивились!
Подобное шому сыскашъ искусствомъ пицились,
И было въ дѣлѣ семъ удачно маспершво :
Превысило своимъ раченьемъ еспешиво.
Тѣмъ спало живіе на свѣтѣ намъ щасливо ;
Изъ чистаго спекла мы пьемъ вино и пиво ,
И видимъ въ немъ примѣръ безхитросныхъ
сердецъ,
Кого лзя видѣшъ сквозь, шопъ подлинно нелъ-
спецъ.
Спекло въ напипкахъ намъ не можешъ скрѣшъ
примѣсу ;
И чиста совѣшъ рвешъ пришворствъ гнилу за-
вѣсу.

Но сколько ли уже, стекло, твоихъ похвалъ,
Что намъ въ тебѣ вино и медъ самъ слаще
спаль?

Никакъ! сіе твоихъ достоинствъ лишь начало,
Кошоры, мастерство тебѣ съ природой дало.

Исполненъ слабостями нашъ крапкій въ мі-
ръ вѣкъ :

Нерѣдко впадаетъ въ болѣзни человекъ !
Онъ ищетъ помощи, хотя спасись отъ муки,
И жизнь свою, продлишь , врачамъ даешь въ
руки.

Нерѣдко намъ они оспраду могутъ дать ,
Умѣвъ приличныя лѣкарства предписать ;
Лѣкарства , что въ стеклѣ храняшь и сошта-
вляюшь ,

Въ стеклѣ одномъ онъ безвредны пребываютъ.
Мы должны здравія и жизни часть стеклу;
Какую надлежитъ ему принесть хвалу!
Хоть вмѣсто онаго замысловаши Хины
Сосуды составляли нашли изъ чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
Художествомъ своимъ преобразовавъ въ фарфоръ,
Красой его къ себѣ народы привлекаюшь ,
Что плавая, морей свирѣлостью презираюшь :
Однако былъ бы онъ почти простой горшокъ,
Когда бы блескъ стекла дать помощи не могъ.
Оно входъ жидкихъ жѣлъ отъ скважинъ ошвра-
щаешь ,
Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаешь.

Имѣешь опѣ стекла частѣ крѣпости фарфора :
Но шое, что на немъ увеселяешь взоръ ,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть прекрасно,
Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ ,
Коль пользы опѣ стекла приобрѣло велики,
Доказывающъ по Финифти, Мозаики, ?
Кошеры въ вѣкъ хранящъ героическихъ бодрости
лицъ ,
Пріятности нѣжную и красоту дѣвицъ ;
Черезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрящся,
И вѣхой древности грызеня не боящся.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей ,
Спѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей ;
Великой не шерпи и спрогой перемены ,
Скрываешь человекъ себя въ толстымъ спѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ
сидѣть ;
Или съ дрожаніемъ несносной хладъ шерпѣшь :
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло выпускаешь ,
И любуясь холода чрезъ поже ошвращаешь.
Ошворенному вдругъ и заперлому бышь ,
Не по ли мы зовемъ, что чудеса шворишь ?
Потомъ какъ человекъ зимой спалъ безопасенъ ,
Еще припомъ желалъ , чтобъ цвѣлъ всегда пре-
красенъ

И въ сѣверныхъ спранахъ въ снѣгу зеленой садъ,
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ ;
И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы;
Зимою за стекломъ цвѣтны хранящей живы;
Дающъ пріятной духъ, увеселяющъ взоръ ,
И вамъ, красавицы, хранящъ себя въ уборъ.
Позволь, любитель Музъ, я рѣчь свою склоняю,
И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обращаю;
И Музы съ оными единого сродства;
Подобна въ нихъ краса и нѣжныя слова.
Щастливой младостью твоей цвѣтущи годы
И склонной похвалы и ласковой природы
Мой стихъ опъ оныхъ къ симъ пренесъ не
возбраняющъ.

Прекрасной полъ, о коль любезенъ вамъ нарядъ !
Дабы прельститъ лицемъ любовныхъ суевѣровъ,
Какое множество вы знаете манеровъ;
И коль искусны вы уборъ перемѣняющъ,
Чтобъ въ каждой день себѣ пріятность нову
дасть!

Но былобъ ваше все спаранье безъ успѣху,
Наряды ваши бы достойны были смѣху,
Когдабъ вы въ зеркалѣ не видѣли себя.
Вы вдвое пригожи, стекло употребя.
Когда блестящъ на васъ горящіе алмазы,
Двойной кипишъ въ насъ жаръ сугубыя заразы.
Но больше красоты и больше въ нихъ цѣны ,
Когда кругъ нихъ стекломъ цвѣтки наведены:
Вы кажешъ намъ въ нихъ пріятною весною,
Въ цвѣтахъ наряженной усыпанныхъ росю.

Во свѣтлыхъ зданіяхъ убранства таковы.
Но въ чемъ красуешься, о сельски Нимфы, вы?
Природа въ васъ любовь подобную вложила,
Желанья нѣжны въ васъ подобна движенью сила;
Вы также украшаете желаете себя.
За шѣмъ прохладныя поля свои любя,
Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ лилеи,
Кладете ихъ на грудь, и вьжете кругъ шеи.
Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна!
Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена, .
Когда лишась цвѣтень, поля у васъ блѣднѣютъ,
Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣютъ?
Безъ оныхъ что бы вамъ въ нарядахъ помогло,
Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?
Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привле-
каетъ,
Какъ блещущій алмазъ богатыхъ уязвляетъ.
Или еще на васъ въ немъ больша красота,
Когда любезная въ васъ свѣтитъ просвѣта.

Такъ въ бисерѣ стекло подобяся жем-
чугу,
Любимо по всему земному ходишь кругу.
Имъ красится народъ въ полунощныхъ степяхъ,
Имъ красится Арапъ на южныхъ берегахъ.
Въ Америкѣ живутъ, мы чаемъ, проспаки,
Что шамъ драгой мешалъ изъ сребреной рѣки
Даютъ Европскому купечеству охотно,
И бисеру берутъ количество нечотно;

Но шѣмъ, я думаю, онъ разумный насъ,
Что гоняшь ошъ своихъ бѣдамъ причину глазъ;
Имъ оны времена не budouтъ въ вѣкъ забвенны,
Какъ пали ихъ опщы для злаша побіенны.
О коль ужасно зло! На шо ли чѣловѣкъ
Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ?
На шо ли разрушивъ ещеспвенны предѣлы,
На ушломъ деревѣ обшелъ кругомъ свѣпъ цѣлый?
За шѣмъ ли онъ сошелъ на красны берега,
Чтобъ шамъ себя явишь свирѣпаго врага?
По тягоспномъ прудѣ снесенномъ на пучинѣ,
Гдѣ предаъ онъ себя на произволъ судьбинѣ,
Едва на швердый пушъ ошъ буръ избышь успѣлъ,
Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ.
Уже горяшь Царей шамъ древнія жилища;
Вѣнцы врагамъ корысть и плошъ ихъ вранамъ
лица!
И кости предковъ ихъ изъ золошыхъ гробовъ
Чрезъ спѣны падаюшъ, къ смердящимъ прупамъ
въ ровъ!
Съ перспнями руки процъ и головы съ убран-
спвомъ
Сѣкушъ несыпые и злашомъ и шيرانспвомъ.
Иныхъ свирѣпшвуя, въ средину гоняшь горъ
Драгой мешалъ изрышь изъ преглубокихъ норъ.
Смяшеніе и спрахъ, оковы, гладъ и раны,
Что наложили имъ въ работѣ ихъ шираны,
Прецяпшповали имъ подземну хлябъ крѣпнишъ,
чтобъ шягоша надъ ней могла недвижна бышь.

Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны
Безщасныя, или по истиннѣ блаженны,
Что вдругъ избѣгли всѣ безчеловѣчныхъ рукъ,
Работны шажкія, ругашельсшва и муку!

Оспавивъ Каспидланѣ невинносш шакъ по-
правну,
Съ богашсшвомъ въ опчешсшво спѣшишъ, цо
Океану,
Надѣясъ онымъ всю Европу вдругъ купишъ.
Но злашомъ волнѣ морскихъ не можно ушопишъ.
Подобный ихъ сердцама Борей подиявъ пучину,
Навелъ ихъ живопу и варварсшву кончину;
Погрязли въ глубинѣ съ сокровищемъ своимъ,
На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.
То бури, шо враги шоль часшо ихъ шерзали,
Что рѣдко до береговъ желанныхъ доспигали.
О коль великой вредъ! опъ зла раждалось зло!
Виною шопикихъ бѣдъ бывало ли спекло?
Никакъ! оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ:
Полезно молодымъ, и старымъ помогаетъ.

По долговременномъ шеченьи напшихъ дней
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее шого не предсшавляетъ чувсшво,
Что кажетъ въ шонкосшяхъ нашюра и искусшво.
Велика сердцу скорбь лишиться чшенъя книгъ;
Скучиѣ вѣчной шмы, шяжелѣ веригъ!
Тогда прошивенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ спекло въ сей бѣдносш опрада.

Часть II.

2

Оно способствіемъ искусства руки
Подашь намъ зрѣніе умѣть чрезъ очки!
Не даръ ли мы въ спекль божественный имѣемъ?
Что чести достойную воздашь ему коснѣемъ?

Взирая въ древности народы изумлены,
Что грѣешь, шопишь, лешь и свѣшишь огонь
взрожденный,

Иные божеску ему давали чesъ,
Иные знашь хоща, кто съ неба могъ принесъ,
Предсказали въ своемъ мечпаньи Прометей,
Что многи на землѣ художества умѣя,
Различныя казаль искусствомъ чудеса:
За то Минервою былъ взятъ на небеса.
Похитилъ съ солнца огонь и смертнымъ опдалъ
въ руки.

Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны
звуки.

Продерзскаго къ горѣ великой приковаль,
И сильному орлу на разшерзанье далъ.
Онъ сердце завсегда коварное шерзаетъ,
На коемъ снова плоть на муку вырастаетъ.
Тамъ слышанъ сирапный сиронъ, тамъ пляска
цѣнь звучащъ,

И кровь чрезъ камни въ низъ пекущая шумишь.
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но въ просвѣщенны дни сей вымысль видимъ
ясно.

Пишны украшаешь хоща свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грѣхи.

Мы пламень солнечный спекломъ адсья полу-
чаемъ ,

И Прометею шѣмъ безбѣдно подражаемъ .

Ругаясь подлостью нескладныхъ оныхъ вракъ ,

Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ шабакъ :

И только лишь о томъ мы думаемъ , жалѣя ,

Не сверглаалъ въ пагубу наука Прометей ?

Не злѣсь ли на него невѣжды свирѣпныхъ полкъ ,

На знашны замыслы сложилъ неправой шолкъ ?

Ненаблюдалъ ли звѣздъ шогда сквозь телескопы ,

Чшо нынѣ воскресилъ шрудъ шасшливой Европѣ ?

Не огонь ли онъ спекломъ умѣлъ сводитъ съ
небесъ ,

И пагубу себѣ опъ варваровъ нанесъ ,

Чшо предали на казнъ , обнесши чародѣемъ ?

Коль много шаковыхъ примѣровъ мы имѣемъ ,

Чшо зависѣшь скрывъ себя подъ свѣтлости по-
кровъ ,

И груба ревностъ съ ней на правду шпрояковъ ,

Опъ самой древности воюющъ многократно ,

Чѣмъ много знанія погибло невозвратно !

Коль шочно зналибъ мы небесныя шпраны ,

Движеніе планетъ , шеченіе луны ,

Когда бы Аристархъ зависпавымъ Клеаншомъ ,

Не названъ былъ въ судѣ нешповымъ Гиганшомъ ,

Деранувшимъ земаю всю опъ шверди пошрясши ,

Кругъ ценшра своего , кругъ солнца обнесши ;

Деранувшимъ научашъ , чшо всѣ домашни боги

великой шерпашъ шрудъ всегдашніа дороги ;

Вершишся вкругъ Непшунъ , Діана и Плущонъ ,

И шпраждушъ шуѣ казнъ , какъ дерзкой Иксіонъ ;

И неподвижная земли богиня Веспа
Къ упокоенію сыскашь не можешь мѣста.
Подъ видомъ ложнымъ сихъ почитенія боговъ
Закрытъ былъ звѣздный міръ чрезъ множествъ
вѣковъ.

Боясь паденія неправою оной вѣры,
Вели всегдашнюю брань съ наукой лицемѣры,
Дабы она, открывъ величество жебесь,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесь,
Не показала всѣмъ, что непоспѣжна сила
Единого Творца весь міръ сей сошворила.
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище бо-
говъ

Не стоявъ шучныхъ жершвъ, ниже подъ жер-
шву дровъ;

Что агнцевъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно:

Сіе одно, сіе казалось быть опасно.

Ошшолъ землю всѣ считали посреда.

Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ
шрудѣ

Запушанъ циклами, пока возсашъ Коперникъ,
Презрипелъ зависши и варваршву соперникъ:
Въ срединѣ всѣхъ планетъ онъ солнце положилъ;
Сугубое земли движеніе открылъ.

Однимъ кругъ центра пушъ вседневный совер-
шаешъ,

Другимъ кругъ солнца годъ шеченьемъ оспа-
вляешъ,

Онъ циклы истинной системою разшерзалъ,
И правду шочностью явленій доказалъ.

Пошомъ Гутенія, Кеплеры и Невпоны,
Преломленныхъ лучей въ спеклѣ познавъ законы,
Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ чшо училъ, сомнѣнія въ шомъ нѣтъ.
Клеанповъ не боясь, мы пишемъ всѣ согласно,
Чшо испиниѣ они прошиваѣтся напрасно.
Въ безмѣрномъ углубя проспранспвѣ разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль, изъ свѣта въ свѣтъ
иной.

Вездѣ божественну премудрость почишаемъ,
Въ благоговѣніи весь духъ свой погружаемъ.
Чудимся быспринѣ, чудимся шипинѣ,
Чшо Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
Въ ужасной скорости и купно бытъ въ покой,
Кшо чудо сотворитъ кромѣ его шакое?
Насъ больше шакovy идеи веселятъ,
Какъ Божій нѣкогда описывая градъ,
Вечерній Августинъ (*) душею веселился.
О коль великимъ онъ возпоргомъ бы плѣнился,
Когдабъ разумну шварь шоль шѣсно не включалъ,
Подъ намибъ жителей, какъ здѣсь, не оприцалъ,
Безъ Машемашики вселенной бы не мѣрилъ!
Чшо естъ Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:
Доказываетъ по подземной Капшолкѣ,
Кады злашой его въ кашелахъ новыхъ ликъ.
Уже Колумбу въ слѣдъ, уже за Магелланомъ
Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ,

(*) О градѣ Божіи, книга 16 гл. 9.

И видимъ множество божественныхъ шамъ дѣлъ,
Земель и острововъ, люлей, градовъ и селъ,
Незнаемыхъ предъ шѣмъ и спранныхъ шамъ жи-
вошныхъ ,
Звѣрей и птицъ и рыбъ, плодовъ и справъ не-
счощныхъ.

Возмише сей примѣръ, Клеаншъ, ясно видѣвъ,
Коль много Августинъ въ семь мнѣни неправъ!
Онъ слово божіе упошреблялъ (*) напрасно,
Въ сисшемъ свѣшъ въ шожъ дѣлаешъ власно.
Во зришельныхъ прубахъ спекло являешъ намъ,
Колико далъ Творецъ проспранство небесамъ:
Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяешъ:
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь яв-
ляешъ.

Кругъ солнца нашего среди другихъ планешъ
Земля съ ходящею кругъ ней Луной печешъ.
Копорую хоща весьма проспранну знаемъ,
Но къ свѣшу примѣнивъ, какъ почку предспа-
вляемъ.

Коль созданныхъ вещей проспранно ешество !
О коль велико ихъ создаше Божество!
О коль велика къ намъ щедрость его пучина,
Чшо на землю послалъ возлюбленного сына!
Не погнушался онъ на малой шаръ сойши,
Чшобы погибшаго спраданіемъ спасши.
Чѣмъ меньше мы его щедрость достойны зримся,
Тѣмъ больше благосши и милосши чудимся !

(*) Тамъ же.

Спекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣденія шьму.
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ неложны,
Поспавлены Творцемъ; другіе невозможны.
Въ благословенной нашъ и просвѣщенный вѣкъ
Чего не могъ дойти по онимъ человѣкъ?

Хоть оспрымъ взоромъ насъ природа ода-
рила,

Но близокъ онаго конецъ имѣеть сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажутся намъ вещей,
И собранныхъ шрубой онъ пребываетъ лучей,
Коль многихъ шварей онъ еще не достигаетъ,
Копорыхъ малой ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ ош-
крылъ,

Что Богъ въ невидимыхъ живошнихъ сотворилъ.
Коль шонки членн ихъ, сосшавы, сердце, шилы,
И нервы, что храняшъ въ себѣ живошны шилы!
Не меньше, нежели въ пучинѣ шижкій кишъ,
Насъ малый червь часшей сложеніемъ дивилъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небешной!
Великъ въ шпроеніи червей, шкудели шѣсной!
Спекломъ познали мы шолки чудеса,
Чѣмъ онъ наполнялъ поншъ и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно коль намъ пошребно!
Являютъ шравъ разборъ и знаніе вратешно.
Коль много Микроскопъ намъ шайношей ош-
крылъ,
Невидимыхъ часшницъ и шонкихъ въ шѣлѣ шилъ!

Но что еще? Уже въ спеклѣ намъ бароме-
тры,
Хошашъ предвозвѣщашъ, коль скоро будупъ вѣ-
пры,
Коль скоро дождь гуспой на нивахъ зашумишъ,
Иль облаки прогнавъ ихъ, еднѣ осушишъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льспишся,
Спекло поможешъ намъ, и дѣло совершишся.
Открылись почно имъ движенія свѣшилъ:
Чрезъ шожъ опкроешся въ погодахъ разности
силъ.
Коль могушъ щасцливъ селяне бышъ опшолъ,
Когда не будешъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способноши ждашъ должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣшъ или молчашъ волнамъ,
И плавашъ по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горь злпшхъ достойно!

Далече до конца спеклу достойныхъ хвалъ,
На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ доспалъ.
За пѣмъ уже слова похвальны оспавляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю:
Однако при концѣ не можно преминушъ,
Чшобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянушъ.

Чшо можешъ смершнымъ бышъ ужаснѣ у-
дара,
Съ кошорымъ молнія изъ облакъ блещешъ яра?
Услышавъ въ шемношъ внезапной прескъ и шумъ,
И видъ быспрой блескъ, мящется слабый умъ;

Отъ гнѣвнаго часа желаетъ, гдѣбъ укрѣпясь;
Причины онаго изслѣдовавъ спрашивае.
Дабы изъясковавъ, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаеши онъ грѣхомъ.
На бить, онъ говоритъ, я посмошрѣть не смѣю,
Когда грозить Опецъ намъ яростью своею.
Но какъ онъ насъ казнишь, поднявъ въ пучинѣ
валъ,
То грѣхъ ли то скажешь, что въшромъ онъ на-
гналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Ниль шамъ не
разлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсужданъ.
Но блескъ и звукъ его не давъ главы поднявъ,
Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи шолікомъ,
Что въ заблужденіи перяли путь великомъ,
И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,
Доколѣ дѣйствъ въ спеклѣ подобныхъ не нашли.
Вершаясь спеклянный шаръ, даетъ удары съ бле-
скомъ,
Съ громовымъ сходственнѣй сверканіемъ и пре-
скомъ.
Дивился сходству умъ; но видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнишеленъ въ шомъ былъ,
Довольствуя одни чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ шомъ перемѣнъ пріятныхъ дня и ночи;
И больше въ шомъ одномъ раченія имѣлъ,
Чтобъ силою спекла болѣзни одолѣлъ;
И видѣлъ часто въ шомъ успѣхи вождѣльны.
О коль со древними дни наши несравненны!

Внезапно чудный слухъ по всѣмъ спранамъ пещь ,

Что ошъ громовыхъ спрѣлъ опасности ужъ нѣтъ.

Что паже сила пучъ гремящихъ мракъ наводншь ,

Копора ошъ стекла движеніемъ изходишь ;

Что зная правила изысканнымъ стекломъ ,

Мы можемъ опврашншь ошъ хранишь нашихъ громъ.

Единство оныхъ силъ доказано спокрашно:

Мы лѣпа нынѣ ждемъ пріятнаго обратню.

Тогда о истиннѣ стекло увѣришь насъ ,

Ужасный будеть ли безбѣденъ грома гласъ?

Европа нынѣ въ шо всю мысль свою вперила ,

И махинъ уже приспойны учредила.

Я слѣдуя за ней, съ Парнаскихъ горъ схожу,

На время ко стеклу весь шрудъ свой приложу.

Ходя за шайнами въ искусствѣ и природѣ

Я слышу возхищенъ веселый гласъ въ народѣ.

ЕЛИСАВЕТИНА повсюду похвала

Гласншь премудрости и щедрости дѣла.

Злашны времена! О крошкіе законы!

Народу своему прощаешь миллионы ;

И пользу общую опечеснша прозря ,

Ученію велишь разширишь въ моря ,

Умноживъ бодрость въ немъ щедрошю своею!

А ты, о Меценатъ, представельствомъ предъ Нею

Какой наукамъ пушь спарашся открышь ,

Предъ свѣтомъ въ шомъ могу свидѣтель вѣрной
быть.

Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что пицашся поспигаешь ученія полезны.

Мои посильные и малые шруды

Коль часно передъ Ней воспоминаешь ты!

Услышенному быть Ея кропчайшимъ слухомъ;

Есть новымъ въ бышій жививоришься духомъ!

Кто кажетъ спарыхъ смыслъ во дняхъ еще мла-
дыхъ,

Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ
сѣдыхъ.

Кто склонность въ щасіи и доброту являетъ,

Тотъ щасіе себѣ недвижно утверждаетъ.

Всякъ чувствуетъ въ шебѣ и хвалитъ обою ,

И небо чаемыхъ покажетъ сбытіе.

С Т И Х И

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ ,
на Фейерверкѣ изображающій благо-
денспвующую Россію, представленный
въ Сѣнктѣпетербургѣ 1го Генваря, 1755
года.

Гдѣ въ свѣтѣ естъ народъ, земля , спрана
и царство
Подобная спранъ , Монархия, швоей?
Ошъ запада твое просперлось Государство ,
Ошъ юга, сѣвера и ушренныхъ полей.
Какой Монаръ, возмогъ , чшобъ подъ одну дер-
жаву
Народовъ множество шоликое собрать?
Чушь змають по рѣчамъ себя , лицу и нраву;
Но всѣ едину чшущъ Тебя, Россійска мать.

Какъ ушреннымъ лучемъ прешполь швой
здѣсь сіяеть ,
Другую часъ спраны швоей покоишь ночь ;
Какъ ушрення заря Камчашку озаряетъ ,
Вечерняя ошселя шогда ошходишь прочъ ;

Когда имѣешь ночь народъ швой южный лѣпомъ,
То сѣверный народъ въ шрудахъ полдневныхъ
бдишь ;
Какъ звѣзднымъ Аспраханъ въ ночи блискаетъ
свѣтомъ ,
То Кола въ полнѣйшемъ блискавьи слонце зришь.

Все то, что скипетръ швой, богиня, освѣ-
щаетъ ,
Вспокъ, западъ, сѣверъ, югъ усердіемъ веришь ,
Начавши отъ Двины огонь праздничный пылаешь,
По дальнѣйшей Амуръ , что Хинъ отъ насъ
дѣляшь.
И съ восклицаніемъ во всѣхъ справахъ шумящимъ
Язъки разными вѣщаетъ швой народъ;
Да мовое тебѣ и всѣмъ тебѣ служащимъ
Явишся щасіе въ начавшійся сей годъ.

Тебѣ и всей швоей фамиліи, Богиня!
Благополучны дни обильный сыплешь рогъ;
Тебѣ раждается днесъ новая година
И съновымъ щасіемъ вступая въ швой чертогъ.
Да коломъ пакъ швоей судьбины обращаешь ,
Какъ подданны тебѣ щасливыхъ просятъ дней,
Да вышше швой орелъ съ дня на день возле-
щаетъ ,
И щасіе дѣлаетъ во всей странѣ швоей.

П И С Ъ М О

поздравительное на возвращеніе изъ Ли-
флядіи его Сіяшельству Графу Гри-
горью Тригорьевичу Орлову Іюля 19 дня,
1764 года.

Любители чистыхъ Музъ , защитники ихъ
шрудовъ ,

О взоромъ, бодростію и мужествомъ Орловъ ,
Позволь проспершь имъ гласъ изъ мѣстъ уеди-
ненныхъ

На встрѣчу, гдѣ ошъ спранъ БОГИНЯ оживлен-
ныхъ

Всѣхъ щедря и любя, спѣшишь Невы къ спруямъ
Оспрады обновить, покой умножишь намъ ,
Гдѣ ты усердіе и вѣрность къ ней являешь ,
И сродно съ именемъ раченьемъ возлепаешь ,
Предвидишь издали благоугодность Ей ,
Минервѣ пышящи достойной ошарей.

Куда ни поспѣшають спопы Ея достигнуть,
Тамъ должно храмы въ честь для вѣчности воз-
двигнуть.

Лишь только начнешя пребыспрыхъ мыслей бѣгъ,
Предводишь польза ихъ и слѣдуешь успѣхъ.
Спокрашно щасилъвы Ея подъ кровомъ нивы ,
Гдѣ лавры собрааъ ПЕТРЪ, Она сажить оливы.
Возносящъ грады шамъ въ веселіи главы.
О какъ красуешься, Балпійски брѣги, вы!
Тришоны съ Нимфами шамъ громко возклицають
И Амфишрины пушъ Россійской прославляютъ.

Кроншпашскихъ изобразивъ за лѣпо шумъ валовъ,
Какъ радовались тѣ схижденію боговъ!

ЕКАТЕРИНИНУ приходу въ длани плещущъ;
Торжественныя огни среди нѣдръ влажныхъ блестящъ;

Сугубымъ ревомъ шамъ и пѣною порогъ
Спрямишся къ низу, чья Монаршихъ святошъ
ногъ.

Противны нѣкогда, но нынѣ Россамъ святымъ
Ликующъ въ торжествѣ Ливонскіе раскаты.
Крушившися неселась въ спружъ своихъ Двина,
Оспрадой болѣе, какъ влагою полна.

Не спрашны шамъ ошвиъ грозящи исполнимъ:
Крѣпимъ премудрыя рука ЕКАТЕРИНЫ.
Для безопасности обильныхъ Россіихъ нѣдръ
Хранишь преемница, что намъ устроилъ
ПЕТРЪ.

Крѣпимъ на западѣ, въ востокъ разпространяешь,

Судьба широки гдѣ врага Ей опровергаешь,
Народы многіе сыскавъ, ошъ зла покрывъ,
И знаніемъ добра и пользы просвѣшивъ.

Здѣсь шверды крѣпости, здѣсь приспани и
флошы,

Прибѣжище своимъ и ошъ враговъ оплошны.
Снаряды значашъ всѣ противнымъ спрахъ, не
вредъ,

И въ безопасности чтобъ мирной былъ сосѣдъ.
Въ покоѣ богашимъ Монархия насъ мыслишь,
Что общее добро своимъ довольшвомъ числишь,

Во всемъ опечетсѣвъ поспавишь правый судъ
И щедро награждашь усердныхъ вѣрный трудъ,
Блаженство подданныхъ возвысишь чрезъ науки,
Наградой ободряешь художественны руки,
Спасашъ нещасливыхъ, щасливыхъ умножаешь,
И бышь рабовъ своихъ возлюбленная Мать.

Подобно какъ весны благопріятно время
Живить по всей землѣ и въ морѣ всяко племя,
Владычица красуешь, напуры щедра дщерь
Когда богачи своихъ опроверзешъ только
дверь;

Зефиръ нѣжны на воздухъ вылепашъ,
Ушѣху, здравію повсюду разливаешь,
И пчелы пестрыя сосушь въ лугахъ цвѣтши,
Сбирая сладости себѣ и намъ сои;
Поля, спада, лѣса даюшь вездѣ надежду,
Головы намъ покровъ и пищу и одежду;
И все, что видимо въ богатомъ естествомъ,
Живешь и движешься въ трудѣ и въ шорествѣ.
Не иначе народъ въ блаженствѣ успѣваешь,
Что просвѣщенная БОГИНЯ покрываетъ;
Въ числѣ Монаршескихъ считаешь вѣщихъ дѣлъ
Внушрь области снабдишь и укрѣпишь предѣлъ.

Се слава по путямъ Ливонскимъ разглашаетъ:
Монархиня лицемъ къ Пешпрополю сидеть.
Въ восторгъ онъ прильзъ желаемый сей слухъ,
Опъ чистыхъ Невскихъ струй возводишь взоръ
и духъ.

И солнца своего привѣстивуешь возходу,
Опкуду блещешь святы Россійскому народу.

Желанія во всѣхъ , какъ тихихъ водъ игра
Пріемлющихъ лучи чистѣйшіе сребра ,
Повсюду блещущихъ опъ одного свѣтила ;
Такъ дѣйствуешь въ сердцахъ добротъ Монар-
шихъ сила!

Я зрю здѣсь въ радости довольствій об-
щихъ видъ ,
Гдѣ Рудица, вьючись сквозь каменья , журчитъ ,
Гдѣ дѣйствуешь вода, гдѣ дѣйствуешь и пламень ,
Чтобы сосланишь мнѣ , или превысишь камень
Для сохраненія геройскихъ славныхъ дѣлъ ,
Что долгъ къ Ощечеству изобразишь вельѣ ,
Гдѣ Дщерь ПЕТРОВА мнѣ щедрою рукою
Награду воздала между трудовъ къ покою ,
Трудовъ , что ободрилъ ЕКАТЕРИНИНЪ гласъ ,
И зорь жизнь нову влилъ и воскресилъ Парнасъ!

Онъ будетъ сихъ даровъ безсмертнѣй про-
повѣдникъ .
А ты, о храбрыхъ дѣлъ ощеческихъ наслѣдникъ ,
Ты знаешь съ мужествомъ пріятности сопря-
гаешь ,
Блюсти Величество и подданныхъ спасаешь ,
Великія дѣла соединяешь къ опрадъ ,
И Марсу слѣдоваешь и угождаешь Палладѣ .
Блаженъ родишель (*) пивой , такихъ намъ давъ
сыновъ ,
Не именемъ однимъ , но свойствами Орловъ .

(*) Григорій Ивановичъ Орловъ служилъ Генера-
лъ Маіоромъ , и по шомъ Новгородскимъ

Онъ храбросшю ПЕТРУ усердствовалъ на брани:
Ты вѣрны Опчеству разпроспиряя длани,
ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ златой наукамъ обновилъ.
Ликуютъ Сѣверны спраны въ премудрой волѣ,
Что правда съ кропосшю сіяешъ на Пресполѣ.
О коль прекрасны дни! о коль любезна Власпъ!
Герой! мы должны въ шомъ шебѣ велику часпъ.

Губернашпоромъ съ общею опшъ всѣхъ похвалою. Въ бывшую при Государѣ блаженныя памяти Имперашпорѣ ПЕТРѢ Великомъ Шведскую и Турецкую войну находился на всѣхъ бащалияхъ, и за отличную его храбросшъ и прешерпѣнныя раны почтень былъ опшъ Государя золошою цѣпью и портрешомъ Его Величешсва. Родъ Орловыхъ произходитъ опшъ древнихъ дворянъ Германскихъ изъ Польской Пруссіи.

НА ВСЕРАДОСТНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ПРЕВОСХОДСТВѢ НОВОИЗОБРЕТЕННОЙ Ар-
ТИЛЛЕРІИ ПРЕДЪ СТАРОЮ

ГЕНЕРАЛОМЪ ФЛАДЦЕЙГМЕСТЕРОМЪ

И

КАВАЛЕРОМЪ

ГРАФОМЪ ПЕТРОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ
ШУВАЛОВЫМЪ.

Для пользы общества коль радостно тру-
дишься!

Опять зависши при шомъ коль скучно боро-
нишься!

Ты въ исправленіи гранадъ, доходовъ правъ,

Самъ дѣломъ испышалъ, трудолюбивый Графъ!

Тожъ чувствуюшь въ себѣ рачищели и други,

Компормы чинують въ тебѣ къ обществу заслуги,

Спарашься о добрѣ, коль дозволяешъ мочь,

День въ пользѣ провождашь и безъ покоя ночь,

И слышашъ о себѣ недоброхотнымъ рѣчи

Не легче, какъ спояишь прошивъ кровавой сѣчи.

Кто оны побѣдишь, шоптъ подлинно герой.

Всѣмъ должно подспавляишь въ примѣръ посту-
покъ твоихъ.

Раченіямъ твоимъ споспѣшникъ самъ Содѣшель,

И правдѣ въ свѣтѣ ихъ МОНАРХІЯ свидѣ-
тель.

Намъ слава , спрахъ врагамъ въ полкахъ твоихъ
огни ;

Какъ прежде , такъ и впредь пали , рази , гони .
Велико дѣло естъ повелѣвать полками .

Торжественно шлошь пропавшихъ надъ шѣлами ,
И слышаешь радостный побѣдоносцевъ кликъ ,
Презрѣвъ съ нимъ смѣшанный и шонъ и плачь
великъ ;

Сспремись къ будущей и брани и побѣдъ ,
И шѣмъ упорство все искоренишь въ сосѣдѣ ;
Покой опечесиву со славой принеси ,
Дабы могло попомъ въ безмолвіи цвѣсти .
Великой похвалы и шонъ въ войнѣ досшоенъ ,
Кто мыслью со врагомъ сражается спокоенъ ;
Спокоенъ бранъ ведешь искусствомъ хитрыхъ
рукъ ,

Гоповя спрахъ врагамъ и смерпоносный звукъ .
Не можешь безъ шого ни мужество геройско ,
Ни швердоспю силъ безчисленное войско
Противъ упорнаго противника шлошь :
Тутъ нужда пребуешь громъ громомъ опрашаешь ,
Чшобъ прежде мы , не насъ противны досягали ,
И мы бы ихъ полки на часши раздробляли ;
И пламень бы враговъ въ скоропоспизный часъ
Ошъ Росской арміи не разродясь погасъ .
И такъ чшо вымысломъ одинъ изобрѣшаешь ,
Съ разумной храбростію другой упошребляешь ,
Похвальны обоихъ въ семъ подвигѣ шруды
Намъ мира принесутъ желанные плоды .

Уже весну ведешь къ намъ свѣшлый предводи-
тель,

И ждешь вселенная, кто будетъ побѣдитель.

Тамъ Варша съ Одрою спруи свои крушишь,

И кажешь влажности огней ужасный видъ,

Что яросно при нихъ изъ Русскихъ рукъ зву-
чали,

И шакъ ихъ кровію прошивниковъ сгущали.

Секвана и Дунай поднимають въ верхъ главы,

Чтобъ слышашъ громъ и спукъ изшедшій отъ
Невы.

Тамъ Одра, Темза, Рень кровавы движуть волны;

Мушнпся во брегахъ съ надѣждой спрахъ полны.

Всѣ ждущъ, въ кошорый край надежда поле-
пншъ.

Мнѣ весь Парнасъ сказалъ: шуда полкомъ спо-
ишъ

Съ ЕЛИСАВЕТОЙ Богъ и храбросшъ Генераловъ,

Россійска грудь, пивои орудія, Шуваловъ.

ТАМИРА И СЕЛИМЪ

Т Р А Г Е Д І Я

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ сей Трагедіи изображается спихопворческимъ вымысломъ, позорная гибель гордаго Мамаю Царя Таптарскаго, о которомъ изъ Россійской исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбросію Московскаго Государя Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ чепырю Князьями своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убишь опъ своихъ. Въ дополненіе сего предсказавалось здѣсь, что въ нашествіе Мамаю на Россію Муметь Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкошорымъ числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ ево ошсупствіе Селимъ Царевичъ Багдадскій по повелѣнію отца своего перешедъ чрезъ Наполию, посадилъ войско на суда, чтобы очистишь Черное Море опъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдадское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ кошорой Муметь будучи осажденъ, и не имѣя довольныхъ силъ къ супрошвленію, выпросилъ у Селима на нѣкошорое время перемиріе въ шомъ намѣреніи, чтобы между шѣмъ дождашьсѣ обратно съ войсками сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходишь въ Кафѣ знашнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ въ Царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Муметь Царь Крымскій.

Мамай Царь Ташарскій.

Тамира Царевна Крымская, дочь Муметова.

Селимъ Царевичъ Багдашскій.

Нарсимъ Царевичъ Крымскій, брагъ Тамиринъ.

Надиръ брагъ Муметовъ.

Заксанъ Визиръ Муметовъ.

Клеона мамка Тамиринна.

Два вѣстника.

Воины. / .

И стрѣлы пущенны уже подѣ облаками
Направленными въ слѣды стрѣлами разсѣкаль.

Клеона.

Багдапско воинство умножилось безъ счета!
При вхождѣ свѣшлыя я видѣла луны,
Чпо мосты и пуши и городски вороша
Противныхъ силою вездѣ посажены.
Ночно молчаніе боязнь усугубляло,
И слезы по лицу блѣднѣющихъ лились.

Тамира.

Теперь сраженіе конечно ужъ настало;
Клеона! посмотри и скоро возвращись.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира одна.

О какъ смущень мой духъ! я знаю и заочно,
Селимъ проотиву спѣшь спойшь наперед.
Боюсь, чшбъ кто его не ранилъ ненарочно,
И не вонзиль стрѣлы ошъ насъ въ его груди!
Я ей не чаю бытъ плакого кровопивца,
Кшбъ съ умыслу хотѣлъ направишь лукъ въ него!
О небо, оштрапи свирѣпаго убивца,
И сокрушишь не дай шѣмъ сердца моего!
Ахъ! что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?
Я шѣмъ родищеля и Бога прогнѣваю,
Чпо общаго врага опечесшву жалѣю!
Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?
Однакъ и безъ любви емуль жадашь мнѣ року?
Тощъ злою львицею въ пущыхъ горахъ рожденъ,

Кшо видя съ младоспью природу въ немъ високу,
Къ жалѣнію по немъ не будещъ побужденъ.
Чшо онъ прошиву насъ вооружился въ полъ,
Сыновняя любовь и должнѣши велятъ.
И какъ родителской не согласишься волѣ?
Ощецъ его! ошецъ, не онъ намъ сопоспашъ.
Онъ щаспливъ, чшо ему еспъ въ спаросши за-
мѣна.

Благополучна машъ, чшо въ свѣтъ произвела!
И ежесть еспъ сеспра, шо колъ она блаженна,
Чшо съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно воз-
расла!

Но колъ родилась ша на свѣтъ благополучно,
Кшпорой щедрая успроила судьба,
Чшобы съ Селимомъ жишь до смерти неразлучно!
О какъ волнуясь я! какая внупръ борьба!
Теперь я признаю, чшо нѣкштора сила
Неоспорожной духъ уже взяла во власть,
И сердце нѣжное къ Селиму прѣклонила:
Къ нему я чувствую въ себѣ любовну спрасъ!
Любовь меня влечетъ его смошрѣшь на спѣны.
Куда? и какъ? или на спрѣлы успремлюсь,
Чшо нмѣ, прошивъ насъ шумящъ какъ градъ сгу-
щенный?

Но я уязвлена; и спрѣлъ ужъ не боюсь.
Ахъ чшо шерзаюсь я безчаспная, не знаю!
Селиму можешь бышь въ ошечесшѣ своемъ
Любима и любви залогъ взяла иная;
О чемъ крушуся я не разсудя о чемъ?
Суровая война! шобою учинилось,

Чѣмъ поюшь противникъ нашъ, котораго люблю!
Однако гдѣ бы мнѣ видѣть его случилось?
Я время суетнымъ мечпаніемъ гублю.
Не лучше ли просишь ошъ вѣрныя совѣту,
И способовъ скорѣй къ опрадѣ мнѣ искашь?
Однако ждашь могуль ушѣшнаго опѣвшу?
И какъ осмѣлюсь я Клеонъ все сказашъ?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира и Клеона.

Клеона.

Преспанъ себя смущашъ, дражайшая Царевна!
Какія вижу я премѣны на лицѣ!
Оспавъ боязнъ : въ сей часъ минешъ судьбина
гнѣвна ;

Весь спрахъ мнѣ кажется при самомъ бышъ концѣ.

Тамира.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ сопо-
спашы ,

И превратились спрахъ въ опчаянну печаль ?

Клеона.

Теперь всходила я въ высокія палашы ,
И на Багдашскіе полки смопрѣла въ даль.

Тамира.

Ты видѣла полки — шы видѣла Селима?

Клеона.

Я видѣла, чѣмъ онъ опшелъ уже опъ спѣнъ ,
И кажется, чѣмъ прочъ совсѣмъ идешъ опъ Крыма,

Невѣдомо какой причиною побужденъ ;
Я чаю, ушомаясь, не хочеть больше бою.

Тамига.

Никакъ ему какой предашь измѣнилъ ,
Или опецъ обьятъ нечаянно войною ,
И пребуешь себѣ его на помочь силъ.
Я чаяла конца , и по паденьи мнимомъ
Оплакавъ кровь гражданъ и сплѣнь оставшій
прахъ ,
Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селимомъ ,
И при Евфрагскихъ жипъ невольницей брегахъ.

Клеона.

Топть ужась миноваль: военные снаряды
Противники всходя , на корабли несущъ.
Кафа избавилась опть грозныя осады.
Чшо слезы по лицу , дражайшая, текутъ?
Никакъ опть радости? однако воздыханья
И швой прискорбной взоръ иное кажутъ мнѣ.
Или ужасныя и грозныя мечпанья
Обезпокоили младую жизнь во снѣ?
Или враги въ ночномъ призракъ побѣдили?
Никакъ предспавилось паденіе-сихъ сплѣнь,
Чшо Крымски города и села пущимъ были ,
Чшо Царь и домъ его былъ взятъ въ поносной
плѣнь?

Тамига.

Ахъ! еспѣлибъ шо былъ сонъ, шобъ съ мракомъ
разрушился!
Однако бы и сонъ шакой меня плѣнилъ.

Клеона.

Или пвой нѣжной духъ любовью уязвился?
Но кто же бы тебя въ любовь нынѣ уловилъ?
Скажи, Царевна! мнѣ; или шому бышь можно,
Чшобъ шайны мнѣ швоей нѣ должно было знашь?

Тамира.

Чшо хочешь слышашъ шы, шо спранно и без-
божно,
Нигдѣ не слыхаѣ, и ужасно сказашь!

Клеона.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, которыми носила
Тебя въ младенчествѣ, смущенье опложи,
И вспомни, какъ тебѣ я искренне служила:
Не обинуясь мнѣ шоску свою скажи.
Чѣмъ далѣе она въ закрѣпшій шавшся,
Тѣмъ духъ перзаешия сильнѣе опъ нея;
Но ешъли объявишь, шо можешь уполишься,
Иль бышь умѣренна попомъ печаль швоя.

Тамира.

Любезная моя и вѣрная Клеона!
Коль шяжко мучусь я?

Клеона.

О небо!

Тамира.

Ахъ Селимъ!

Пропивница опцу, прешупница закона!
Врагомъ опечесшва, и можешь бышь, своимъ...

Клеона.

О Боже мой! никакъ шы шайно согласилась
И хочешь для любви опечесшво предашь?

Тамига.

То небо опираши! довольно, что прельстилась;
Преступно и любви прошивничей желаешь.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,
Горю, и пламень мой гашеніемъ распешь.
Не знаю, что начашь; скажи мнѣ, дорогая,
Что дѣлаешь мнѣ шеперь? когда онъ прочь идетъ?
Уже всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;
Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ
плаву,

И горы Крымскія опъ насъ изъ виду скрылись!
Какой объемлешь хладъ и мракъ мою главу!
Увидешь о моей любви неизвѣстенъ,
И слезъ моихъ себѣ не будешь представлять!
За шѣмъ ли ты, Селимъ! казался мнѣ прелесненъ,
Чтобъ вѣчно по тебѣ безъ пользы воздыхалъ?

Клеона.

Царевна, ты поску напрасно умножаешь.
Послѣдуй моему совѣшу и забудь
Пусты мечшанія, чѣмъ мысль опягощаешь,
И кровь кипящую къ спокойствію принудь.
Селимъ, я слышала, о нѣжности не знаетъ.
Онъ въ полѣ только живъ и на стану привыкъ,
За полное свое блаженство почишаешь,
Когда оружной прескѣ и въ войскѣ слышишь
крикъ,

Какъ стѣны падаютъ и города дымятся,
Когда мечи блестящъ, печешь по копьямъ кровь.
Ты сердцу дай покой и полно сокрушаешься;
Не могутъ вмѣстѣ быть свирѣпство и любовь.

Часть II.

4

Т а м и р а .

За нимъ бы слѣдовашъ ни горы мнѣ высоки,
Никонскимъ шопошомъ смущенный въ полѣ прахъ,
Ни копыя, ни мечи, ниже кровавы шоки,
Ниже какой иной не взбранилъ бы спрахъ.
Любовію горяшъ нерѣдко и Герои;
Опъ ней избавишъся не можно никому,
Кому любезнѣ сраженія и бои
И жишъ всегда въ шапрахъ, какъ брашу моему?
Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
Хопя въ Россійской край пошолъ вооруженъ;
Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
Всѣ мысли клонитъ къ шой, кошорой уязвленъ.
Возлюбленный мой братъ! когдабъ ты здѣсь былъ
нынѣ,
То ябъ въ опчаяннѣ шоликомъ не была;
Ты сдѣлалъ бы конецъ жестокой сей судьбинѣ,
Илибъ не допустилъ сего въ началъ зла.
Ты далъ бы спосрбъ мнѣ увидѣшъся съ Селимомъ;
Или бы къ симъ его не допустилъ спѣнамъ,
И я бы не была въ мученіи несперпимомъ,
Не показавъ шакой пріятности очамъ.
Теперь послушенъ ты неисповому звѣрю,
Въ кошоромъ варваршво и гордосшъ мнѣ гнусна,
Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю,
Ему вселенная къ владѣнію шѣсна.
Подумаъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ,
Боюсь, чпобъ не постигъ шакой его конецъ,
Чпю плачь бы произвелъ и неспроенье въ Крымѣ.

К л е о н а .

Царевна! водъъ идеть дражайшій швой опецъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Муметь, Тамира и Клеона.

Муметь.

Прошла военная гроза и неуспройсшво ,
Желанной миръ наспаль, возлюбленная дочь,
И ушверждается надежное спокойсшво,
Въ союзъ со мной вспунивъ , Селимъ опшодитъ
прочъ.

Поспавленный сей миръ мнѣ больше шѣмъ прїд-
пешъ ,

Чшо выгоды онъ мнѣ нечаянны принесъ :
Съ начала случай сей едва мнѣ былъ поняшенъ ,
Чшо радосшъ намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ.
Однако нмнѣ я причину вижу ясно ;
За чѣмъ спѣшншъ въ союзъ со мной вспунивъ
Селимъ :

Ему прибшпїе Нарсимова ужасно,
Чшо скоро съ воинсшвомъ назадъ придетъ моимъ.
Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
Пришла мнѣ радосшна, ему печальна вѣсшъ ,
Чшо Росская спрана подверглась вся Мамаю ,
И сынъ мой поспѣшншъ полки сюда привесшъ.
Сего дня лишь заря намъ свѣшъ предвозвѣсшила,
Съ поспѣшншосшю гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ
полей,

И вѣсшъ принесъ, чшо вся Ордннска къ бою сила
Прошнву Россовъ пла и Росси прошнвъ ней.
Но Ольгъ Рѣзанскій Князь и Князь Олгердъ Ли-
повскій

Свои къ Мамаевымъ поспавили полки ,

•

И съ мадымъ воинствомъ Димитрій Князь Мо-
сковскій

Противу спашь дерзнулъ, оставшись близъ рѣки.
Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,
Съ свирѣпой яросшью въ зажженный дуешь лѣсъ;
Дымъ, пепель, пламень, жаръ воскипѣвъ за собою,
И въ вихрь крушой завивъ, возносишь до небесъ,
И нивы на поляхъ окресныхъ поядаетъ,
И села и вкругъ нихъ распушіе плоды;
Надежды селянинъ лишившись, оспавляетъ
Ревущему огню вселѣшныя пруды.

Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ
Противъ Димитрія Ордамъ лещѣшь нелѣль,
И въ мужествѣ спремясь на полкъ противный
яромъ ,

Скакаль съ мечемъ своимъ чрезъ блѣдныя кучи пѣлъ.
Россійскія въ крови повержены знамена ,
И Князь Московскій былъ ошвсюду окружень ,
И сила войскъ его слабѣла ушѣсненна:
Сомнѣнья нѣтъ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

Т а м и р а .

Мнѣ равно какъ тебѣ, родителъ мой ! пріятно,
Что радостная вѣсть пришла въ спасенный градъ;
Однако будетъ мнѣ ушѣшнѣе спокрашно ,
Когда пріѣдешь здравъ возлюбленный мой братъ!
Ахъ небо , помоги желаннаго доспигнушь ,
И поспѣши къ концу намѣреній моихъ.

М а м е т ъ .

Я къ большей радости могу тебя подвигнушь.
Возлюбленная дочь! Мамай тебѣ женихъ.

Тамира.

Мамай! о боже мой;

Муметь.

Воспока обладатель

И побѣдишель всѣхъ полночныхъ нынѣ спранъ,
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ пріятель
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранъ.
Имѣя многіе подъ властью народы,
Тамира, будешь онъ побою жить плѣнень,
И спанешь оной плѣнь дороже членишь свободы,
Хотя ему воспокъ и сѣверъ покорень.

Возлюбленная дочь, что очи пощупаешь?

Я спыдъ дѣвической въ тебѣ весьма хвалю:

И что вздыхаючи, ты брашна ожидаешь,

Природную къ нему любовь твою люблю:

Однако нынѣ ты похвальную спыдливость

И мысли смущныя о брашѣ опложи,

И на опеческу смотря неперпѣливость,

Согласна ли ты мнѣ, немедленно скажи.

Тамира.

Что я съ младенчества родительскую волю

Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;

Своею почипанъ не оприцаюсь долю,

Которую мнѣ дашь угодно небесамъ.

Однако разсуди мои младыя лѣша,

И въ возрастѣ мнѣ припши въ дому твоемъ
позволь:

Я буду почипанъ, что я живу внѣ свѣша

Какъ ештли безъ тебя я буду жить средь поля.

И какъ подумаешь мнѣ, что я мила Мамаю?

И какъ могу сказаешь, чтобы онъ мнѣ былъ милъ,

Когда лица его и нравовъ я не знаю?
И какъ его мой взоръ заочно бы пѣнилъ?

Мѹмѣть.

Оспавъ о семь шы мнѣ, Тамира, попеченье;
И вѣрь, что будешь шоль межъ васъ крѣпка лю-
бовь,

Что лишь швое со мной минуешь разлученье,
То будешь къ одному кипѣшь Мамаю кровь.
Ты долженшвуешь мой въ воспоки родъ воз-
спавишь

И дружбу чрезъ родшво съ Мамаемъ ушвердишь,
Умножишь нашу мочь и съ нимъ себя прославишь;
Мнѣ польза, честь, шебѣ велишь его любишь.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамира и Клеона.

Тамира.

Война и миръ прошивъ моей любви воюешь.
Противилась моимъ желаніямъ война;
Но нынѣ, Клеона, миръ свирѣпѣ враждуешь,
Меня сильнѣ буръ колеблешь шишина.
Сугубымъ бременемъ за что опягощаюсь?
Въ супружешво даюшь шому, кто мнѣ поспыль!
Довольноль, что шого, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мнѣ казни выше силъ!
Когдабъ еще война понинѣ продолжалась,
То мучилъ бы меня одинъ лишь шолько спрахъ:
Мнѣ лучше, еспылибъ я Селиму въ пѣльн доспа-
лась,
Какъ славно царшвовашъ въ Мамаевыхъ спранахъ.

Ахъ! еспѣлибъ было то, и я бы вѣрно знала,
Что равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горитъ;
То слезъ пошокъ проливъ, опцу бы все сказала,
Что духъ мой и языкъ съ тобою говоришь.
Онъ видя искренноспъ, на плачъ бы преклонился,
И нашу можешь бышь любовь бы ушвердилъ.
Илибъ и мой животъ съ надеждой прекрашилъ.
Въ спокойспивъ, что уже Селимъ меня любилъ,
Но нынѣ ненавистъ въ одну спрану склоняешь ,
Въ другу опчаянъе нещаспную влечешь.
Какъ на морѣ корабль, то буря похищаетъ,
То водъ спремленіе прошивъ нея несешь;
Такъ я прошивными спраспями вдругъ борима,
Не чая одолѣшь , должна прошивъ спояшь.
Опчаявшисъ имѣшь въ супружеспвѣ Селима,
Опчаявшисъ любить Мамая, что начашъ?

Клеона.

Ахъ! лучше то избрашь, что подлинно извѣспно,
Какъ онаго желашъ, чему не можно бышь.
Хотя Селимово лице тебѣ прелеспно;
Но праву сѣдуя, спарайся позабышь.

Тамдра.

Довольно бы шого, что права и законы
Во обузданіи любовну спраспъ хрѣспашъ ;
Довольно опъ спыда любовникамъ препоны,
Когда взаимной жаръ другъ въ другъ знашь хо-
пашъ.

Но развращенной вѣкъ насильспва умножаетъ;
Ошеческа гроза, богашспво, родъ и чеспъ

Коль многихъ въ вѣчное несчастіе погружаешь
Любви желающихъ доспашки предпочесть.
Какая польза въ томъ, что злѣшомъ испещренный
И каменьемъ драгимъ въ глазахъ блеспишь чер-
шогъ,

Когда мой будетъ духъ отъ оныхъ опираченный
Къ тому всегда впередъ, чего имѣшь не могъ.
Дабы на мало лѣтъ возстановишь союзы,
Родители дають свою залогомъ кровь,
На дѣтскія сердца кладутъ несносны узы:
Въ какой неволѣ шм, дражайшая любовь!
Я вамъ завидую, кошоры опдаленно
Отъ гордыхъ сихъ палашь живеше въ шишинѣ:
У васъ веселіе равно и непремѣнно,
И прямо щасливы лишь шолько вы однѣ;
У васъ вольна отъ узъ живешъ любовь свящая;
У васъ не для опцовъ, но любяшь для себя,
Союзовъ никакихъ, ни выгодъ не считаешь,
Но сложѣншъ лишь своихъ сердець упошребя.
Коль щаслива былабъ, коль щаслива Тамира!
Когдабъ съ ней былъ Селимъ въ одномъ лугу па-
спухъ:

Не злѣшо, не вѣнцы, не царская порфира,
Но вѣрная любовь соединила двухъ.

Клеона.

Одно тебѣ еще прибѣжище ошалось.
Ты дядѣ мысль сію, Царевна! ~~объясни~~;
Спѣши, пойдемъ пока совсѣмъ не основалось
Супружество швоей прошивное любви.

Конецъ перваго дѣйствія.

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Селимъ и Надиръ.

Надиръ.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирал,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.
Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ шакая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, кошораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ колы искренна была,
Тому прекрасный брегъ Геонскихъ водъ свидѣ-
тель.

Селимъ.

Съдины вижу шѣ, и шѣ чершы чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Кошораго понынъ мѣста воспоминають,
Гдѣ праведна еще цвѣтеть хвала швой,
Хошя и никому швой Царской родъ незнаемъ,
Кошорой и друзьямъ швоимъ былъ пошасенъ,
Но гдѣ швой сынъ, мой другъ?

Надиръ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ.

Однако онъ Царемъ не мной на свѣшъ рожденъ.
Родившись ошъ оной съ Мумешомъ я ушробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня ошцомъ;
И не хопя, какъ шы ошкрышъ своей особы,
Высочество шайлъ въ названіи прошцомъ.

Селимъ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ братъ Тамиръ!
Пріяшель искренній! когда бы здѣсь онъ былъ,
То можешь быть при семъ возобновленномъ мирѣ
Въ желаніи моемъ мнѣ промыслъ споспѣшилъ.

Надиръ.

Его обратню Царь всечасно ожидаешь.

Селимъ.

Однако и швоя поможешь мнѣ пріязнь.
Позволь мнѣ объявить, чего мой духъ жelaешь;
Узнаешь нынѣшнихъ опъ прежней мысли разнь.
Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя извѣсна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимою и съ побой,
Бывалась красота очамъ моимъ прелесна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ шѣмъ, что мудрые (*) Брамины
Съ младенчества въ моей оставили крови,
Напасши презирашь, безъ страха ждаль кончины
Имѣшь недвижимъ духъ и бѣгаешь опъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власни,
Мой нравъ былъ всегда уму поработенъ,
Преодоленнымъ я имѣлъ подъ игомъ спрасни,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брегу.
Но нынѣ подъ общей я подверженъ спалъ законъ,
И мыслей быспраго сдержашъ не силенъ бѣгу,
Я имъ послѣдую и опдаюсь въ полонъ.

(*) Индѣйскіе Философы.

Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду ,
Любовь изпоргнула изъ рукъ военныхъ мечъ ;
Тамира , не полки была защита граду ,
Она мнѣ шлемъ съ главы , броню сложила съ плечъ .

Надиръ .

Что слышу я ? и какъ ?

Слилъ .

Сквозь самыя шверды сплѣны ,
Межъ копей , межъ щиповъ любви свободенъ путь .
Я въ перемиры дни на градъ сей ушѣсненны ,
Приблизившись ко рву , едва успѣлъ взглянуть ,
Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы .
Смущенъ и изумленъ спросилъ , какъ ѣхалъ прочь :
Мнѣ плѣнникъ объявилъ , что смопрятъ шумъ
дѣвицы ,

И что Мумешова въ срединѣ оныхъ дочь .
Съ того часа война въ крови моей возскала .
Я вамъ спокойство давъ , съ собою брань имѣлъ .
Любовь посшавишь миръ , чешь къ бою побу-
ждала .

Вчера любовну спросилъ мой разумъ одолѣлъ .
Я въ руки принялъ мечъ ; но сердце вопіяло :
Селимъ , на шо ли ты дерзаешь усшремленъ ,
Чшобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало ,
Кшорое меня въ пріятной взяло плѣнъ ,
И чшобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
Ошъ падающихъ сплѣнъ покрылъ сгущенный
прахъ ?

Я симъ движеніямъ прошивился напрасно ,
И удержишь не могъ оружія въ рукахъ .

Дражайшій мой Надиръ! познавъ причину мира,
И дружбу вспомянувъ, пошщись мнѣ пособишь.
Царю напомяни, что можешь лишь Тамира
Триумфъ мой и сихъ спѣвъ мнѣ цѣлостъ за-
плашишь.

Надиръ.

Твои заслуги мѣды шюликія доспойны,
Доспойны качества, и славный Царскій родъ :
Ты мысли между шѣмъ имѣй, Селимъ, спокойны,
Когда швой объявлю Царю сюда приходить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира, Селимъ и Клеона.

Тамира.

Оспраду можешь бышь въ моей печали крайной
Вшорой мнѣ дашь ошедь . . . , кого я вижу здѣсь?
Клеона, ахъ ! куда ?

Клеона.

О случай невзначайной !

* Селимъ.

О радостиной восшоръ ! я цѣпенѣю весь !
Драгая, не маишись симъ взбромъ необычнымъ ,
Но слуху своего гласъ слезный удоспой ,
И красощъ швоей возервнѣемъ приличнымъ
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хошя учливостъ мнѣ и скремностъ возбраняешь
Продерзосшную мысль опчаянно опкрышь ;
Но время крашкое ошнюдь не позволяешь
И сердце не дашь движенія шайшь.

(спановишца на колѣна.)

Ты видишь предъ собой , прекрасная Царевна!
Тобой пламеннаго презришеля любви ;
Тобой мнѣ будешь жизнь блаженна, иль плачевна,
Коль хочешь оживи, коль хочешь умершии.

Тамира.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ !
Тебя , Селимъ ! себя могу я умершвишь ?
Коль спранны рѣчь ! (поднимаетъ его.)

Селимъ.

Твоимъ пронзено сердце взоромъ
Вуншующей душѣ велишь швоею бытъ.
Вошще прошивъ тебя, прошивъ себя воюю ;
У спѣнь , въ полкахъ , въ поляхъ швою срѣщаю
шѣнь,

И въ шрубный шумъ швое я въ мысли имя чую,
Тебя мнѣ мракъ ночной и ясность кажетъ въ день.
Пріятностей швоихъ вездѣ мнѣ блескъ сіиетъ ;
Тобой исполненъ я и въ явь и во снѣ.
Недвижимый мой духъ и крѣпость оспавляетъ,
Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.
На горькое смошри, дражайшая, мученье,
Повѣрь, что мой живешь въ любезной сей рукѣ!

Тамира.

Какое дашь могу тебѣ я облегченье ,
Въ люшѣйшей будучи погружена шоскъ?

Селимъ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую прошивность утчинишь ?
Какое сердце есть на свѣшъ шоль безбожно,
Которое тебя держаетъ оскорбишь ?

Тебя, предъ кою жаръ бранный погасаетъ,
И надаюшь изъ рукъ и копья и щипы,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный упираешь
Удержанъ силою шолікой красоны!
Но еспыли ты меня, драгая, удостойшь
Причину швоего смущенія узнатьъ;
То свой ты черезъ:шо и мой духъ успокоишь:
Во всемъ любовь моя вѣзможеть помощь дашь.
На все любовь моя гошова успремишься,
Гошова всѣ бѣды и смершь въ ничто вмѣнишь;
Лишь шолько бы швоей опрадой веселишься,
И чшобъ любовь швою взаимно заслужишь.

Т а м и р а.

Ахъ шипешны всѣ слова! напрасны общанья!
Гонимой ошъ своихъ поможешь ли чужой?
Однѣ оспались мнѣ со плачемъ въздыханья:
Не множь ихъ, и себя ошъ глазъ моихъ укрой.
Меня судьба зоветь и должностъ понуждаетъ
Оспавишь здѣшній градъ и въ дальній край спѣ-
шишь,

Преспанъ шого желашъ, чшо небо запрещаешь:
Такъ промысль положилъ, и не лзя премѣнишь.

С е л и м ъ.

Поспѣшно швоему опшеспшвію иль косно,
Чрезъ море должно бышь, или проспранспшвомъ
поль:

То ежели шибъ мое присущшво сносно,
Дражайшая, себѣ послѣдовашь позволь,
И удостой меня взирашь слезящимъ окомъ
На знаки нѣжныя возлюбленныхъ слѣдовъ.

Но ежели не дано тебѣ предѣла рокомъ ,
 Гдѣ должно спранспивовашь, оспавя домъ опцовъ,
 Послѣдуй мнѣ въ луга Багдадскіе прекрасны,
 Гдѣ въ срѣшеніе тебѣ Евфратъ прольѣтъ себя,
 Гдѣ вѣшніе всегда господспивуютъ дни ясны ,
 Пріятность воздуха dospойная тебѣ,
 Царицу воспріятъ великую спекаясь ,
 Богинею почтитъ чюдящійся народъ,
 И красотѣ спвоей родищаль удивляясь ,
 Превыше всѣхъ шоржештъ пославитъ спвой
 приходъ.

Тамира.

Хоша шакихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
 Но выше въ нихъ спвоимъ dospоинспѣвамъ цѣна.
 Ахъ! что прельщаюсь тѣмъ, чья бытъ не уповаю?
 Какъ сердце я опдамъ, въ кошоромъ не вольна?
 Велика держитъ внуспрь мой робкой голосъ сила;
 Но большая шоя отъ сердца гонитъ вонъ!
 Когда прошивъ спвоей я воли возлюбила,
 О небо! шо скончай ударомъ грѣмнымъ спонъ!
 Ужъ болѣе шачитъ мой духъ не позволешъ,
 И шоль великихъ буръ не можешъ грудь вмѣшпитъ.
 Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаешъ,
 Кошорую судьба спремишъ погаситъ,
 Ошеческая власъ желаніемъ прошивна
 Иному опдаешъ шобою полную грудь,
 И съ коимъ жизнь моя была бы неразрывна,
 Едва я на шого дерзаю и взглянушъ.

Селимъ.

О радосшима вдругъ, минушъ и плачевнъ!

Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ !
На что соединилъ сердца, о промыслъ гнѣвный!
Когда союзъ ихъ въ вѣкъ побой не утверждень?
Но нынѣ о швоей любви я увѣренъ ,
Дражайшая , прошивъ судьбы вооружусь.
Мой духъ шакъ напряженъ , коль пламень мой
безмѣренъ ;
Умру , или съ побой въ шріумфѣ возвращусь.

ТАМИРА.

Я сердце ужъ шебъ , любезный поручаю ,
И вѣрносшь данную пребуду вѣкъ храня.
Къ неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусшь весь свѣшь побѣдишь , не побѣдишь меня.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Скажи мѣ одинъ.

Мамай ! Тиранъ во плѣнь шолику добродѣтель,
Чудовище влечетъ шолику красошу ?
О солнце, шы сего можешъ бышь свидѣтель,
И свѣща не лишишь шакую срамошу !
Я, коль великимъ шо и славнымъ почишаю ,
Чшобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣшь ;
Толь напрошивъ шого позорно бышь виѣнлю ,
Такого варвара соперникомъ имѣшь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Муметь, Селимъ, Надиръ и Зансамъ.

Селимъ.

Спокойствомъ пользуюсь я нынѣ безопаснымъ,
Тебя пришло въ починишь и видѣшь, Государь!
И договоромъ миръ возобновишь согласнымъ,
Къ чему мнѣ даль вою власиъ меня родившій Царь.
По волѣ я его Таврійскую вершину
Прешель и воинствомъ наполнилъ корабли,
Опѣ спраху свободилъ Евксинскую пучину,
Что ваши подданны разбоемъ навели.
Ошмшнвъ купечества грабежъ, я миръ даль граду,
Имѣя громъ въ рукѣ, ударишь не кошѣль:
За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,
Кошорой я свою побѣду предпочѣлъ.

Муметь.

Причину пѣвой ошедь имѣлъ вооружиться,
Какую завсегда къ войнѣ легко сыскашь.
Кошора можешь власиъ на свѣшъ похвалишься,
Чтобъ пакъ всѣхъ подданныхъ могла она держатиъ,
Какъ мирны пребуютъ опѣ оныхъ договоры,
И многибъ шмсащи имѣли мысль одну?
И кино пѣмъ угодишь, что будщобъ рущишь
ссоры,
Наносишь для хвалы неправедну войну?
Хопъ наша жизнь крашка, и оныя прибавишь
Чрезъ храбрыя дѣла героямъ долгъ велиишь;
Но мѣру праведну желаніямъ досшавишь,
Часть II.

5

Въ шомъ больша похвала чрезъ цѣлой свѣтъ
гремятъ.

Тебѣ довольно быть, Селимъ, я уповаю,
Когда повиннымъ казнѣ достойну наложу.

Селимъ.

Спокойство утвердивъ, я больше не желаю,
Но токмо дружество взаимно предложу.
На свѣтлое лице зирая восхищаюсь,
Что въ ономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ,
И та, кошорою пылаю и перзаюсь,
Плѣняетъ красота возрѣніемъ швоимъ.
Союза нашего залогъ и совершенство
И, вѣчная печать быть можетъ дочь швою.
Тамира дастъ одна и сохранитъ блаженство,
Кошорого во вѣкъ лишуся безъ нея.
Какъ ешли данный миръ земли швоей полезенъ,
За шое надлежитъ воздасть моей души,
И буде, Государь, швой сынъ шебѣ любезенъ,
То друга шмъ его себѣ усынови.

Муметь.

Что сынъ мой другъ шебѣ, то мнѣ весьма пріятно.
Онъ также какъ и я за щастіе почтеть,
Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обрати,
Тебя союзникомъ, а не врагомъ найдетъ.
При немъ намъ небеса помогутъ все успроить,
Его къ опрадѣ я по вся минушъ жду.

Селимъ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоить,
На Поншски берега съ веселіемъ пойду,

И прежде дружняго пошущу сюда приходу
Все воинство свое на корабли вмѣстивъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Муметь, Надиръ и Зайсанъ.

Муметь.

Взирая на любовь, особу и породу,
Не въ силахъ мыслей я своихъ соединить.
Примѣшивъ ненависть Нарсиму къ Мамаю,
Союзъ къ супружеству съ Тамирою шавъ.
Но нынѣ большія препяшшвія сръшаю :
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай пошылъ
Не должно царское Царю бытъ слово ложно;
Но какъ я кровь свою пираншвовашъ могу?

Зайсанъ.

Того ужъ, Государь, перемѣнить не можно;
Кто другомъ былъ, тому ошкрыто все врагу.
Когда кто сильному, что долженъ, ошприцаешъ,
Топъ будешъ принужденъ. что и не долженъ, дашъ,
И долгъ къ ошечеству Царямъ повелѣзашъ
Блаженство онаго родства предпочишашъ.
Помысли, Государь, коль будешъ дерзновенно
Вооруженнаго Мамай раздражишъ;
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно
Владѣніе такимъ союзомъ укрѣпишъ.

Надиръ.

Что мѣру превзошло, стоишъ надъ спремниною,

Чѣмъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ
дашь.

Безумна власъ падеть своею шлагошою:

Чѣмъ срамно приобрѣсь, срамнѣе пошерашъ.

Видалъ я быстрыя уже изсохши рѣки

Засыпаннымъ пескомъ, чѣмъ рвали съ береговъ.

Такъ царства, чѣмъ цвѣли во славу многи вѣки ,

Упали шлагошью поверженныхъ враговъ.

Нарочно Богъ во тѣмъ грядущее скрываетъ,

Чѣмъ смертныхъ гордые совѣшны раззорилъ.

Мамай поля свои людьми опустошаетъ ,

Дабы ихъ шрупами Россійскій край покрылъ.

Насильна власъ споить не можешь долговѣчно.

Кѣмъ гонишь одного, шомъ всякому грозишь.

Росцію варварство его безчеловѣчно

Изъ многихъ обласней въ одну совокупишь.

На плачь , на шумъ , на дымъ со всѣхъ сторонъ
спекушя;

Рассыпанныхъ враждой сберешъ послѣдній страхъ.

Какою силою въ единствѣ облечушя ,

Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.

Сей вредные своей земли опустивъ набѣги,

Лавровымъ верхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,

А оный здѣшніе покрывъ полками брега ,

Супругу въ сихъ спѣнахъ и вѣру воспріалъ.

З а к л а ч е .

Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава;

Онъ съ нею къ намъ спѣшитъ Россіей овладѣвъ.

Великошю силъ военны мѣряшъ прада

Великіе Цари и обласшю гнѣвъ.

Надиръ.

Великодушный левъ жаръ пошчасъ утоляетъ,
Коль скоро видишь онъ, что врагъ его лежитъ;
Но хищной волкъ пошолъ прошивника шерзаетъ,
Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣстникъ и прежніе.

Вѣстникъ.

Съ Придонскихъ, Государь, полей я ошъ Нарсима
Къ тебѣ пріятную несу поспѣшно вѣсть,
Что къ радости пивоей и къ ушѣшенію Крыма
Велику заслужилъ онъ храбросцію чesть.
Побитыхъ кровію Неприяды шокъ стусился,
И грабятъ Росской спашъ Херсонскіе полки,
И ранами покрытъ ошъ бою уклонился,
Димитрій бѣгая Нарсимовой руки.
Одно нещасіе Мамаю сокрушаетъ,
Что сильный Челубей пронзенъ въ крови лежитъ,
Легитъ и поля часъ велику покрываетъ!
Но намъ послѣдуя, побѣда ужъ гремитъ.
Оспавшимъ Россамъ пушъ пресѣченъ къ бѣгу
Дономъ,
Или въ бою падущъ, или дадущъ въ плѣнъ.
Мамаю малымъ шолъ людей своихъ урономъ
Проспранный Сѣверъ весь подъ облашъ покоренъ.
Муметь.

Мамаю небеса Тамиру поручающъ,
И слово данное сама судьба хрѣпитъ.

Хоть нравы разные съ Нарсимою раздѣляютъ;
Но обще щасье ихъ въ любовь соединишь.
Ты вѣрный Заисанъ и ты мой братъ любезный,
Подумавай межъ собой, придише въ мой черпогъ
Союзы ушвердишь и дашь советъ полезный,
Дабы доволенъ бышь Селимъ опказомъ могъ.

Конецъ второму дѣйствию.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Мамай, Муметь, НаDIRъ и Зайсанъ.

Муметь.

Какое щасіе мнѣ небо посылаетъ ,
Великій Государь , пришеспіемъ твоимъ !
Нечаянной швой взоръ тѣмъ больше восхищаетъ ,
Чѣмъ больше нуженъ онъ смяшеніямъ моимъ.
Я радуюсь твоей побѣдѣ въ свѣтъ звучной ,
И скорому дивлюсь прѣзду твоему.

Мамай.

Не можешь шоржеспва Мамай благополучной
Себѣ къ веселію оставишь одному ;
Но хочешь онаго имѣшь и шу причаспну ,
Которую къ сему блаженспву ты родиль.
Имѣя всю спрану Россійскую подвласпну ,
Я радости сообщишь изъустъ своихъ спѣшилъ.
Сугубымъ шоржеспвомъ украсишь ускоряю ,
И славою мой въѣздъ въ великую орду.
Но славнѣе я бышь Тамирою желаю ,
Какъ тѣмъ , что Дмипрія въ оковахъ приведу.
Уже все воинспно со плескомъ ожидаетъ
Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ.

Муметь.

Побѣда мужеспво геройское вѣнчаетъ ;
Любовь и дружеспво Тамиру дастъ тебѣ.
Нарсимъ помощникъ швой въ темъ градъ вож-
делѣнный

Украститъ брачный день, со славой возвращаясь,
И храбрымъ воинствомъ Херсонскимъ окружен-
нымъ...

Мамай,

Онъ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселится,
Сохроща себѣ съ побитыхъ собираетъ,
Съ кошорами щогда обрашно придетъ въ домъ,
Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладеетъ,
Лугами пучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

Заксанъ.

О щасливой успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!
(къ Надиру)

Не мнѣ ли въ честьъ конецъ пріяла наша прятъ?

Надиръ.

Но сердца моего съ симъ чувства не согласны!

Муметь.

Достоинъ даръ шаковъ великаго Царя!

Мамай.

Любезный Государь! Нарсима оставая,
Я слышала въ радостныхъ изъ успѣхъ его слезахъ,
Что въ сердцѣ ненависть изкоренилась злая,
И общимъ щаспиемъ вражды развѣянъ прахъ.
Просши, сказалъ отъ мнѣ, я нынѣ признаваюсь,
Что злобой я тебя не рассудя гнѣвила.
Я храброси швоей и духу удивляюсь,
Чѣмъ ты Димитрія и гнѣвъ свой побѣдилъ.
Геройства швоего я бывши самъ свидѣтель,
Зависпниковъ швоихъ опшвергнулъ клеветамъ.

Заксанъ.

Превыше зависи восходишь добродѣтель,

И презираешь ту спокойна съ вышины !

Мамай.

Услышавъ шаково Нарсимова пріятельство,

Не медля брачной я союзъ ему открылъ.

Онъ въ радости сказалъ : о коль любезно браш-
ство,

Въ кошоромъ промыслъ мнѣ съ Героемъ бытъ
судиль.

Благополучевъ Крымъ и щаслива Тамира ,

Тобой возвышенны, прославленны побой !

Но ты подобяся дыханію зефира ,

Поспѣшно въ Крымъ пришедь, Мумеша успокой.

Скажи ему, коль мнѣ съ побоемъ бытъ полезно,

И будущей швоей Царицѣ объяви ,

Чшо мнѣ шоликое супружество любезно ;

И о моей къ шебѣ увѣрь ее любви.

Величество свое и неизчестны орды

Тамиръ покажи, со славой возвращаясь;

И шоржештвуй, спупишь врагамъ на выи горды,

Чшо будуще ницъ лежашъ предъ нею преклонясь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира, Клеона и прежніе.

Тамира.

Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ возвра-
тился ?

Дражайшій мой ошець !

Муметь.

Ты видишь здѣсь его ,

Предъ коимъ Сѣверъ весь пространный прекло-
нился ;

Мамая почишай за сына моего.

Тамира.

О спроги небеса!

Мамай.

Ты видишь брата друга,
Которой хочешь вѣкъ къ тебѣ одной горѣшь.

Муметь.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга
Въ немъ будешь оптическимъ раченіемъ имѣшь.
(къ Мамая ю)

Любовь и я даю тебѣ рожденну мною,
Съ шобою царшвовашъ и искренне любишь.

Мамай.

Вспорымъ я нынѣ опцемъ рожденъ на свѣтъ шобою,
Когда ты предпріалъ меня усмновить.

Муметь.

(къ Тамирѣ)

Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ,
И царшвуй щасшаво въ обширной шоль странѣ.
Блжспая на земли пресвѣщамъ царскимъ чиномъ,
Ему послушна будь, какъ нынѣ послушна мнѣ.

Тамира.

Ты воленъ, Государь! законы и природа
Велятъ тебѣ имѣшь въ Тамирѣ долну власть.
Какъ споришь я могу? коль не дана свобода
По волѣ избирашь приспойну въ жизни частъ.
Но ешъли смѣю я . . .

Муметь.

Младые не радѣють

О шомъ, чрезъ чтобы имъ ко щасшю дойти:

За шѣмъ родитцели рожденными владѣюшѣ ,
Дабы поспавишѣ ихъ на испинномѣ пуши.
Любовью будешѣ звашѣ, что нынѣ зовешѣ грозою,
И спанешѣ спрогоспии моея благодаринѣ.
Ты слѣдуй въ мой черпогъ, любезный братѣ, за
мною,
Дабы мнѣ скорой бракъ съ тобой расположишѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира, Мамай, Зайсацъ и Клеона.

Мамай.

Неоносной горесшю смященный примѣчаю,
Что всеу шаковымъ я пламенемъ горю,
Тамира, ненависшѣ имѣешѣ пы къ Мамаю?
И смѣешѣ согрубишѣ великому Царю?
Однако принужду свои къ спокойшву мысли,
И младосши швою прошивносшѣ припишу.
Царевна, испиннымъ своимъ блаженспивомъ числи,
Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу.
Цари съ концевъ земныхъ сродспва со мной же-
лаюшѣ ;
И каждая красощу приносишѣ мнѣ спрана.
Коль многія по мнѣ Царевны воздыхаюшѣ !
Ты можешѣ получишѣ желанья всѣхъ одна.
Ты можешѣ получишѣ великаго Героя ,
Которой мужеспвомъ вселенну удивилъ ,
Превысилъ славою Чингиса и Хозроя,
И прадѣда въ себѣ Башмя воскресилъ.

Представь мой славной родъ, и кто Мамаю дѣды,
Онь коихъ онъ шебъ къ супружеству рождень.
Россія не мои, но ужъ свои побѣды,
Когда я красотою своею самъ побѣждень.
Толикимъ Государь народамъ покореннымъ,
Не обинуясь бышь просипелемъ своимъ.
Я щастіе свое почелъ бы несравненнымъ,
Когда бы оное считала ты своимъ.

ТАМИРА.

Когда ты многіе привелъ подъ власнь народы,
То славы, Государь, шолкой не шѣрай,
И слабый женскій полъ лишивъ драгой свободы,
Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ шо не помрачай.

МАМАЙ.

Тебя свободы я могу лишить, Тамира,
Копору возвѣсши съ собой на шронъ спѣшу,
Поставишь госпожей мнѣ подданнаго міра,
И будучи Царемъ, бышь плѣнникомъ ищущу?

ТАМИРА.

Среди довольствій всѣхъ, среди великой славы,
Сидя на Царскаго престола высотѣ,
Что пользѣ, есѣли въ насъ различны будутъ
нравы?

Я все равно почту послѣдней нищету!
Какая польза въ шомъ, что рокъ свой проклиная,
Не бракомъ буду бракъ, но плѣномъ называя;
И на оковы шоль несносные взирая,
Тебѣ послѣдовашъ, а о иномъ вздыхашъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мамай, Клеона, Зансанъ.

Мамай.

(къ Клеонѣ.)

Чшо слышу я еще! любовница иному
Тамира можешь бышь, и мнѣ при шомъ жена?
И кто Мамаева не успрашаясь грому,
Дерзнулъ взглянушь на шу, чшо мнѣ обручена?
Тебѣ всѣ склонности и нравъ ея извѣстенъ,
Ты можешь нынѣ честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамиръ шоль прелесненъ,
Кого бы мнѣ она хошла предпочтишь?
Когда ошкрышiemъ смущеніе прогонишь,
Дабы соперника узнашь и ошвратишь,
Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь прекло-
нишь,

Какую мзду за шо ты можешь получишь!
Ты знаешь власшь мою и опческую волю:
Старайся обязашь великихъ двухъ Царей.
Я Царску честь тебѣ давань своимъ позволю,
И мащери рвно тебя почту овоей.

Клеона.

Я знаю, Государь, коль власшь твоя велика,
И коль должна Царю послушна бышь раба!
Но помощи подашь не можешь мзда шоллика,
Когда имѣешь брань съ любовію судьба.
Не можешь войнство съ концемъ всея вселенны
Прошиву твоего силась гнѣвнаго лица:

Но силой покорить пристойно крѣпки стѣны,
А нѣжны ласкою дѣвически сердца.
Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,
Тѣмъ больше будешь ей пропивень и пошлыя.

Зансанъ.

Великому Царю шоль дерзко отвѣчаешь?

Мамай.

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ былъ!
Оковы, муки, гладъ и вѣчная шемница,
И смерть сама легка шаку змѣю караю.

Клеона.

Тамиръ былобъ шо уже живой гробница,
Селиму сердце давь, Мамаю присягаю.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Мамай и Зансанъ.

Мамай.

Селимъ! и кто?

Зансанъ.

Зелимъ, о щасливѣзъ недостойно!

О общая печаль! о спраспи слѣпоша!

Селимъ, что нехотя въ Багдадѣ жить спокойно,
Разбоемъ ушѣснялъ предъ градомъ симъ мѣспа.
Но спрахомъ силъ пивохъ смященъ склонился
къ миру,

И въ городъ сей вошедь, Мумешу предлагалъ,
Дабы онъ далъ ему въ супружествѣ Тамиру;
Однако Царь на шо отвѣшь несклонной далъ.
Къ Селимовой любви Царевна согласишься . . .

Мамай.

И предпочесть меня разбойнику могла?
О горести! о ударе! о какъ мой духъ спремился!
Не можешь больша бышь на свѣтъ мнѣ хула,
Какъ чѣмъ соперникъ мнѣ Царевичъ былъ Багдапской!

Хотя дерзнулъ сего онъ суепно искашь,
Но можешь возвращаясь сказашь въ спранѣ Евфрапской,

Чѣмъ онъ шого же могъ, чего и я желашъ.
Терпѣть цѣну всю, чѣмъ ни было велико,
Какъ еспѣли шое онъ надѣлся имѣшь;
Ему хвала, а мнѣ презрѣніе колико,
Чѣмъ шѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣшь!
Но ахъ! чѣмъ мышлю я, и чѣмъ я здѣсь коснѣю?
Уже похищилъ онъ, чѣмъ должно бышь мое!
Любезный Заисанъ, спѣши опмспѣшишь злодѣю.
Пойдемъ

Заисанъ.

Смягчи шеперь волненіе свое.

Ты будешь, Государь, имѣшь свою невѣспу,
И примѣшь за сіе доспойну казнъ Селимъ,
Какъ воины швои къ сему приспѣюшь мѣспу;
Онъ погубишь себя желаніемъ своимъ.
Мумешова себѣ опшѣша ожидая,
Умедишь здѣсь, пока шы въ силѣ будешь самъ
Его плѣнишь, опъ насъ пособья не желая,
Чѣмъ ради мира нынѣ чинишь не должно намъ.

Мамай.

Пошхавшіе въ слѣдъ со мною разлучились,

И скорости моей сравниться не могли.
 Надвюсь въ разныя дороги ўспремился,
 И ъздышъ по степямъ разсыпаннымъ въ дали.
 И еспыли ускорить, не могушь упомянутый
 Покой не имѣвъ, Селиму опомснись.
 Но я продерзостью шакою огорченный
 Могуль минушу дашь Селиму живу бышь?
 Сія рука моя умывши кровью мерзкой,
 Воздашь весь долгъ мой озлобленной любви.
 Погибнешъ пущь злодѣй и сопоснашь продер-
 зской.
 А ты любовь свюю и ревность мнѣ яви,
 Скажи, гдѣ онъ?

Заксанъ.

Храни особу ты високу,
 И руку не просширай

Мамай.

Доколѣ мнѣ спрадашь?
 Спѣши со мной опомснить обиду цюль жеспоку,
 Чшобъ мерзку кровь его Тамиръ показашъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамира и Клеона.

Клеона.

Какою люшостью къ Селиму онъ пылаешъ!
 Какой приходишь къ намъ опъ словъ ширай-
 скихъ слухъ!
 Какой, драгая, жаръ въ очахъ швоихъ блискаетъ!
 О какъ колеблешся озлобленный швой духъ!

Часть II.

6

Мнѣ сердце движеніе и говоришь всечасно,
Что скоро любуя поспигнешь насъ напасъ!

ТАМИРА.

Теперь мнѣ болѣе ничто ужъ неужасно,
Ни варварска гроза, ни опшеская власъ!

КЛЕОНА.

Царевна, на кого ты можешь положишься?
Кто свободилъ тебя отъ сильныхъ рукъ?

ТАМИРА.

Любовь.

Поди и посмотри, куда Мамай стремишься?
(въ слѣдъ Клеонѣ)
На всѣ напаси жизнь нещасную гошовъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЪМОЕ.

ТАМИРА одна.

Бѣги опсель, бѣги, Тамира и спасайся;
Пока пиранскихъ ты не чувствуешь оковъ,
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
Селимъ принявъ тебя на кораблѣ гошовъ.
Онъ съ берегу отей минуши не спускаетъ,
И плаващія всѣ направлялися въ пущь;
И небо искренней любви поспѣшаетъ:
Уже намъ и бореи способной началъ душъ.
Въ одномъ Селимъ я надежду всю имѣю,
Когда слезами я опца не умягчу.
Но въ страхъ шрепещу, смущаюсь, цѣпенію!
Ахъ! что продерзкая, ахъ! что начашъ хоту?
Уйду, опшескиво, родищелъ опцавивъ,

И брата и сей домъ и спыдъ свой позабывъ,
И царской родъ во всей вселенной обезславивъ,
И кровнаго родства законы пресступивъ?
Но каждо мѣсто мнѣ опечесиво съ Селимомъ;
Селимъ мнѣ будетъ братъ, опецъ и все родство.
Оспавишь всѣхъ и бышь въ жипти нераздѣли-
момъ

Съ супругами велишь законъ и естесиво.
Супружесствомъ назвашъ неисповсиво дерзаетъ,
И налагашь спраспямъ закона имена?
Нещасная, кому себя ты поручаетъ?
Или тебѣ въ любви невѣрносшь не спрашна?
Предспавъ себѣ, предспавъ прельщенную Медею,
Оспавляющую опца и Chesъ на семь брегу!
Я мѣсто шожъ и спраспъ подобную имѣю;
Или я лучшія ждашь вѣрносши могу?
Несноснѣ бѣды мнѣ можешь бышь защища,
Какъ есшли мнѣ Селимъ другую предпочпипъ.
И на чужой спранъ кѣмъ буду я покрыща?
Опцу и брату гнѣвъ и дальносшь возбранишь.
Опъ року бѣгая, на явной рокъ дѣлаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозипъ бѣдой.
Непоспоянное я море предспавляю,
И бури хищныя ревупъ передо мной.
Тамира, въ бѣдспвіе сугубо не вдавайся,
Блудись сугубой ты невѣрносши, блюдишь.
Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,
На слово данное Селимомъ положишь.
Не шопъ въ немъ блещетъ духъ, не ша его порода;

*

Съ любовію кипишь геройская въ немъ кровь.
И коя успрашишь при немъ меня погода ?
Не движешся въ волнахъ нелесная любовь.
Спѣши, спѣши ошъ мѣспъ Мамаемъ зараженныхъ,
Спѣши за Поншъ, за Тигръ, за Нилъ, за Океанъ.
И какъ ужъ будешь ты въ спранахъ шоль уда-
ленныхъ,
И шамъ покажешся, что близко сей ширанъ !
О промыслъ ! о судьба ! слезами умягчишесь !
О небо ! о земля ! о вѣтры ! о моря !
На жалость, на шоску, на воцъ мой преклони-
шесь,
Укройше ошъ руки свирѣпаго Царя.
А вы мѣспа, гдѣ мы любовію плѣнились,
Запмишесь, чтообъ ошцу на память привесши,
Что спрогошью егдъ Тамкры вы лишились !
Просши, дражайшее опечеснво, просди !

Конецъ третьему дѣйствию.

ДЕЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Надиръ и Зансанъ.

Зансанъ.

Какія, Государь, услышши нынѣ вѣсти,
О плякая бѣда! о вѣчна срамота!
Тамира спыдъ забывъ, своей не помня чести,
Бѣжашъ намѣрилась опселя въ чужи мѣста!
И безразсудною любовію палима,
Къ Багдадскимъ шла одна, закрывъ себя, судамъ,
Надежду положивъ на льстиваго Селима,
Что былъ недавно врагъ опчешскимъ спѣнамъ!

Надиръ.

О жалость горестна! о лютое мученье!
О спирогосъ опческа! къ чему пы привела?

Зансанъ.

По щастью я открылъ такое дерзновенье:
Тамира во врапахъ уже градскихъ была:
Я общей за спѣны пошолъ смопрѣтъ опрады,
Ужель Селимъ полки пославилъ на суда;
И видя, что на нихъ все войско и снаряды,
Я пушъ свой ображилъ съ веселіемъ суда.
Увидѣлъ, что спѣшишь шамъ женскій полъ ко
брегу,
Смопря во всѣ спраны сквозь шонкой свой по-
кровъ.
Я робкому дивясь и скорому шолъ бѣгу,

На встрѣчу прямо шолъ, провѣдашь, кшо шаковъ.
Какъ спранникъ на пуши опъ звѣря убѣгая,
Спѣшишь чрезъ пернѣе, чрезъ камни и бугры;
Но вдругъ увидѣвъ, чшо пушъ спремнина крушая,
И должно въ мрачну хлябъ спремглавъ упасшь
съ горы,

Оцѣпенѣвъ споишь, пропивишся размаху,
Трепещущъ членъ всѣ, мушишся свѣшъ очей:
Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира пакъ опъ спраху
Смушилась, обмерла въ продерзоспи своей.
Укрышся опъ меня во всѣ спраны мешалась;
Вездѣ былъ запертъ пушъ боязнью и спыдомъ.
Когда шоликими волнами колебалась,
Я изумленную въ опетеской ввелъ домъ.
Чшо нынѣ мнѣ начашъ? какъ я Царю ошкрою?
Дай въ помощь, Государь, прѣмудрой швой со-
вѣшъ.

Надиръ.

Внезапно не срази печалю шакою.
Предсшавъ себѣ, какъ симъ подвигнешся Мумешъ!
Я лучше думаю сію скрышъ вовсе шайну,
Дабы въ спокойшвіи опщовъ оспавишъ духъ.

Залисанъ.

Но я могу попасшь въ бѣду чрезъ шое крайну,
Когда кромѣ меня къ Царю досшигнешъ слухъ.
То видѣли рабы и войны со мною,
И могушъ все ему подробно донесши.

Надиръ.

Хощя смягчи ударъ прѣяшностью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣшши.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Надиръ одинъ.

Несытая алчба имѣнія и власши,
Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
Которой ты въ сердцахъ не возбудила спрасши?
И коего на насъ не устремила зла?
Съ побою возрасли и зависшь и коварство,
Твое изчадіе кровавая война!
Которое отъ ней не спонешь государство?
Которая отъ ней не попряслась спрана?
Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
И спѣны шрудъ вѣковъ и многихъ тысячъ пошъ,
Тамъ видны лишь однѣ развалины и ямы,
При коихъ шутную имѣешь паспву сконъ.
О коль мучительна родишелямъ разлука,
Когда даюшь дѣшей, чшобы пролишь ихъ кровь!
О коль разишельна и неспернима мука,
Когда военный шумъ смущаешь двухъ любовь!
Лишь только зазвучишь ужасна брань шрубою,
Мяшущся города и села и лѣса,
Любовническаго исполненные вою,
И жалобъ на ударъ жестокаго часа.
Чшо можетъ быть сего несноснѣе во свѣтѣ,
Когда двоихъ любовь и младосшь сопрягла;
Однако въ самомъ дней младыхъ прекрасномъ
цвѣшъ
Гуслая жадности мрачишь ихъ пламень мгла,
Когда родишели обманчивой корысти
На жершву опдаюшь и совѣшь и дѣшей?

О небо! преклонись, вселенную очисти
 Опъ пагубм пакой, опъ скверной язвы сей!
 Коль дало красоту и младость челоуку,
 И нѣжны искры въ немъ любовныя зажгло,
 Чшобъ въ радости прожилъ дражайшую часъ
 — въку,

То долголь на земли сіе попустишь зло?
 На шоль Тамиръ ты пріятноспъ влило въ очи,
 На шо ли нѣжную въ нее вложило спраспъ,
 Чшобм подвержена ширанской сильно мочи,
 Оплакивала жизнь и горестную часпъ.

ДВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Надиръ и Клеона.

Клеона.

Тамира! ахъ печаль! Тамира дорогая
 Поимана, въ слезахъ опчаявшись сидитъ!
 Селима въ жизнь свою увидѣвъ ужъ не чая,
 Лишь мыслями на него въ опсущспвѣи глядитъ,
 И имя сладкое едва съ плачевнымъ спномъ
 Дерзаетъ въ горести послѣдней поминушъ.
 Озлобленна судьбм жестокомъ шоль закономъ
 Руками помными шерзаетъ нѣжну грудь.
 Блѣднѣетъ цвѣтъ лица и всѣ шрѣпещунтъ члены,
 Холодной спрахъ, шоска, опчаянье и спидъ,
 Являющся въ ея очахъ изображенны.

Надиръ.

Чшо сдѣлааь бм Селимъ, шаковъ предспавивъ
 видъ?

Клеона.

Что сдѣлалъ бы, когда увидѣлъ, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечешь,
Кошорая спремьясь на небеса очами,
Пошоки слезные, рыдая горько, лъешь
Ахъ! сжался, государь, не дай бѣдѣ сей сбыться,
Всю мысль свою къ ея спасенію вперю.

Надиръ.

Не можно опъ сего Царевнѣ свободишься :
Воююще прошить ней великіе Цари.

Клеона.

Такъ поидеть агница за волкомъ въ слѣдъ Тамира,
На кровь, на смерть людей, на шрупы ихъ смо-
прѣшь;
И радости лишаешь въ супружескихъ и мира,
Мученье внушрь себя шягчайшее имѣшь?

Надиръ.

Не знаю, что мое внушрь сердце предвѣщаетъ,
И смущенному уму всечасно говорю :
Мамай царя и всѣхъ злой хитросостью прельщаетъ,
И около насъ сѣшь коварствъ его спониръ.
За чѣмъ одинъ прибѣгъ? за чѣмъ спѣшишь онъ
бракомъ,

И что за нимъ не плещъ извѣстія Нарсима?
Син окрестности счишаю я признакомъ
Для насъ и для него и для Тамира злымъ.

Клеона.

Для шоль послѣдшаго Мамаева прихода
Слѣхъ въ городъ прошоль, что онъ со всѣмъ по-
бишь,

Надиръ.

Всегда естъ Божій гласъ гласъ цѣлаго народа ;
Ушами онаго Всевышній говоришь.
Но пустьъ Мамай надъ всей вселенной шорже-
сшвуешь ;
Однако щаспливъ бышь не можешь бракъ шакой,
Когда сама любовь прошивъ него враждуешь.
Совмѣстноть варваршву съ шоль нѣжной кра-
сошой ?
Возможноль въ сей шокъ Тамиръ укрѣпишься,
И сердца своего движенъя уполишь ?

Клеона.

На спрасшь ея смошря, и небо возгоришься,
И не уедлишь зла шолыкаго ошмшпишь.

Надиръ.

Горами попрясешь, и воспалишь пожары,
Или опусшопишь повѣшриемъ луга ,
Или опъ глубины возвысивъ волны яры ,
Попшопомъ скверные очистишь берега.

Клеона.

Народную молву приумножаютъ знаки,
Вездѣ ужъ говоряшь , чпо близъ дверей бѣда !
Мнѣ кажущся во снѣ ужасные призраки,
И врановъ, какъ на шрупъ , слешающся спада.

Надиръ.

Хопъ радоспень Мумешь, но войска не имѣешь ;
Чшо будешь, какъ Селимъ къ спѣнамъ присшу-
пишь вновь ?
Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣешь
Озлобишь мечъ въ рукъ держащую любовь.

Мамая гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можешь рокъ его скорѣе поразишь.
На пышныя горы верьхи громъ чаще ударяешь.
Бѣги высоту, когда безбѣдно хочешь жишь.
Цвѣшущіе спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молніи возможно достигашъ.
Никто на свѣстѣ шакъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ завпрешне себѣ могъ счастье обѣщашъ.
На лживости онаго никто не полагайся:
Что упрямъ возрасло, то вечеромъ падешъ.
Никто въ нещастіи спасенія не опчайся:
Что вечеръ низложилъ, то упрямъ вознесешъ.
Неупокоимый рокъ все коломъ обращаетъ.
Съ Мамаемъ рушишься внезапно можешь Крымъ.
Когда кто съ высоты великой упадаешъ,
И шѣхъ съ собой влечешъ; что съ низу шли за
нимъ.
Но симъ смущаются лишь только подлы души,
Которы на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблющаясь съ недвижимою суши,
И чающе на брегу высокому пошонушъ.
Едина видишь то съ презорчивомъ добродѣшелемъ,
Среди громовъ и бурь недвижимо споишь;
Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель;
Хощь міръ обрушиться, безстрашно поразишь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Селимъ и прежніе.

Селимъ.

Любовникамъ долга единая минута!
Возможноль, Государь, Селиму нынѣ знашь,
Еще ль Тамира здѣсь?

Клеона.

О скорбь!

Надиръ.

О горесшь люта!

Ахъ! что дерзнули вы несчастные начать!

Селимъ.

Мужайся скорбный духъ, и стой противъ удара,
Который на меня свирѣпый рокъ занесъ.

Надиръ.

Ахъ! естлибъ гнѣвнаго опцова силу жара
Тамира ушолить могла пошюкомъ слезъ!
Поймана въ пущи для бѣгства предпріятномъ
Терзаещя....

Селимъ.

Какой всхунаешь въ жилы хладъ!

Когда не помогло шь въ дѣлѣ мнѣ начатомъ
О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!
Мамай любовію моею поругаешь,
И пламень мой презрѣшь намѣрилъс Муметь?
Тамира не моя? мнѣ съ нею не видаешь?
И больше никакой уже надежды нѣтъ?
Я вижу, что Муметь меня еще не знаешь,
Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силъ.

Мамаю дочь отдавъ , меня опшвергнувъ чаешъ ?
Надежду на песокъ онъ зыбкомъ положилъ !
Забывъ онъ , что моимъ любленіемъ спасенный
Споишь сей градъ ? и въ немъ много лишниъ ,

меня ,

Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный
Съ нимъ въ дружествѣ прожилъ , свой родъ соединя ?

Забывъ любовь мою и дружество съ Нарсимомъ?
Забывъ , что жизнь его была въ моихъ рукахъ?

Я свижусь , покажу , каковъ союзъ съ Селимомъ ,
И что вражда его возможетъ въ сихъ спѣнахъ !

Я снова на берегу проливномъ мнѣ поспавлю

И обращу на градъ Ефрашскіе полки ;

Отъ лютоспии такой любезную избавлю ,

И отъ Мамаевой мучительской руки

Ударить женскій спонъ здѣсь вмѣсто нѣсней
брачныхъ ,

И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ спѣнъ .

Мумешь увидишь смерть бѣгуцу въ вихряхъ
мрачныхъ .

И кровію черпوغъ Мамаевъ обогреть !

Надиръ .

Я самъ бы уклоняю опеческаго града ,

Въ пуспой сшени и жизнь и скорбь свою за-
крылъ ;

Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда ,

Я щаспливъ бы весьма въ нещаспії шомъ былъ .

Однакожь , Государь , вспомянувъ Нарсима ,

И зная , что сіе опечесство его ,

Меча не возноси къ опроверженью Крыма,
И даннаго держись ты слова своего.

Селимъ.

Нея, но самъ Мумешъ спѣшь будешь раззорить:
Презрѣнїемъ своимъ на шо мнѣ право даль.
Нарсима въ оныхъ нѣтъ, но люный въ нихъ му-
чишь;

Онъ купно бы со мной противъ него возсталъ.
Сугуба спрасъ меня на шо вооружаешь,
То жалость горестна, шо искреня любовь;
Одна во мнѣ спремить, другая духъ перзаешь,
Одна сѣдаешь грудь, друга волнуешь кровь;
Одна велишь ошъ зла невинную избавишь,
Другая въ вѣкъ себѣ любезну получишь,
Одна всеобщій долгъ естественный исправишь,
Другая данную присягу сохранишь.

Или безчувственъ я шаковъ кажусь Мумешу,
Чшобы недвижно могъ спояшь когда Мамай,
Похиливъ силою, чшо мнѣ дороже свѣшу,
Ликуя поведетъ изъ глазъ въ далекій край?
Возможно ли спертѣшь его совѣшы мзрски!
О сердце, не мягчись, но разруши въ конецъ;
Мумеша низложи. Куда Селимъ продерзскій?
Подумай, чшо Мумешъ любезныя ошедъ!
И свяшо мѣсто мнѣ, Тамира гдѣ родилась;
Пусъ въ цѣлости спюишь, и пусъ погибнетъ
шошь,

Ошъ коего моя надежда разрушилась.
Мамаю опшиму Тамиру и живошь.

Надиръ.

Пріятедь укропи въ себѣ волненья гнѣвы,
И жизни не давай въ опасность шакову.

Клеона.

Въ сугубой горести не погрузи Царевны,
Опъ пагубы храни любезную главу.

Надиръ.

Когда на сей пы градъ воспашъ не долженъ
войскомъ,
То долженъ ли одинъ? Чшо хочешь?

Селимъ.

Умереть,

Или поржесшвовашъ, и въ мужесшвъ геройскомъ
Награду вѣрноси прекрасную имѣшь;
И правды и любви непобѣдима сила
Противъ насилія со мной на брань пойдешъ;
Или моя рука, чшо Крымску кровь щадила,
Свою, но прежде шой Мамаеву прольешь.
И ешъли мужесшво побѣдой не прославишь:
Любовь и чесшъ велишь: довольно — я умру?
Пускай хошъ пѣмъ мени опъ муки рокъ изба-
вишь,

Въ любовномъ жизнь моя погибнешъ пусшъ жару.
Я лучше съ похвалой оспавишь шу желаю,
Какъ шяжекъ бышь себѣ и неву и земли,
И смерши ждашь, въ посмѣхъ опдавъ сева Мамаю,
До спаросши не знашь опрады николи.
Владѣешъ нашихъ дней Всевышній самъ предѣ-
ломъ.;

Но славу каждому въ свою онъ опдалъ власшъ,

Коль близко ходишь рокъ при робкомъ и при смѣ-
ломъ ,

То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часъ.
Какая польза имѣмъ, что въ спаросии глубокой
И въ шмѣ безславія кончаютъ долгой вѣкъ?
Доброшами всходишь на верхъ горы высокой
И славно умереть родился человекъ.
Превыше смершнаго я жребія пославлю
Учасіе свое, и славой и вознесусь ,
Когда Тамиру я ошъ люшосии избавлю ,
Вмѣняя ни во что , умру или спасусь !
Пускай ошець ея свирѣной посмѣдишся ,
Мою за дочь свою шекущу видя кровь ,
Узнаешь злосшь свою; но поздно научишся ,
Что можешь предпріять озлобленна, любовь !

Надиръ.

Какую принесешь имъ въ спаросии успѣху
Родишелямъ своимъ , когда услышатъ вѣсть ,
Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху
Держнулъ, забывъ объ нихъ, себя на рокъ при-
вешъ ?

Они во срѣшеніе давно къ тебѣ взирають ,
И проспирають мысль чрезъ горы и валы ,
И въ неперпѣніи минуши всѣ счишаютъ ,
Твоей нисышишся желая похвалы.
Возобнови свои премудрые успавы ,
Кошорымъ прежь сего себя имъ покорилъ;
И вспомни прежніе свои на сей часъ нравы ,
Кошорыхъ мѣрноспью имъ спарыхъ удивалъ.

Селимъ.

Любви велика власть всю крѣпость нислагаетъ,
И мной господствуетъ. Уже я не шопъ Селимъ...

Клеона.

Какую небо казнь съ Мамаемъ насылаешь!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, ЗАИСАНЪ И ПРЕЖНІЕ.

МАМАЙ.

Совѣшь имѣешь съ соперникомъ моимъ?

Селимъ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвластенъ спалъ Ма-
маю?

Или онъ мнѣ имѣшь совѣшь запрешить?

МАМАЙ.

Теперь препящивъ любви моей скончаю.

Селимъ.

Теперь любовь моя насильствію опмещитъ.

МАМАЙ.

Весь сѣверъ покоривъ, сеголь не одолѣю?

Забывъ, дерзостный прошивишся Селимъ,
Кшо прадѣдъ мой, и что я въ области имѣю?

Селимъ.

Кшо родомъ хвалишся, шопъ хваспаешь чужимъ.
Но гдѣ нивои полки? и гдѣ желаешь? въ моръ,
Иль въ полѣ окончатъ шоліку боемъ прю?

МАМАЙ.

Увидишь, дерзостный бѣглець, увидишь вскорѣ,
Какому ты дерзнулъ прошиву спашъ Царю.

Часть II.

7

Поди и возвѣспи, гдѣ обѣщаютъ мершѣмъ
Прапрадѣды мои, каковъ ихъ въ свѣтѣ внукъ.

(Вынимаешь саблю)

Селимъ!

(Вынимая саблю)

Любовь Тамиринѣ шакой доспойна жершвы,
Копшорой опшъ моихъ она желаетъ рукъ.

(Сражающся)

Залисанъ.

(разнимая)

Великій Государь!

Клеона.

Ахъ!

Надиръ. (разнимая)

Ахъ, Селимъ любезный!

Въ какую пагубу несешь злой рокъ шебя?

Залисанъ.

(къ Мамаю)

Смягчи свой Царской гнѣвъ!

Клеона.

(къ Селиму)

Склонись на поки слезны,

Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

Конецъ четвертому дѣйствию.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Муметь, Надиръ, Тамира, Клеона, Воины.

Муметь.

Въ какой я крайней спыдъ побою погрузился!
До коего доспигъ при сшаросши я зла!
На шоль шебъ родиль, на шо ли я крушился,
Тамира, чшобы шы преслушна мнѣ была?
За прищлемъ бѣжашъ изъ опшескаго дому,
И кровноспи его дернула предпочесшъ!
Какая казнъ равна шакому дѣлу злому,
Какая бышъ сему доводѣна можешъ месшъ?

Тамира.

Когда родилась я въ безщасшную минушу,
Чшобъ скорбъ шебѣ принесшъ; шо сжался, Го-
сударь!

Скончай свой гнѣвъ, скончай мою судьбину люшу,
Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударъ!
Мнѣ гробъ прѣдшнѣ Мамаева чершого;
Упошреби свою родшпельскую власшъ!

Муметь.

Не я шебѣ, не я, сама себѣ шы спрога;
Сама дернула шы въ шакую мерзосшъ впасшъ.
Ты въ сердцѣ люшую сама змѣю пишаешъ,
Копшора въ кровь швою пускаешъ смершный ядъ!
Мамая дерзосшью безшпыдно озлобляешъ,
Копшораго одинъ штебъ досшомнѣ взглядъ,

Которой къ высотѣ поликія державы
Тебя и весь мой домъ склонился возвеспи,
И въ общесство принявъ своей гремющей славы,
И сердце въ даръ тебѣ геройско принеспи.
Къ послѣднему склонись опеческому слову,
Спарайся склонностью продерзоси наградишь.
Но еспьли я тебѣ увижу негошову
Съ великимъ симъ Царемъ въ супружесство вступишь;

То сдѣлаю примѣръ и покажу вселенной,
Что я хоща опецъ, однако же и Царь:
Блюдишь руки моей упрямствомъ раздраженной,
И будь гошова спашъ съ Мамаемъ предъ олшарь.
(къ Надиру)

Любезный братъ! пошщись прельщенную на-
спавишь

На испинну спезю, пока все учрежду.

(къ Клеонѣ)

Тебя, пресшупница, кшо можешъ нынѣ избавишь
Ошъ казни, чшо тебѣ за злобу наведу?

(къ воинамъ)

Возмише скверную и ввергнише въ шемницу.

Клеона.

Помилуй Государь!

Тамира.

Невинной не казни!

Надиръ.

Ты щедрю обрати, о небо! къ намъ зѣнцу!

Тамира.

Опеческу любовь во гнѣвъ вспомяни.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира и Надиръ.

Надиръ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
И спрогой перестань прошивилъся судьбѣ,
Забудь, что лучшаго ты щасшя достойна;
Будь шѣмъ довольна, что она да шѣ тебѣ.
Когда родишель швой любовень и разсудень;
Тогда взаимно ты съ вочпеніемъ любви:
Когда же онъ свирѣтъ и къ умягченю шрудень;
То помня крови долгъ, сноси и не скорби.
Повѣрь мнѣ, что Мамай хошя шеперь возвышенъ;
И гордосши своей не знаешь, гдѣ предѣлъ;
Но скоро упадешъ, и звукъ лишь будешь слышенъ,
Съ какой онъ высоты поверженъ въ низъ лешѣлъ.
Чудовищу сему хошъ небо попускаешъ
Еще до времени родъ смершныхъ раззоряшъ;
Но нынѣ чрезъ швою невинность восплаешъ,
И ускоришъ швою и всѣхъ бѣду скончаешъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира, Надиръ и Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Печальны, Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

Тамира.

Не дай, о Боже, мнѣ опчаяшъся въ конецъ!

Надиръ.

И не наша на насъ превыше силы местни,
Но будь оставленнымъ и въ ярости опецъ!

Въстникъ.

Во гнѣвъ изъ палашъ Мамай неушоломъ
Лишь шолько вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ,
Съ озлобленнымъ пошчасъ увидѣлся Селимомъ,
И пушъ къ сраженію другъ другу дали знакъ.
Взлестѣли на коней, и оныхъ поощряя,
Скакали на поля одинъ изъ нашихъ спѣня.
Я вхалъ имъ во слѣдъ, гдѣ роща естъ густая,
Среди копорой лугъ широкой заключенъ.
Пушъ первой ихъ ударъ . . .

Тамига.

О какъ мой духъ спѣснился!

Въстникъ.

Сверкнули ошпрые и дали звукъ мечи;
Какъ шуча мрачная Мамай ярясь смушился,
Ошъ глазъ былъ блескъ, какъ валъ морской горилъ въ ночи,

Надежда на лицѣ Селимовомъ блиспала,
И въ мужествѣ была пріипца красоша:
Вездѣ рука его Мамая ушѣснила,
Мамай искалъ себѣ спасенья ошъ щипа.
Едва ошъ скорыхъ онъ ударовъ укрывался,
И дѣйспивовашъ мечемъ не успѣвалъ своимъ,
Уже и ошспупалъ и къ бѣгу порывался,
Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ,
Ударилъ по щипу, звукъ грянулъ межъ горами,

Разпался разомъ щипъ и конска голова.
Мамай поверженъ былъ внезапно подъ ногами,
И ближни попрысались паденіемъ древа.
Селимъ шушь могъ попрапъ копытами Мамай ;
Однако спедъ съ коня, къ воспавшему спѣшилъ.

Надиръ.

Ахъ дерзость !

Тамира.

Ахъ бѣда !

Въстникъ.

На храброси упояв ,

Къ погибели своей великодушень былъ.

Какъ чаялъ, чпо врага имѣлъ ужъ онъ во власпи:

Набѣгли невзначай Мамаевы Мурзы.

Онъ имъ вскричалъ: шеперь спасише опъ напаси !

Ударились къ нему . . .

Тамира.

О горькіе часы !

О щедры небеса ! и мой живошъ скончайше.

Въстникъ.

Мнѣ свѣпъ изъ глазъ опнявъ , погнала прочъ
боязнь !

Я слышала только шамъ : рубише и шерзайше.

Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ : прими достойну
казнь.

Надиръ.

Любезный мой Селимъ, ужъ ты лежишь безду-
шенъ ,

И храброси множешвомъ пивоя побѣждена !

На толь ты только былъ родителю послушенъ ,

Чшобъ коспи приняла швой чужа спрана ?

Тамира.

Въ опчѣтѣхъ своемъ уже я ледѣнью,
Терзаньемъ ушомъ любовнаго огня!
Опмсти ты, Государь, опмсти сему злодѣю,
За друга своего опмсти и за меня.

Надиръ.

Пойду, не пощажу своей я холодной крови.
Опмщу, или умру! Довольно и того,
Что вашей принесши сподоблюся любви
На жертву живоша оспашки моего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира одна.

Какую можешь дать Надиръ ужъ мнѣ опраду?
Селима больше нѣтъ! Мамай вокругъ ополчень!
Иль сквернаго себѣ его ждешь буду взгляду,
И дамъ себя жива чудовищу во плѣнь?
Одно спасенье мнѣ не ожидаешь спасенья.
Въ покровъ природа смертъ несчастливымъ дала.
Имѣя вольный пушъ, не избѣгу мученья?
Еще хочу я жить и не спрашуся зла?
Ужъ сердце за стѣной Селимова перзающъ,
Ахъ лютой мой опецъ! убійцы по пушамъ.
О какъ и руки имъ швомъ не помогаютъ!
Поди и насладись невинной кровью самъ.
Насышь слезами грудь дочерними родицель!
И пагубой моей и рокомъ веселись!
Но знай, что будешь слышь на свѣтѣ ты му-
чицель:

Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.
А ты мой братъ, когда спалъ нынѣ другъ Мамаю,
То въ жизни на себя гнушаюсь я взглянушь;
Когдажъ ты ошъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
То въ пошъ же за шобой спѣшивъ мнѣ должно
пушъ.

И шакъ несчастная Тамира умирая,
Родительскихъ уже не будешь видѣшь слезъ.
Одна сомкнешъ глаза, со свѣша убѣгая,
Осшавлена ошъ всѣхъ, презрѣнна ошъ небесъ!
И огорченный духъ сойдешъ въ мѣста подземны,
Себя ошъ тяжкихъ сихъ оковъ разрѣша,
И успремишъ въ слѣдъ Селиму въ хляби шемны!
Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
И будь, когда намъ рокъ житьъ вкупѣ запрешилъ,
Хошя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
Со свѣша, что съ шобой однимъ мнѣ могъ бытъ
милъ.

Раскаешься уже, родитель мой! но поздно.
Ахъ! поздно будешь ты надъ мершвою рыдашь,
Что принужденіе швое могло мнѣ грозно
Надежду и живощъ во младости опнишь!
А ты почувсшвуешь, Мамай безчеловѣчный,
Копорой опнялъ нынѣ двѣ жизни у меня,
Почувсшвуешь ты казнъ и страхи безконечны,
Какъ наша предъ себя приспустишъ шѣнь спеня.
Селимовъ будешь духъ и мой шобѣ мечшашъся,
И лица бѣдныя и кровь лездѣ казашъ.
Изъ шпепи будешь въ шпецъ ошъ страху укры-
вашъся;

Но мѣста не найдешь, гдѣбъ муки избѣжаешь.
Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,
Погибнешь въ горести, проклявъ послѣдній часъ.
Сего, о небеса, пиранну я желаю!
И въ жершву приношу послѣдній съ кровью
гласъ!

Уже мнѣ вѣчнось входъ къ блаженству отвер-
заешь,
И смерть зовешь меня къ спокойствію отъ шу-
довъ!

Героевъ свѣшлый ликъ Нарсима шамъ вспрѣчаешь.
А ты мой духъ, къ нему еще ли не готовъ?
Ты къ дѣлу славному на что ослабѣваешь?
Что должно потерять, то должно презираешь.
За чѣмъ рука моя конца не ускоряешь?
Мнѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидаешь.
Я смертью лишь могла, Селимъ, себя лишиться,
Когда нашъ вѣкъ продлишь изволилось судьбѣ.
Но нынѣ не хочу и въ смерти разлучиться.
Ты умерь для меня, я слѣдую тебѣ.
(Хочешь заколешься.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Селимъ, Нарсимъ и Тамира.

Селимъ.

(Схватя за руку и вырвавъ кинжалъ.)

И живъ, дражайшая, я живъ и шоржешвую!

Нарсимъ.

Любезная сеспра, швой здрашвуешь Нарсимъ!

ТАМИРА.

(Ослабѣвая)

Уже межъ мершвыми я вижу пѣнь драгую!

Селимъ.

Въ какомъ опчаянн!

ТАМИРА.

И духъ Нарсимвъ съ нимъ!

Селимъ.

(Къ ослабѣвающей Тамирѣ)

Тебя, дражайшая, Селимъ швой поздравляетъ,
Что врагъ нашъ погубленъ. Ужъ больше не спра-
шисъ.

Насъ вѣрносъ и любовь и щасъе возвышаетъ;
Великой радосъею ты съ нами ободрисъ.

ТАМИРА.

Возможноль бышъ шому? Селимъ! Нарсимвъ! я съ
вами?

Я съ вами въ жизнь еще увидѣтсѣ могла?

Я вижу ясно, что рука швоя надъ нами,

О боже мой, въ бѣдѣ и въ горесши была!

Но мнѣ Мамаева еще ужасна сила!

НАРСИМЪ.

Умывшисъ въ варварской рука моя крови,

Вселенныя концы опъ спрахъ свободила,

Мнѣ мщенъе воздала и вашей долъ любви.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Муметь, Надирь, Зансань, Селимъ, Нарсимъ
и Тамира.

Муметь.

Нарсимъ, ты здѣсь! тебя явижу, сынъ любезный?
Колику радость ты нечаянно принесъ!
Одинъ ты изсушилъ мои пошoki слезны,
Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!
Мамаю не хоща Тамира былъ супругой,
Всего лишаешь насъ, что намъ онъ обѣщалъ,
И что ты пріобрѣлъ своей къ нему услугой.

Нарсимъ.

Я всю ужъ, Государь, печаль швою скончалъ,
И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;
Димитрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

Муметь.

Внимая спрранну вѣсть, въ сомнѣннiи ужасаюсь!

Нарсимъ.

Коль чудно я для васъ опъ пагубы спасенъ!
Спасенъ, сей градъ! тебя, Тамиру и Селима
Избавилъ опъ бѣды, Мамаю погубивъ.
Поверженъ сопосланиъ и раззорилъ Крима,
Что цолкъ мой низложилъ; чупъ я оспался живъ.

Муметь.

О небо!

Зансанъ.

Ахъ ударъ!

Тамира.

О промыслъ милосердый!

Надиръ.

(къ Зансану)

Не мнѣ ли въ чести конецъ имѣешь наша прія?

Склимъ.

Сама судьба естъ щить любви нашей твердый.

Муметь.

О льстивыя слова коварнаго Царя!

Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,

И сдѣлай всѣмъ моимъ смущеніямъ конецъ.

Нарсимъ.

Не слыхано еще на свѣтѣ зло подобно ,

Какое предпріялъ Мамай, пираниъ и льстецъ.

Уже чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,

Сквозъ пыль, сквозъ паръ едва давало солнце луть.

Въ густой крови кипя, пряслась земля багрова,

И спрѣмъ падали ~~дожжевыхъ~~ гуще шуть.

Ужъ поле мертвыми наполнилось широко ;

Непрядва шрупамъ спершисъ, едва шекла.

Различный видъ смершей шамъ представляло око,

Различнымъ образомъ поверженны пѣла.

Иной съ размаху мечъ занесъ на сопосшаша ;

Но прежде прободень, удара не скончалъ.

Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата;

Но мертвый на корысть желанную упалъ.

Иной опъ сильнаго удара убѣгая,

Спретглавъ на низъ слетѣлъ и спонетъ подъ
конемъ.

Иной пронзень утасъ, прошивника пронзая.

Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.

Россійскіе полки опъсюду ушѣсненны .

Казалось, что въ плѣнѣ дадутся тѣ падуть.
Мамай разшерзанны прошивныхъ видя члены,
Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надуть:
Нарсимъ, Димитрія во узахъ предо мною,
Когда онъ живъ еще, немедленно поспавъ;
Но ежели онъ мерщвъ, съ прошивничьей главою
Поспѣшно возвращаясь, мнѣ радости прибавъ.
Я будучи его шобою ошданъ волѣ,
Не медля, посказалъ къ Россійскому полку
Димитрія искашь въ его спшану и въ полѣ;
По шрупамъ перешолъ кровавую рѣку.
Со всѣхъ споронъ меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевыхъ полковъ,
И шѣхъ, что вкругъ меня вооруженны были,
Дерзнули сѣчь. Я шущъ узналъ прокляшой ковъ.
Узналъ, что не вошще его я опасался,
И къ защищенію себя вооружилъ.
Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо ушпремлялся,
И шпрѣлу на меня въ свирѣпосши пушпилъ.
Она пробивъ мой щипъ, увязла по срединѣ.

Муметь.

Къ какой ужасной я послалъ шебя бѣдѣ !

Надиръ.

Трепещешь грудь моя !

Селимъ.

Коль близко былъ къ кончинѣ !

Нарскимъ.

Внезапно шумъ возсталъ по воинству вездѣ.
Какъ пуча бурная ударилъ ошъ пучины,
Ужасной въ воздухѣ раждаетъ бѣгомъ свистъ;
Ревешъ и гонитъ мглу чрезъ горы и долины,
Возносишъ ошъ земли до облакъ легкой лиспъ.
Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,
Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ
насъ ;

Дождавшись шаковой въ бѣдѣ своей отпруды,
Оставше воинство возвысило свой гласъ.
Во срѣщеніе своимъ Россіане вскричали,
Великой воспылалъ въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
Мамаевы полки увидѣвъ, вспрепешали,
И ужасъ къ бѣгству принудилъ всѣхъ Ташкентъ.
Убицы ошъ меня для спраху удалились.
Я къ верху смущенные возвелъ свои глаза.
Тогда надъ Росскими полками опшворились,
И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ поборая,
И подаль знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ!
Глазами я искалъ и не нашолъ Мамаю;
Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
Внимая спрашнный спонъ, съ холма я оглянулся;
Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ!
Увидѣвъ купно всѣхъ поправныхъ, ужаснулся!
Мамаю опомсшишъ за все я зло снѣнилъ.

Муметь.

О щасіе льстивое! какъ души ослабляешь!

Тамира , я тебя напрасно озлоблялъ!

ТАМИРА.

Ты словомъ симъ живошь съ надеждой возвра-
щаешь!

СЕЛИМЪ.

Уже я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
И очи, Государь, мои шѣмъ насладились,
Что опивалъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.
Я чаялъ, что Мамай съ другими согласился,
Чтобъ множествомъ меня коварно одолѣшь,
Однако я спояшь прошивъ вооружился,
И предпріялъ, лихась любезной, умереть.
Топчасъ шупъ усмопрѣлъ любезнаго Нарсима,
Которой яроспью къ Мамаю ушремленъ
Лешѣлъ къ опмщенію колеблемаго Крымъ.
Онъ шяжко возспеналъ, мечемъ сквозь грудь
пронзенъ.

Какъ Тигръ ужъ на копѣхъ хотя ослабѣваетъ;
Однако посмопрѣвъ на раненой хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
И рашовище злѣсь, въ себѣ зубами рветъ.
Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай ру-
кою;

Но палъ, я прясучись, о землю пыломъ билъ.
Изъ раны черна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обратилъ.
Раззинулъ челюсти! но гласа не имѣя,

Со скрежешомъ зубнымъ извергнулъ духъ во
адъ.

Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
Оспались изпребишь огнемъ послѣдній ядъ.

Надиръ.

Толь шижко съ вышины Богъ гордымъ повер-
гаетъ!

Селимъ.

Впорично, Государь, я нынѣ предложу
О шомъ, къ чему моя шоль сильно грудь пы-
лаешь.

Муметь.

Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь:
Исполню, что велишь любовь и красота.
Я щаспию своимъ и вашимъ упишаюсь!
Живи въ веселіи, любезная чеша.

Коль всѣмъ намъ былъ сей день печалень и ужа-
сень,

Что могъ насъ въ пагубѣ конечной утопишь;
Толь будешь всегда онъ весель и прекрасень,
Что въ оный промыслъ васъ судилъ соединишь.
Взаимная любовь межъ васъ непринужденна
Всегдашній вѣрностью пусть дастъ инымъ при-
мѣрь.

Мамаева при шомъ кичливостъ поражена
Другихъ пусть успрашишь гордишься выше
мѣрь.

Часть II.

. 8

Къ гошовому шеперь 'вы олшарю за мною
Послѣдуйте предъ нимъ въ супружеснво всту-
пншь.

Клеониною я хопъ оскорбленъ виною ,
Но радоснъ нмнѣшня велинъ ей все просннншь.

Конецъ Трагедіи.

Т Р А Г Е Д І Я
Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ раззоренія Трои Демофонтъ сынъ Тезея Царя Аѣинскаго, возвращаясь ошъ Трои въ оше-
чествѣ, прошивною бурею занесенъ былъ къ бе-
регамъ Эракійскимъ, и съ разбишаго флота при-
нялъ Царевною Филлидою дочерью Ликурга
Царя, послѣ смерти котораго воспиталъ ее По-
лимнеспору Князь, и правитель Эракійскій. Въ
то время былъ онъ на войнѣ противъ Скионовъ,
оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ
Филлидою невѣсту свою Иліону дочь Пріама
Царя Троянскаго, приведенную прежде конечнаго
разрушенія Трои съ братомъ ея Царевичемъ По-
лидоромъ, чтобы сохранилъ ихъ ошъ Грековъ
съ присланнымъ великимъ богашествомъ. Въ ош-
судившіе его Филлида съ Демофонтомъ возъ-
имѣвъ великую взаимную любовь, положили, что-
бы уговорясь съ Мемнономъ, сочешась меж-
ду собою бракомъ, и принявъ правленіе госу-
дарства, а Полимнеспора ошрѣшили ошъ онаго.
Между шѣмъ Демофонтъ прежде жалосію, а
послѣ и любовію къ Иліонѣ склоняся, сомнѣнною
спрастію шоль долго колебался, пока Полимне-
споръ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою;
и ошселъ начинается сія Трагедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Демофонтъ, сынъ Тезея Царя Аѳинскаго.

**Полимнесторъ, Князь и намѣстникъ царскій
во Фракіи.**

**Филлида, Царевна Фракійская, дочь умершаго
Царя Ликурга.**

**Иліона, Царевна Троянская, дочь Пріамова,
невѣста Полимнесторова.**

Мемнонь, Правитель города Сесии.

Драметъ, Полководецъ Демофонтовъ.

Креуза, мамка Филлидина.

Вѣстникъ.

**Дѣйствіе происходитъ въ Сесіи приморскомъ
городѣ Фракійскомъ въ царскихъ чертогахъ.**

Д Ъ Й С Т В І Е П Е Р В О Е.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

Филлида, Демофонтъ и Креуза.

Филлида.

Онъ въ сихъ уже спѣнахъ: о люшая напасишь!
Ты знаешь, Демофоншъ, его велику власшь.
Желаніе мое какъ можешь совершишься,
Гдѣ Полимнеспора мой слабой духъ спрашишься?
На что ты оплагаль, на что шоль долго бракъ?

Демофонтъ.

Мнѣ сиротая судьба повелѣвала шакъ.
Но что великой спрахъ?

Филлида.

Еще ли вопрошаешь?

Давно уже, давно ты все подробно знаешь,
Что мнѣ съ шѣхъ поръ спрашна понми его гроза,
Когда родишело сомкнула смершь глаза.
Онъ жизни своя послѣдній часъ кончая,
Просши, сказала въ слезахъ, Филлида дорогая,
Живи и возрастай щасливо подъ рукой,
Что въ возрасшѣ шебя напрошъ возвысишь мой.
Ты князю будь, какъ мнѣ, до времени послушна;
Я вѣдаю, что мысль его великодушна.
Промолвилъ, и съ шѣмъ духъ послѣдній изпу-
сшилъ,
И Полимнеспоръ власшь надъ царшвомъ полу-
чилъ.

Черезъ двенадцать лѣтъ колю сильно укрѣпился,
То видѣлъ ты шеперь; но какъ ты не смутился?
И неподвижно какъ возмогъ смошрѣшь наспрахъ,
Которой былъ на всѣхъ и на моихъ очахъ
Смущенныхъ ошъ его внезапнаго приходу?

Демофонтъ.

Сіе ли успрашишь геройскую породу?
Или забыла ты, что я Тезеевъ сынъ?
Чего желаю я, что получу одинъ.
И чаешь ты, чтобъ пошъ симъ видомъ взвол-
новался,
Кто Гектора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался?

Филлида.

О мужескъ швоемъ не сомнѣваюсь я;
Иной напасши ждешь печальна грудь моя.
По всѣмъ признакамъ я безщасна примѣчаю,
Что къ пагубѣ своей любовію пылаю.
Ты зналъ, что Князя весь Монархомъ чпипшъ
народъ,
И что владѣшъ ему оспался цѣлой годъ;
Въ ошсущспшвіе его уговорясь съ Мемнономъ,
Мы брачнымъ укрѣпишь любовь могли закономъ.
И подданные всѣ увидѣвъ нашъ союзъ,
Ошспалибъ ошъ него, ошвергнувъ шягосшъ узъ.
На храбросишь бы швою надежду положили,
Прошивъ его свой духъ и руки обрашпили.
Но нынѣ съ воинспшвомъ въ сей городъ онъ вшпу-
пилъ,
Побѣдами свое правленъе укрѣпилъ.

Онъ больше прежняго ужъ власъ свою умно-
жишь

По умысламъ своимъ и бракъ мой расположишь.

Но ты спокойно могъ сея напасши ждешь ?

Какъ можешь предо мной себя ты оправдашь ?

Демофонтъ.

Смущенія твои, драгая, всѣ напрасны,

И шѣни кажутся одинъ тебѣ ужасны.

Хоть Полимнеспоръ здѣсь ; но онъ какъ твой
отецъ,

Твоимъ сомнѣнїямъ желанный дастъ конецъ.

Когда въ младенчествѣ онъ былъ твой покрови-
тель ;

То будешь ли въ твоёмъ ужъ возрастѣ гони-
тель ?

И медленность моя вредить не можетъ намъ ;

Пока я долгъ опцу въ опечесствѣ опдамъ ;

То княжеско къ концу владѣнїе достигнешъ ,

И твой народъ тебѣ и онъ на тронъ воздвиг-
нешъ.

Въ Афинахъ укрѣпя престолъ свой , возвращусь ,

И будучи Царемъ, съ Царицей сопрягусь.

Филлида.

Такъ можешь цѣлой годъ пробышь и безъ
Филлиды ?

Такіе ли казалъ съ начала ты мнѣ виды ?

Когда свирѣпый вихрь разбилъ твой суда ,

Когда еще шекла съ одеждъ твоихъ вода ,

Когда изъ челюстей несущья пучины

На мой ты приняшь брегъ , спасень отъ злой
кончины ;

Ты шакъ ли говорилъ? ты шакъ ли припадалъ?
И шакъ ли взоръ взводилъ, и шакъ ли воздыхалъ?
Слезами и бѣдой швоей я умилилась;
На швой плачевный видъ, на жалку часпъ скло-
нилась.

Почши безъ чувствъ шебя я въ домъ свой при-
вела ,

Спокойство ошъ прудовъ и жизнь шебъ дала.
И для меня Мемнонъ явилъ шебъ пріятство ,
Изъ нѣдръ морскихъ извлекъ Троянское богат-
ство ,

Кошорое шогдажъ шебъ возвращено,
И съ нимъ сокровище мое сообщено.

Какъ можешъ, чшо доспалъ убійствомъ ты и
кровью ,

Сравнишь съ шѣмъ, чшо шебъ моей дано любовью?
Когда она двоихъ сердца ужъ сопрягла ;
Я общимъ все добромъ имѣніе звала.

Съ сугубой хочешъ въ домъ корыспью возвра-
тишься ,

Троянскимъ и моимъ богатствомъ водгордишься?
Демофонтъ.

О какъ мнѣ рѣчь сія въ печальну грудь разишь!...
Подумай, чшо шеперь ошечь мой говоришь :
„Меня противникъ здѣсь ошъ царства оплу-
чаешъ ;

„А сынъ о мнѣ забывъ, любовью нынѣ шаетъ ,
„И въ роскоши презрѣвъ естественный законъ ,
„Въ ничто вмѣняешъ скорбь опеческу и спонъ.,,
Представъ, дражайшая, ты гордаго Мнесшея,

Что хочешь хищной сняшь рукой вѣнецъ съ
Тезея,

И въ шароспи ему онъ казню грозить :
Предспавъ себѣ, предспавъ Тезеевъ скорбный видъ.
Возлюбленный ошець, о какъ ты въздыхаешь !
Ты взоры слезные чрезъ воды проспираешь ,
И наблюдаешь всѣхъ судовъ бѣгущихъ пущь ,
И на берегъ едва дерзаешь ты взглянуть ,
Гдѣ злой шираниъ тебя насильно ушѣсняешь ,
Тогда, какъ Грецію опрада оживляешь .
Съ побѣдою пришли обратно памъ Цари ,
Восходишь къ небу плескъ , дымятся олшари .
Троянскимъ злашомъ всѣ блискающъ шамъ чер-
шогъ ,

Приемающъ злашю въ даръ ошеческіе боги .
Ошцы и машери вспрѣчающъ шамъ сыновъ ,
И радостъ изъяснишь не досшаешь имъ словъ .
Всѣ слушающъ ошъ нихъ Пріамову судьбину ,
И Гекшорову смершь , и славы ихъ кончину .
А ты, родишель мой, ушѣхи шой лишень !

Филлида .

Но мною ли онъ въ сей печали погружень ?

Демофонтъ .

Такой мнѣ опъ боговъ уже предѣлъ поспавлень ,
Что я хонъ на сей брегъ опъ ярыхъ волнъ из-
бавлень ,

Однако чшобъ на немъ въ смущеньи ушопашъ !

Филлида .

Но я ли спрогосшью могла тебя смущашъ ?
И кшо прешашшвоваль намѣренцю скончашься ,

И прежде Князя намъ на царство увѣнчашъ ?
И силу бы швою услышавъ шамъ Мнесшей ,
Державы досягашь дерзнулъ ли бы швоей ?
Подумаль ли бы онъ , что Ораческая сила
И съ ней рука швоя ему бы не опмешила ?

Демофонтъ.

Такъ хочешь , чтобы я не видѣлъ нынѣ Аѳинъ ,
И шамъ не защищилъ опеческихъ сѣдинъ ?

Филида.

Ты вѣдая мою любовь , какъ можешь мыслишь ,
Чтобъ спала я своимъ веселіемъ по числишь ,
Когда бы ты отца и скупилъ свой позабылъ ?
Мнѣ шоль же какъ тебѣ , повѣрь , опецъ швой
милъ .

Я власть здѣсь укрѣпя , съ шбой бы въ Поншъ
пустилась ,

Ни осприхъ камней ябъ , ни буръ не успрашилась .
Какуюбъ радость швой почувствовалъ опецъ ,
Увидѣвъ на тебѣ и свой и мой вѣнецъ !

Демофонтъ.

Не знаешь зависи межъ Греками , не знаешь !
И такъ ли два вѣнца совокупишь ты чаешь ?
Лишь шолько дойдешь вѣшь къ сосѣдямъ черезъ
Поншъ ,

Что принялъ опъ тебя власнь царску Демо-
фоншъ ;

То силою въ боязнъ приведены моею ,
Всѣ обще поспѣшашъ вѣнецъ опдашь Мнесшею .
Мнѣ прежде должно власнь наслѣдну укрѣпишь ,
И послѣ съ оною швою совокупишь .

Филлида.

Не мысли, Государь, чшобы младая лѣта,
И слѣпоша любви меня лишила свѣта,
Чшобъ мыслей я швоихъ примѣшишь не могла,
Кошоры спрасишь къ себѣ другая опвлекла!
И рѣчь швоя шебя и взгляды обличающъ,
И сердца швоего всю шайну ошкрывающъ.
Я вижу изъ швоихъ потупленныхъ очей,
Чшо больше нѣшь уже ко мнѣ любви швоей.

Демофонтъ.

Драгая, перестань терзать мой духъ смущенный!

Филлида. .

Бѣжишь опъ глазъ моихъ? Ужъ мысли развра-
щенные

Не могутъ ушерпѣшь моихъ правдивыхъ словъ.
Уже ны къ своему опшесшвию готовъ,
И долѣ меня не хочешь удостоишь

Демофонтъ.

Позволь, любезная, мнѣ сердце успокоить!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида и Креуза.

Филлида. .

Не ясноль кажеть мнѣ его сомнѣнна рѣчь,
Чшо я слезамъ своимъ даю безъ пользы шечь!
Ты видишь по всему, любезная Креуза,
Чшо онъ нарочно бѣгъ опъ брачнаго союза.

Креуза.

Я сердцемъ шрепещу, смущенія боясь!

Что будешь, какъ швою любовь узнаешь Князь?
О Демифоншѣ что, Царевна, онъ помыслишь,
Кощорого врагомъ со Греками онъ числишь?

Филлида.

Могла ли я такой печали ожидать?
И что уже теперь безщасливой мнѣ начать?
Ты рокъ гоговишь мнѣ, возлюбленный мой, въ
шайнѣ?

Креуза, ахъ поди, спѣши, спарайся крайне,
Вспуни съ нимъ обо мнѣ въ проспранной раз-
говоръ,

И примѣчай слова, движенья и взоръ:
Тебѣ покажутъ всѣ вопросы и отвѣты,
Ты знаешь мыслей въ немъ наружныя примѣты.

Креуза.

Дай, небо, чтобы въ швоихъ намѣреніяхъ всѣхъ
Былъ равенъ моему спаранію успѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида одна.

Чтобъ онъ любилъ меня, еще могу я вѣрить?
И спраспи въ немъ другой я не могу измѣрить?
Не щещиноль жду того, что онъ мнѣ общалъ,
И что мнѣ кляшвою спокрашно подшверждалъ?
Однако шакъ моей любовью одолженный
Гнушашся мерзскія не будетъ ли измѣны?
Горячая его къ родителю любовь
Не возмутишь ли въ немъ шаккой напашью кровь?
Но я ослѣплена причины вымышляю!

И видя явну леснь, его жé извиняю !
Ахъ! какъ мнѣ нынѣ быть? и Полимнеспоръ самъ
Являешся моимъ , ахъ , полнымъ слезъ очамъ !

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Филлида и Полимнеспоръ.

Полимнеспоръ.

Уже мнѣ на конецъ пріянною судьбою,
Царевна, суждено увидѣться съ шобою.
Опъ взору швоего шри лѣша ошлутень ,
Всегда прошивъ швоихъ враговъ былъ ополчень.
Раздоры внушрени и внѣшни успокоилъ,
Пропивныхъ побѣдилъ, и съ ними миръ ушпроилъ.
Неоднократно я всю кровь хопѣлъ пролишь ,
Чшобъ царство для тебя недвижно ушвердишь;
Но щедры небеса сѹдьбину ошврашили
И жизнь мою съ швоимъ наслѣдствомъ сохранили.

Филлида.

Чшо защищая шы во мнѣ Ликурговъ родъ,
На брани положишь гошовъ былъ свой живошъ ,
За шо благодаряшъ тебя народы многи,
И чшяшъ зависшники и любяшъ сами боги.

Полимнеспоръ.

Симъ щасшiemъ хопя я много веселюсь;
Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,
Увидѣвъ , чшо въ мое опсушсшвiе Филлида
И возраспомъ своимъ и красошою вида
До шѣхъ досшигла мѣрь! когда уже любовь

Ликургову побой возставишь можешь кровь.
Едино совершишь мнѣ дѣло ужь оспалось,
Чшобъ сердце чрезъ меня доспойное сыскалось,
Доспойное шебѣ бышь въ вѣкъ поручено.

Филлида.

Усердіе швое извѣстно мнѣ давно :
Хошя рука швая симъ царшвомъ, Князь, владѣла,
Но я лишась опда, въ шебѣ его имѣла.

Полимнесторѣ.

Превыше нынѣ мѣръ побоеу я почтень ,
Чшо именовъ я шоль великимъ наречень .
Довольно, ешьлибъ я шого былъ удостоень ,
Чшобы черезъ меня народъ былъ успокоень ,
Кошорой въ радости уже всетасно ждешь ,
Кого швой нѣжной взоръ и сердце изберешь ,
Чшобъ царшвованъ съ побой на опческомъ
пресшоль ,
О щасшливъ , щасшавъ шоптъ , и всѣхъ онъ
смершнихъ боля !

Филлида.

Я вѣрю , что народъ Ликурга не забылъ ,
Кошорой нравамъ онъ похвальнымъ научилъ .
Но сколько опъ швоей онъ ревности жалаешъ ,
Моя нещаспна-грудъ шого имѣшь не чаешъ .
Я щасшлива былабъ , когда швая бы власшь
Могла мнѣ укрѣпишь мою желанну часшь .

Полимнесторѣ.

Хошъ всею я еще Эракіею владѣю ,
Но силы шаковой и власши не имѣю ,
Какая въ нѣжности и младости швоей

Близшаешь изъ швоихъ пѣвнющихъ очей.
Своею больше ты успѣешь красошою.

Филлида.

Коль мало пользовашь могу себя я шою!

Полимнесторъ.

Ты можешь ею все....

Филлида.

Узнаешь скоро самъ.

Но время приносишь тебѣ хвалу Богомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Полимнесторъ и Мемнонъ.

Мемнонъ.

Надѣясь швоего въ великій храмъ прихода,
Несчастно множеству спекается народа.
Я войско по мѣстамъ разспавилъ, Государь,
И жершву приносишь богамъ гошовъ олшаръ.

Полимнесторъ.

Какое принесу я имъ благодаренье,
Когда повержень я послѣ шрудовъ въ мученье,
Когда меня любовь въ спокойны дни крушишь,
И въ мирные часы въ груди сей брань чинишь?

Мемнонъ.

Въ тебѣли можно бышь какимъ мученьямъ мѣспу?
Въ спокойномъ шоржесшѣ ты видишь здѣсь не-
вѣспу;

Геройску видишь дочь, геройскую сешпру
Пылающую къ тебѣ въ усерднѣйшемъ жару.
Всего лилась она, шобой была спокойна:

Часть II.

9

Супружества съ побой въ несчастіи достойна.
Желаніе свое ты можешь совершитьъ,
И съ бракомъ шоржество сіе соединишь.
Она послѣ себя минути всѣ считала;
По Троѣ, по ошцѣ не столько воздыкала,
Какъ взору швоего, крушилася, лишася.
Коль часшо слезъ рѣка изъ глазъ ея лилася!

Полимнесторъ.

Чшо часшъ ея жалка, Мемнонь, я признаваю.
Съ любовью купно скорбь для ней прещерпываю.
Сугубо чувствую я бремя на плечахъ!
И чшо, скажи, щещѣрь я видѣлъ при брегахъ?
Чьи флаги на водахъ Борей Эракійскій вѣншъ?
И чшо въ намѣренъи Филлида здѣсь имѣшъ?
Скажи и не ушай, чшо было безъ меня,
Чшо въ домѣ дѣлалось и въ сердцѣ у нея?

Мемнонь.

Возможноль опть себя мнѣ, Государь, пашшся?
И должносшъ и любовь велишъ щещѣ опкрышся.
За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
Гдѣ съ воиншвомъ щещя водилъ геройской духъ;
И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсшъ пла-
чевна,

Чшо Трою рушила въ конецъ судѣбина гнѣвна;
Внезапно солнца видъ на всходѣ спалъ багровъ
И шускые лучи казаль изъ облаковъ.
Опть берегу въ дали пучина почернѣла
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ наеле-
шѣла.

Напала мгла, какъ ночь, ударили громный шрескъ,
И мрачность пресѣкалъ лишь частыхъ молній
блескъ.

Поднявъ сѣды верьхи, спремилась волны дры,
И берегъ заревѣлъ, почувснвовавъ удары.

Тогда сквозь мракъ едва увидѣшь мы могли,
Что съ моря бурный вихрь несѣшь къ намъ ко-
рабли,

Кошоры люшосшь воду шо въ пропастьхъ скры-
ваешь,

То вздернувъ на бутры, порывисто бросаешь ;

Раздранны парусы пловцы опдавъ въшрамъ,

Ужъ руки подняли къ закрышнымъ небесамъ.

Мы чаяли погда Енеева прихода

Съ ошашками Троянъ несчастнаго народа.

Объяша жалосшю, подвигнуша бѣдой,

Царевна на берегъ безъ спраху шла за мной.

Тупъ алчный Поншъ пожралъ при корабля предъ
нами,

И въ часпираздробивъ, извергъ на брегъ волнами.

Увидѣвъ, что съ водой памъ бьешся человекъ,

Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.

Онъ очи смупныя со спрахомъ обраща,

И шомныя ушпа чрезъ силу ошверзая,

Къ Филладѣ, облившись слезами, говорилъ :

Когда небесный гнѣвъ меня шакъ поразилъ,

То я уже зриашъ на небо не дерзаю ;

Къ тебѣ, Богиня шы иль смершна, прибѣгаю,

Или, какъ чаю, сихъ владычица бреговъ,

Покрой насъ и превьсь щедрошою Боговъ.

*

Царевна шаковымъ подвиглась жалкимъ слухомъ,
И нѣжнымъ, преклонясь, ошвѣщспивовала духомъ:
Спокоенъ будь шеперь, и опложи весь спрахъ:
Не варварски сердца родяшся въ сихъ мѣспяхъ.
Хошя не знаемъ мы, какого ты народа,
Но бѣднымъ помогашь велишь сама природа,

Полимнесторъ.

Кшо сей нещасный былъ ?

Мемнонъ.

Царя Тезея сынъ.

Онъ сердца нашея Царевны господинъ!
Народъ его, чшо съ нимъ опъ пагубы избавлень,
Спокойспвомъ ободрень, и флощъ его испра-
влень.

Полимнесторъ.

О вѣспи спранныя! о чудный судъ боговъ!
Но пойдемъ ихъ спросишь; я ко всему гошовъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Демофонтъ, Полимнесторъ и Мемнонъ.

Демофонтъ.

Ты склонношь кажешь мнѣ вся надежды
болѣ?

И чѣмъ я заплачу швоей шоль щедрой волю?
Я спранспивую гонимъ опъ волю и опъ небесъ;
Ты въ скорѣби, Государь, ошраду мнѣ привнесъ.

Полимнесторъ.

И я шѣмъ веселюсь, что дивная судьбина
Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣшь сына,
Кошорой мужеспвомъ ему себя сравнилъ,
И шѣмъ подъ Троею Героямъ общимъ былъ,
Кошорыхъ на нее послали гнѣвы боги.
Не вы, не вы, они Пріаму были спроги!

Демофонтъ.

Умѣренность швою чему могу сравняшь?
Величеспвомъ души Пріама больше зяшь!

Полимнесторъ.

То все еще шеперь у промысла во власпи;
Доспитнешъ до своей и Иліона часпи!
Опъ яроспи боговъ убѣгнешъ ли она,
Кошору чувспивуетъ опца ея спрана,
То день посшавленный покажешь намъ конечно!

Демофонтъ.

Иль рвеніе боговъ на Трою будетъ вѣчно?
Когда уже и въ насъ смягчились сердца;
То имъ ли злобишься на бѣдныхъ безъ конца?
Когда предспавлю я въ умѣ своемъ Пріама,
Терзаюсь мыслями ошъ жалости и срама,
Чшо Греческой рукой Царева сѣдина,
О варварство! въ его крови обагрена.

Полимнесторъ.

Теряешь славу всю свирѣпствомъ побѣдишель;
Но часто долженъ онъ невольно бытьъ мучишель,
Какъ надобно своихъ предохранишь ошъ зла.
Тебѣ всегда за шо пребудеишь похвала,
Чшо о несчастіи поверженныхъ жалѣешь;
Ты злобу шѣмъ своихъ враговъ преодолеешь.
Когдабъ жалѣя шакъ, ошшедъ всѣ Греки прочъ,
Сіебъ Пріамову могло упѣшишь дочь.

Демофонтъ.

Мнѣ знашь другихъ сердець движенія не можно;
Но объявишь сіе могу шебѣ неложно,
Чшо въ жизни я себя великимъ бы почелъ,
Когдабъ ей доказашъ сердечну жалость смѣлъ,
Кошорую объ ней

Полимнесторъ.

Я въ шомъ не возбраняю;
Но силы ласковымъ словамъ швоимъ желаю,
Дабмъ чрезъ оныя увѣрилась она,
Чшо Троя ошъ боговъ, не вами сожжена.
И видя, чшо о шомъ, кшо воевалъ, крушишься,
Могла бы ошъ шоски кошъ мало свободишься.

Демофонтъ.

Всѣ силы положу, чѣмъ Грековъ посрамишь,
И Иліону въ шой надеждѣ ушвердишь,
Что тѣ же укропясь, восплавишь боги Трою.
О естѣлибъ сею могъ воздвигнушь я рукою!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Полимнесторъ и Мемнонъ.

Мемнонъ.

Я объявляю его къ швоей невѣстѣ спрасить,
Дивлюсь, что ты ему даешь ходишь къ ней
власнѣ!

Полимнесторъ.

Я не далъ бы, но чѣмъ? другое нынѣ время!
И боги съ моего снимають сердца бремя.
Покажешь щедрой тѣ на Іліонѣ судъ.
Успросятъ все объ ней и щаснѣе ей дадутъ.
Меня ихъ власнѣ къ другой любви понуждаешь:
Мой духъ прошивишься ихъ воли не дерзаешь!

Мемнонъ.

Что слышу, Государь?

Полимнесторъ.

Опѣ ошара опѣвить!

Ты слышалъ въ храмѣ громъ, Мемнонъ, и видѣлъ
свѣтъ,

Когда я приступилъ, предъ Марсомъ преклонился,
И какъ опѣ жершвы дымъ предъ онымъ воску-
рился;

Тогда военный богъ щипомъ своимъ попрысь,
Блеснулъ очами вдругъ, и испустилъ сей гласъ:
„Для Трои на себя не привлекай ты гнѣву,
„Врученную тебѣ люби вѣкъ дочь Цареву.,,
Толь ясныя слова не смѣю шолковать;
Я волю принужденъ безсмертныхъ исполнять,
Чпобъ быль Ликургова по власпи оныхъ шрона...
Но нынѣ оциспути: приходишь Иліона.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Полимнесторъ и Иліона.

Иліона.

Увидѣвъ, Государь, наединѣ тебѣ,
Я смѣюль рѣчь зачать, швой духъ не оскорбля.
Весь городъ веселясь, въ очахъ швоихъ сіяешь,
И можешь быль мой взоръ тебѣ лишь досаж-
даешь.

Боюсь, чшо я сему шоржешшвенному дню
И радости швоей препяпшшо учиню!
Ты видишь предъ собой не шу ужъ Иліону,
Чшо прежде славою ошеческаго шпрону
Украшенна, тебѣ была обручена,
Со свѣшлымъ празднешшвомъ въ сей градъ при-
ведена;

Но съ Троею всего величешшва лишенну,
И шолько лишь къ тебѣ надеждой укрѣпленну.
Какъ сердце бы шное мнѣ не было дано,
Осшалося бы мнѣ опчаянье одно.

Я въ Троѣ, въ Гекторѣ, въ Пріамѣ умираю,
И только лишь къ тебѣ любовію дыхаю:
Возставъ и укрѣпи!

Полимнесторъ.

Я долженъ самъ упасть!
О снрогая судьба! о горесшная часъ!

Иліона.

Я вижу, Государь, что раззоренна Троя
Лишаешь и тебя веселья и покои!
Но ежели тебѣ еще я шакъ мила,
Какъ въ шѣ ясы, когда изъ Трои я пришла;
То всю свою шоску въ сей день преодолею:
И шм спокою будъ спокойностію моею.
И Гекторъ и Троишъ, Геккуба и Пріамъ
Въ тебѣ одномъ моимъ являюща очамъ.

Полимнесторъ.

Когдабъ я былъ тебѣ Парисомъ или Пріамомъ,
То былъ бы щасшливъ я уже въ нещасствѣ са-
момъ.

Иліона.

Ты можешь, Государь, шеперь мнѣ ими бышь,
И Трою на берегу Факійскомъ защишишь,
Копорую еще неукротими Греки,
Наполнивъ кровію поля при ней и рѣки,
Коварно ушѣсняшь и здѣсь не преспаюшь,
И мѣша оння ошпашкамъ не даюшь.
Въ ошсущшвіе швое бурливая погода
Разбила корабли прошивнаго народа.
Тезеевъ сынъ ошъ волнъ спасенъ ошпался живъ,

Здѣсь спранспиву живеть. Онъ время улучивъ,
(Того я знашь не щусь, за правду мѣ прищво-
ромъ)

Мнѣ часшо о любви досаднымъ разговоромъ
Терзалъ мой скорбной духъ несносной сопоспашъ,
Кошпораго одинъ мнѣ пуце смерши взглядъ.
Забывъ всѣ нѣжности Филлидины, дерзаетъ
Другой любви искашь, чрезъ что онъ объявляетъ,
Что онъ на всякой часъ на злоспъ свою гошоваъ.
На всѣхъ онъ, Государь, сплешаетъ хипрый ковъ:
Ошмспи пы за меня, ошмспи пы за Филлиду,
За Трою, за весь родъ, за собспвенну обиду.

Полимнесторъ.

Я сеюбъ кровь его рукою пролилъ самъ,
Когда бы было шо уточно небесамъ!
Но воля ихъ мою надежду пресѣкаетъ,
И мечъ мой на него подыашъ не позволяешъ.

(на спорону)

Хошя одной посшмылъ, хошя другой онъ любъ;
Вездѣ соперникъ мнѣ и сопоспашъ сугубъ.
Сугубаго въ рукахъ соперника имѣю!
Но мшшишь ему за шо, о боги, я не смѣю!

(указывая на Иліону)

За шѣмъ я замъ ее на волю ошдаю,
Вы дайше помочъ ей, скрѣнише грудь мою
Исполнишь вашъ ошвѣшъ !

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Илиона одна.

Гдѣ мнѣ искашь покроя?

Не слышала шеперь ни одного я слова ,
Копорымъ бы признакъ онъ нѣжности мнѣ далъ!
Что смутнымъ опъ меня онъ очи опшрещалъ ?
Ахъ, Троя, ты упавъ, любовь въ немъ разрушила!
Я вижу, что и здѣсь безсмертныхъ гнѣвна сила
Не прещаетъ Троянъ опшпшки ушѣснщъ.
И шопъ уже меня не хочешь зацщщщщъ ,
Къ копору му меня во брачные чершогг
Пощавила любовь, Пріамъ и сами боги.
Что нынѣ предпріятъ они велятъ ему ?
Соперникъ Демофонъ сугубо шочему?
Или къ Филладѣ онъ любовью пылаешь ?
Но чтожь сопернику опмспнщъ онъ не дер-
заетъ?

И что меня еще вручаетъ онъ Богамъ,
Когда покрывъ опъ бѣдъ скорѣ можешь самъ ,
Когда они свой взоръ опъ Трои опшрещали?
Въ какой вы пагубѣ насъ, боги, погрузили!
Мы равну съ Греками имѣемъ плошь и кровь :
И ваша бытъ должна ко всѣмъ равна любовь.
Но грекамъ вы опщы, Троянамъ вы ширанны :
Они вознесены, а мы лежимъ пошранны !
Однако ешщди шакъ васъ огорчилъ Пріамъ,
Что кровію воздашь не могъ и Гекшоръ вамъ ;
Но въ гнѣвѣ вы своемъ хошѣли видѣшь Трою
Зажженну въ жершву вамъ прощивною рукою,

И войско и народъ и спѣвы испребишь;
То что ужъ можешь васъ на ярость побудишь?
Представше прежнюю Пріамову державу,
Героевъ и полки величешво и славу,
Гдѣ нынѣ пепель, дымъ, развалины и прахъ
И косы на пусыхъ разсыпаны поляхъ.
Младенецъ лишь одинъ съ безщасливою сестрою
Не можешь въ бѣдноти сыскать себѣ покою,
Почпи уже плѣненъ живешь въ краю чужомъ!
Еще ли можеше бросаешь на насъ свой громъ?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.)

Иліона и Демофонтъ.)

Иліона.

Еще ли умножаешь идешь мои печали?

Демофонтъ.

Еще судьбы меня, еще къ тебѣ послали,
Которыя такой пославили предѣлъ,
Чтобъ нѣжно сердце я всегда къ тебѣ имѣлъ.
Коль часто оскорбленъ къ тебѣ бывъ зарекаюсь,
Толь часто преспунивъ зарокъ свой, возвращаюсь.
Суровой твоей опившись скрѣпилъ вчера мнѣ грудь;
Но нынѣ съ жалостью любовь открыла нутъ;
Сильнѣе прежняго, вошедъ въ меня, пылаешь:
Что жалость о тебѣ сугубу представляешь.
Оспавленна опъ всѣхъ, лишенная всего,
Ужель слушаешь совѣшу моего?
Подвигнуешь ли тебя мои попоки слезны,
Когда сшенанія и вздохи бесполезны,
Которы нынѣ такъ пускала къ небесамъ,

Являя жалкой видъ безчувственнымъ очамъ?
Другой уже красой, повѣрь, онъ плѣнились,
Онь нѣжностей цѣнокъ во вѣки зашворились.

Иліона.

Невѣрной!

Демофонтъ.

И кому!

— (указывая на Иліонну.)

Иліона.

Подобенъ въ шомъ тебѣ.

Филлидаль онъ тебѣ сего ждала себѣ?

Демофонтъ.

Онь лакомству, а я любви поработился;
Онь царствомъ, я шобой дражайшая, плѣнился.
Любви онъ и своей невѣстѣ измѣня,
Тебя освободилъ и оправдалъ меня.
Филлидинъ, будешь духъ, повѣрь, о семъ спокоенъ:
Чшо благодарности лишъ, не жаръ мой къ ней
приспоенъ.

Сугубо я свой долгъ ей изъ Аениъ воздамъ:

Тебѣ, дражайшая, я опдаюся самъ.

Иліона.

Какъ можешь шребовашъ, чшобъ я тебѣ любила?
Судьба и спрасшъ меня другому поручила.

Демофонтъ.

Прешпуннику!

Иліона.

Пускай хошябъ шаковъ онъ былъ,

Или пускай бы насъ Пріамъ не обручилъ;

Но сносно ли бы мнѣ швое желанье было?

И мысль одна объ насъ мнѣ грозное спрашило!

Когда предспавишся въ моемъ мечпанѣ Грекъ ,
Кровавы вижу я попоки нашихъ рѣкъ ,
Пылаеть домъ опщевъ, сеспру влекушъ изъ храма
Рыдающую среди ругашельсхва и срама ,
Дѣвицъ Троянскихъ въ плѣнь окованныхъ ведутъ,
По дѣшихъ машери, шерзая грудь , ревушъ.
Раздранны вижу шамъ я Гекшоровы члены ,
И спрашно въ слухъ мой бьюшъ валящіяся спѣны.
Подъ каменнымъ бугромъ нещасина спонешъ
машъ.

Возможно ли шебъ любви моей желашъ?

Демофонтъ.

Я общникъ, правда, былъ премѣны оной слезной,
Я спѣны раззорялъ опца своей любезной !
Но можешъ ли швой гнѣвъ , Царевна, и въ сей
часть

Пылашъ прошивъ меня? еще ли не погасъ ?
Не мною Гекшоръ палъ, не мною Поликсена
Въ незлобивой крови угасла обагренна.
Ахъ еспѣлибъ я шебя еще до брани зналъ ,
Противу Грековъ я съ мечемъ бы симъ возспалъ.
Ощецъ меня послалъ со воинспвомъ подъ Трою;
То много ли я шѣмъ виновентъ предъ побою?
Я дорого плачу попоки вашихъ слезъ,
И больше зла шерпаю, какъ Троѣ я нанесъ!
Я въ жершву далъ себя грызущей внушрь печалъ,
И больше самъ горю, какъ Пергамы (*) пылали.

(*) Старое имя города Трои.

Ты мучишь хощь, тебя всему я предпочощь!
 Бывалъ ли я когда шаковъ Троянамъ золь?
 Но еспьши не смягчишь швой духъ мой мученья,
 Когда ты потребуешь еще себѣ опмищенья;
 Могуль хощя тогда шебѣ я угодишь,
 Какъ Грекамъ и себѣ за вась я буду мсшишь?
 Мой духъ къ шему гошовъ и жизнь моя гошова;
 Я жду лишь опѣ, шебя, драгая, шолько слова.
 Со мною спанешь ты и съ нами Полидоръ
 Събогашисшвомъ на берегу въ шѣни Троянскихъ горъ.
 На слухъ со всѣхъ споронъ Фригійсцы соберущся,
 И къ облакамъ верхи Троянскіе проспрущся.
 Великостъ царствъ въ одной не соспоишь спѣнъ,
 Новъ полной жишельми, обильной всемъ спранъ.
 Воздвигли Трою тѣ упадшу Геркулесомъ,
 И нынѣ обновяшь поправну Ахиллесомъ.
 Ощедъ швой возврашиль ихъ силою весь вредъ,
 Кощорой преперпѣлъ нещасливой швой дѣдъ.
 По жребью получилъ я въ Троѣ шу корону,
 Чѣмъ швой, ощедъ вѣнчанъ по древнему закону.
 На Полидоровъ шу, на швой вержъ возложу,
 И сѣпующему народу покажу,
 Чшо паки живъ Пріамъ и обновляетъ Трою.
 Но какъ возведена на шронъ свой будешь мною,
 То можноть мнѣ себя шакой надеждой льспишь,
 Чшобы мнѣ у шебя и шамъ врагомъ не самъшъ?
 Я больше для шебя, драгая, предприемлю,
 Ощеческу свою пренебрегая землю.
 Тамъ ждешъ меня своя порфира и вѣнець,

Тамъ ждешь меня, крушась, при спаросши ощенъ.

Иліона.

Всѣ вымыслы твои и рѣчи бесполезны:

Оспавъ меня, не множь мои попоки слезны!

Кшо можеть снова намъ шѣ спѣны соградишь?

Которыхъ не возмогъ и Гекшоръ защищитъ?

Ни царство ужъ меня, ни слава не прельщаешь,

Которыя въ ничто судьбина превращаешь.

Въ любви моей не шоль велика ешь цѣна,

Чшобъ чешъ твоя для ней была повреждена.

Демофонтъ.

Слышь браномъ Гекшору всей чѣсти имя равно,

И въ пошже власишь порокъ мнѣ съ Ахиллесомъ
славно.

Оспавилъ Грековъ онъ, сеспру твоею любя:

Я шо же сдѣлаю и больше для себя.

Ты удостой меня хошь взглядомъ, дорогая,

И посмотри лице и очи примѣчая,

Возможно ли въ моей груди шайишься льсти?

И можноль больше мнѣ спраданія снести?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Демофонтъ, Иліона и Филлида.

Иліона.

(къ Филлидѣ)

Любезная моя Царевна, дай опраду.

Филлида.

— (опспуная назадъ)

И вамъ лишь нанову препяшпвиѣмъ досаду!

Иліона.

(удѣрживая Филлиду)

Оставленну опѣ всѣхъ одна шм не оставь.

Демофонтъ.

Къ чему злой рокъ привель...?

Филлида.

(Къ нему)

Теперь себя оправь...

Однако поспѣшай и обновляй шм Трою;
Забудь, чѣповѣчной срамъ шуда пойдешь съ шобою
Мои заслуги шм забудь и два вѣнца,
И вѣрносшь и любовь и совѣсшь и опща.
Но чѣшобы мнѣ о семъ и памяти лишинься,
Пойду безшасшная... но гдѣ мнѣ будетъ скрм-
шьясь?

Иліона.

Я слѣдую шебѣ, погибну или спасусь.

Демофонтъ.

Дражайшая, пожди, позволъ...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

Демофонтъ одинъ.

Какъ я мяшусь!

О колъ свирѣпья въ моемъ бьюшѣ сердцѣ волны!
Пропивными спрасшми и грудь и мысли полны!
Я жалосшью къ одной и нѣжносшью плавнень,
Другой заслугами и должносшью вручень.
Смошря на первую, пронзеть позабываюсь;
Но на другу взглянувъ, я въ совѣсши шерзаюсь.

Часть II.

10

Любовь, желанье, спыдъ, опчаянье; боязнъ
Воюющъ внушрь меня: о коль велика казнъ!
Гдѣ мужество мое? гдѣ крѣпость неизмѣнна?
Лежишъ опъ слабостей моихъ преодоленна!
О какъ ты развращенъ, безщасливой Демофоншъ!
Ахъ лучше бы тебя покрылъ волнами Поншъ!
Нещасіе бы къ одной тебя не обязало,
И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.
Чшо дѣлашъ ужъ шеперѣ? и кшо мнѣ дастъ со-
вѣшъ.

ЯВЛЕНІЕ О С Ъ М О Е.

Демофонть и Драметь.

Демофонть.

Скряпи, скряпи мой духъ, возлюбленный Дра-
мешъ!

Драметь.

Доколѣ, Государь, ты будешь колебаться?
Доколѣ будешь въ павнѣ спрашямъ здѣсь оп-
даваться

Тогда, какъ Греція шого всечасно ждешъ,
Ужель Пріамова наслѣдства больше нѣшъ?
И вѣшры щасшію ея споспѣшествовали,
Когда къ симъ берегамъ швой флотъ они при-
гнали.

И случай повелѣлъ и Полимнеспоръ самъ,
Чшобы Пріамовъ сынъ былъ опданъ въ руки намъ.
Хотя еще онъ малъ, но Грековъ усшрашаетъ:
Чшо къ нашей пагубѣ въ немъ Гекспоръ возра-
сшаетъ.

Представь, когда нанапъ онъ успремался флотъ
Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверхъ
вотъ,

Коль многіе онъ слезъ и крови пролилъ шокі,
И раны наложилъ коль Греціи глубоки!
Коль много славныхъ онъ опустошилъ домовъ!
Коль много шамъ сиротъ, коль много плачешъ
вдовъ!

Всѣ Грецески Цари съ опцемъ швоимъ согласно
Тобою опврашптъ желающъ ало ужасно,
Чшобъ спънь Пріамовъ сынъ, какъ онъ, не
обновилъ,

Ихъ дѣшамъ и шебъ по шомъ бы не опмшпалъ.
Но спрасптъ швоа гасптъ шѣ искры возбраняешъ,
Опъ коихъ съ прочими и швой градъ воспылаешъ.
Себѣ и обществу спрасптъ вредну изшребляй;
Коль долго случай еспъ, опечеспво спсасай.

Демѳонтъ.

Оспавило оно при спаросши Тезей,
И защищашъ его не хочешъ опъ Мнеспешъ;
То должно индѣ мнѣ прибѣжища искашъ,
И вмѣсто помощи за шо ему опмщашъ.

Драметъ.

Послушай, Государь рѣчей моихъ спокойно;
Природѣ ли швоей начашъ сіе приспкойно?
Какъ можешъ опъ чужихъ шого желашъ Тезей,
Чего напрасно ждешъ опъ крови онъ своей?
Тебѣ опца спасши всего достойшъ прежде,
И многихъ съ нимъ Царей не обманушъ въ на-
деждѣ,

•

Которые тебя за вѣрность награждать;
Когдажъ преслушаешь, подумай, какъ оптимсяшь!
Толь много дарствъ покрышь всѣ способы имѣешь.
Филида въ душъ съ шобой спѣшишь, что ты
косишь?

Демофонтъ.

Я выше бы всего Филиду почищалъ,
Какъ Иліоныбъ я на свѣстѣ не видалъ!

Драметъ.

Ты долженъ предпочесть благодѣянье спрасни,
Послушашъ Греціи, ошца покрышь въ напасни,
И очи ошвратишь и заперешъ свой слухъ
Ошъ всѣхъ мечшаній шѣхъ, что швой смущая
духъ,

Преняишшвующи скончашъ спрахъ общій съ
Полидоромъ.

Дерзай и не мянись себѣ пріятнымъ взоромъ.
И промышъ для шого тебѣ сей случай даль,
Чтобъ сердце мужеско шеперъ ты показалъ.
Предъ всѣми Греками я буду въ шомъ свидѣтель,
Коль сильну спрасишь въ тебѣ попраля добродѣтель.

Демофонтъ.

Я знаю, что вездѣ похвально шю, Драметъ,
Когда кшо слабости уму подѣ власшъ даешь.
Мнѣ совѣсишь и ошецъ, Филида и всѣ Греки
Веляшъ, чтошбы забылъ Троянку я во вѣки.
Но чешъ въ одну шпрану, въ другу любовь вле-
чешъ!

Драметъ.

Тамъ правда къ шоржешшву, здѣсь прелешъ въ
ровъ ведешъ.

Демофонтъ.

Я вижу лучшее, и видя похваляю;
Но худшему во слѣдъ, о небо, поспѣшаю!
Возникни слабой духъ во мнѣ и ободрись,
Войди шмь самъ въ себя, внимай, и осмошрись,
Гдѣ дочь Пріамова несчастну грудь пронзила...
О чудна слабосшей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!
Какимъ пушемъ, Драметъ, я въ сѣшь сію вошелъ!..
Какъ Иліону я впервые усмошрѣлъ,
Предсказавилъ во умѣ поверженную Трою!
И видя малые ошашки предъ собою,
Подумалъ, какъ ее внушрь люша скорбь грмзешъ,
Чшо нѣшъ уже ошца, ни храбрыхъ брацей нѣшъ!
Печальна красоша несчастшемъ умножалась,
И въ жалкомъ видѣ мнѣ прекраснѣе казалась,
Тупшъ склонноснѣ жалосни и склоносни любовь
Послѣдовали внушрь, и вкралася мнѣ въ кровь;
Объемлешъ чувсшва всѣ...

Драметъ.

Изкореняй мысль злую,
И первой шщисъ любви поработишъ другую.

Демофонтъ.

Я благодарносшь шамъ любовью называлъ,
Какъ здѣсь саму любовь за жалосшь почиталъ.
Со обонхъ споронъ поняшнемъ неяснымъ
Покрышъ, иду пушемъ со мною несогласнымъ.
Я чувсшвуя въ себѣ ихъ силу обонхъ,
Обѣимъ слѣдуя, и ни одной изъ нихъ!

Драметъ.

Какой нибудь къ шому шмь приведенъ причиной,

Но сердце оставляй Филлидъ ужъ единой,
И слово данное и вѣрносшь къ ней держи.

Демофонтъ.

Но какъ я шо начну? любезной другъ, скажи?
Прогнѣванной уже предъ очи какъ предшпану,
Глубоку ошъ другой имѣя въ сердцѣ рану?

Драметъ.

Лишь шолько шм шеперь себя преодолѣй,
Любовь ея къ тебѣ возобновилса въ ней,
Сильнѣе прежняго ошъ слезъ швоихъ всплываетъ.

Демофонтъ.

Надежда чрезъ тебѣ ужъ духъ мой ободряетъ;
Я нынѣ овладѣлъ шоль сильными спрашѣми.
Повѣрь мнѣ, и мое сомнѣнье опними;
Крѣпи въ намѣренъи, хваши мою побѣду,
Не дай съ похвальнаго мнѣ соврашиться слѣду.
О вѣрносшь искрення! шм слабосшь испреба,
Дай силу мнѣ склонить Филлиду и себя.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида и Полимнесторъ.

Полимнесторъ.

Царевна! совершивъ я должны жерпъ обряды,
Искалъ послѣ прудоръ желанья опрады.
Сраженья частыя, далекіе пуши,
Труды, что для тебя одной я могъ снести,
Велящъ опдашься мнѣ любезному покою.
Но усмопрѣвъ себя печальну предъ собою,
Къ спокойствію себя принудишь не возмогъ,
И уиѣшаешь себя послѣдовалъ въ черного.
Какі прошивности тебя поколебали?
Я смѣю ли подашъ совѣтъ тебѣ въ печали?
Я смѣюль угадашь, кто могъ швой духъ смушншь,
И угадавъ, тебя опъ скорбѣ свободишь?

Филлида.

Не наводи, ахъ князь! на мысль мнѣ большей noci?
И шакъ уже спыдомъ мой покрылся очи;
Оспавъ на единѣ безщаснную въздыхашъ.

Полимнесторъ.

Тебя ли я могу шерзаніямъ опдашь?
И долгъ меня къ шому и ревность понуждаешъ,
И младость и краса швоя повелѣваетъ,
Чтобы опъ шцешныхъ мукъ шеперь тебя спасши,
Опъ спрасши свободишь и въ чувство привесши.
Ахъ, что прелѣщаешься чужою шм спраною?

Или опечесство ужъ гнусно предъ побойю?
Или шакаго въ немъ уже Героя нѣтъ,
Съ кѣмъ въ бракъ тебѣ вступишь не предосу-
дишь свѣтъ,

Ктобъ равенъ Греку былъ достоинствомъ всѣхъ
хвалою?

Я сердце знаю здѣсь лишенное покою,
Въ кошоромъ вѣрная сугубо кровь кипитъ,
И въ очи и въ уста жаръ внутренній спремится;
Не зная, будетъ ли побой оно щасливо,
Мученія въ лицѣ изображаетъ живо.

Филлида.

Не вѣрь, ахъ Князь, словамъ и взглядамъ ты не
вѣрь.

По виду вѣшнему чувствъ внутреннихъ не мѣрь.
Чужаго сердца знать движеній не возможно!

Полимнесторъ.

Оно въ груди моей, я знаю то неложно.

Филлида.

Что слышу я еще! ты очи, Князь, открой,
И посмотри, что здѣсь Филлида предъ побой.
Теперь ты вмѣсто мнѣ желаннымъ оправдъ
Не умножай еще несносныя досады.
Меня, какъ дочь, любима принадлежишь тебѣ;
Иного пламени не воспалай въ себѣ.
Не чувствуешь въ своемъ ты сердцѣ Иліоны?
Гдѣ права естества, гдѣ божески законы?

Полимнесторъ.

Когда безсмертные повергли ужъ Троянъ,
Когда Пріамъ, Парисъ и Гекторъ ихъ попрали,

И острый мечъ пресѣкъ младый вѣкъ Полихсены;
Въ крови и пещель дымящся падши спѣны;
Когда они весь родъ изкоренишь хопящъ:
Боюсь, что и меня съ нимъ купно поразишь.
Безумно грудь свою поспавишь прошивъ грому,
И на бѣговъ воспашь.

Филлида.

О какъ ты дѣлу злому
Дашь хочешь видъ добра и спросишь свою закрывъ!
Преспань передо мной и мыслию грѣшишь.

Полимнесторъ.

Или ужъ грѣхъ любилъ лице мнѣ столь прекрасно?
Или, дражайшая, спудился я напрасно,
Когда я собиравъ забавы презиралъ,
И день и ночь о шомъ лилъ шолько помышлялъ,
Дабы распростиранъ еще швою державу,
И царски воспишавъ, швою умножилъ славу?
Пріятнѣе, что мной покрыты раздѣли,
Кромѣ меня владѣль кто долженъ на земли?
Я нѣжилъ ихъ восходъ, и зрѣлости ждалъ жадно;
То плодъ ихъ поперялъ мученье безосудно!
Кто лучше моего здѣсь знаетъ силу правъ,
Обычай подданныхъ, и швой, Царевна, нравъ?
И кто, какъ я, въ уздѣ удержишь ихъ свободу,
И склонностиамъ швоимъ опядетъ себя въ угоду?
Ахъ вспомни, что Ликургъ при смерти говорилъ!

Филлида.

Хопя владѣніе щибъ онъ поручилъ;

Однако сердце онъ въ моей оставилъ власни.
Не могутъ повелѣнь Цари любовной спросни.

Полимнесторъ.

Такъ буду я крушась, въ чужихъ рукахъ смошрѣшь
На шую, что велятъ и боги мнѣ имѣшь?
Я щасливъ былъ бы здѣсь, когда бы я волнами
Предъ сими изъ моря поверженъ былъ ногами:
Я сердцемъ бы швоимъ, Царевна, ужъ владѣлъ;
И что при томъ? другой любви искашь бы смѣлъ!
Ахъ жалься, погляди на опшескіе бреги
Исполнены вездѣ пріятности и нѣги!
Или они тебя не могутъ побудишь,
Чтобы ты пришлеца спаралась позабышь?
И рѣки, и поля, и горы воздыхающъ..
И видомъ жалоснымъ тебя увѣщающъ:
Филлида! не лиши швоей насъ красоты.
Тоголь не чувшвуешь? тоголь не слышишь ты?

Филлида.

Преспанъ шаками, Князь, перзашъ меня словами,
И дай мнѣ умягчишь поску свою слезами.

Полимнесторъ.

Я жалоснью швоей смущаясь, опхожу;
Но ты сама себя суди одна, прошу.
Невѣрности опмстивъ ты полну власть имѣя,
Какъ можешь предпочесть защитнику злодѣя,
Пришельца своему, и Демофонша мнѣ,
Кроваву Грецію любовной шой спранъ,
Гдѣ шронъ швой, гдѣ на свѣтъ впервые ты
воззрѣла?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида одна.

Нигдѣ не слыхано шоль злобшвеннаго дѣла!
Невѣрнось кругъ меня, шая свой люшой ядѣ,
Являешъ ласковой и полной желчи взглядъ.
Присягу пресшупивъ одинъ подложъ скрываешъ,
Другой не шакъ меня, какъ скипешра желаешъ.
Чшо мнѣ я начну, куда я обращаюсь?
Или опъ льшпиваго къ невѣрному склонюсь?
Филлида укрѣпись, и бурямъ спанъ прошиву,
Закрой опъ нихъ глаза, оспавъ надежду живу.
Предписаннаго жди мученіямъ конца,
Неблагодарнаго забудъ, забудъ льспеча.
Но позабышь его чѣмъ больше я желаю,
Тѣмъ больше въ мысль беру, и шверже вкореняю!
Никакъ, любовь, шебѣ, никакъ не измѣню.
Но чшо мнѣ въ шомъ, когда его не преклоню?
Такъ спану преклоняшъ пресшупника мольбою.
Такъ буду, Демофоншъ, я плакашъ предъ шобою?
Какъ слезны спанѣшъ шы пошוקи презирашъ?
Но я, лишь обращаись, гошова все начашъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида и Креуза.

Креуза.

Царевна! по швоей исполнила я волю.
Теперь ужъ ничего не оспается болѣ,
Какъ шолько, чшобы швой послѣдней былъ
приказъ,

По коему сгоришь флотъ Греческой пошъ часъ.
Закрыши на судахъ дѣсишными горами
Споишь рабы швой съ гошовыми спрѣлами,
Чшобъ пламень оними на корабли пусшишь,
И Демофоншовъ пушь въ Аѣны прекрашишь.

Филлида.

Пускай и самъ огнемъ скончаешся невѣрной!

Креуза.

Ты злобой на него вооружася безмѣрной,
Царевна, мѣрности при мщеніи держись;
И безошраднаго раскаянья блюдишь!

Филлида.

Ты зная опъ него меня шецерь презрѣну,
Чшо мспили прещашсшвуешь за мерзкую из-
мѣну?

Мой плѣнной духъ и шакъ склоняешся къ нему,
Прощившися себѣ, прощившися уму;

И злобу нѣжная любовь одолѣваетъ,

То чшо ей швой совѣшь, Креуза, помогаетъ?

Чшо гнѣвъ мой прекрашишь швой хочеть раз-
говоръ?

Нездобія во мнѣ не кажетъ ли мой взоръ?

Креуза.

Ахъ! вспомни, какъ моимъ совѣшомъ шм гнуша-
лась!

Но нынѣ я швоей печалью оправдаюсь:

Тогда было шебѣ не слушаешь дѣшшшшхъ словъ.

Филлида.

И здоровой умъ на все не можешь бышь гошовъ.

А поступашъ въ любви, Креуза, ошпорожно,

И мысль знаешь по рѣчамъ, повѣрь, чшо невоз-
можно,

Тамъ кажешься ни въ чемъ худыхъ не будешь
слѣдствъ,

Ни въ чемъ невидно шамъ необходимыхъ бѣдствъ:

Опасность кажешься сама въ ней безопасна,

И очевидная ужасность не ужасна.

За спрашью я своей не видѣла умомъ,

Что Демофоншовъ домъ на берегу чужомъ.

И сладость, что шекла прелестными устами,

Не жаромъ рождена, но холодными волнами!

Я думала тогда, что мнѣ онъ только льститъ?

Креуза.

Минуша жаръ загла, минуша погаситъ.

Любовь съ надеждою живетъ, и умираетъ,

Ошѣздъ его любовь и скорбь швою скончаетъ.

Филлида.

Такъ ошнушу его, Креуза, не ошмсишь?

Такъ насмѣваясь онъ, ошсель уѣдешь живъ?

Но мнѣ ли шребованъ ошъ Демофонна месши?

Пусшь жизни ли шущъ! но жаль лишишь чести!

Казнишь его спѣшу; но имъ еще полна:

Хотя ошчанлась, еще ему вѣрна!

Креуза.

Исполненной шибъ прѣшного шоль яда

Прошивнымъ способы, прошивна вся ошпада.

Когда болящему сама болѣзнь любя,

То сила всѣхъ лѣкарствъ бѣдѣльна и слаба.

Филлида.

Филлида умирай, но возвращивши славу,

Ошмсиши, и презирай любовь, живость, державу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Демофонтъ , Филлида , Креуза и Драметь.

Демофонтъ.

Исполни праведно опмщеніе на мнѣ,
Я оправдашь себя не пщусь въ своей винѣ.

Филлида.

Креуза, что теперь? куда себя укрою?
Продерзоспной предспаль еще передо мною!

Демофонтъ.

Вздыханіямъ моимъ, ахъ! небо, помоги.

Филлида.

Пресступникъ, удались, опъ глазъ моихъ бѣги.

Демофонтъ.

Позволь, позволь сказашь хотя едино слово:
Я казни лишь прошу, и ничего другою.

Филлида.

Ещели чаешь ты въ коварности успѣшь?
Еще ли хочешь скрышь своихъ обмановъ съшь?
Довольно ужъ, что ты за всѣ мои пріязни,
Свидѣтелей боговъ не убоявшись казни,
Шесшь мѣсяцовъ ко мнѣ горячность приптво-
рялъ,

Кошорой въ сердцѣ ты опнюдь не ощущаешь.
Ты клялся бурями, войною, глубиною,
Что можешь лишь воздашь мнѣ за пріязнь собою.
На шоль спаралась я о корабляхъ твоихъ,
Чтобы похитишь честь и жизнь мою чрезъ нихъ?
Богъ моря, богъ войны, богъ въшра, богъ лю-
бови,

Какъ спанушь мстишь , на мѣсть пвоей не
спанешь крови.

Демофонтъ.

Когда уже въ моихъ слезахъ нѣтъ столько силъ,
Дабы увѣришь въ помъ, что я себя любилъ,
Что я невольно впалъ въ такое пресупленье,
Что лютое шерплю разкаившись мученье,
Что дѣломъ я своимъ гнушаюсь и собой;
То будешь въ помъ , мнѣ смершь свидѣтель
предъ побой.

Когда я не могу увѣришь въ помъ слезами,
Увѣрся же шеперь кровавыми спруями.

(хочешь заколѣться)

Филлида.

(хвапая за руку, а съ нею прочіе держашъ)

Ахъ дерзкой!

Драметъ.

Для боговъ!

Демофонтъ.

(къ Филлидѣ)

Ты хочешь , чпобъ я жилъ,

Когда ужъ я шебъ и самъ себѣ посмьлъ?

Филлида.

Ты хочешь смершю меня увѣришь злою,
Чпю предъ побой гнусна и жизнь пвом со мною?
Ты хочешь для того со свѣпа убъжашъ ,
Чпобъ въ жизнь несносныя Филлиды не видашь?
Демофонтъ.

Чпобъ жизни дашь конецъ безславной толь и
слезной ,

Чпобъ шягоспну не бышь и небу и любезной.

Драметъ.

(Вкладываетъ Демо-
фоншу шпагу.)

Не будь, ахъ! Государь, себѣ и намъ жестоко:
Живи и вѣрностью загладишь щисся порокъ.

Креуза:

Вы вспомните залогъ любовнаго союза.

Филлида.

Ахъ! шо ли, шо ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза,
Чшобы въ глазахъ моихъ другу къ себѣ склоняшь?

Демофонтъ.

За шѣмъ ли не даешь животъ свой мнѣ скончашъ,
Чшобы слышала я свой срамъ, кошорой горше
смерши?

Дай мнѣ безславіе невѣрной кровью сперши.

(опяшь хватается за шпагу, но
они недопускающъ выняшь.)

Филлида.

Свирѣпой, чаешь шм, я мало слезъ лила?

И мало для себя я претерпѣла зла?

Демофонтъ.

Причину золь швоихъ искоренишь желаю:

Чшожъ воли ошъ себя на шо не получаю?

Позволь мнѣ умерешъ; или проспи вину;

Съ кошорой жизнь свою разкалвшись клянуп!

Когдабъ я могъ сказашь, швой гнѣвъ нѣ умножал,

Какъ въ мрачной ровъ ввела меня судьбина злая,

Какая внушрь меня была шогда борьба,

Тобъ шм увѣрилась, ахъ! коль шм мнѣ люба!

Филлида.

Ты любишь, и бѣжашь гошовъ опселя всетасно!
Любишь и прочь бѣжашь, какъ можешь бышь
согласно?

Чшо шоль несносное примѣшила пы во мнѣ? .
Въ какой я, покажи, обличена винѣ?

Я шѣмъ ли предъ шобой, я шѣмъ ли погрѣшила,
Чшо не крушивъ шебя, любовь свою ошкрыла?

Демофонтъ.

Чѣмъ пы безвиниѣ, драгая, предо мной,
Тѣмъ больше множишся порока мой предъ шобой;
Но пы мнѣ опшусши шоль шяжко погрѣшенъе,
И щедрой прослыви на свѣшѣ чрезъ прощенъе.

(на колѣна спановишся.)

Филлида.

Ахъ! чшо? желаешь пы еще меня крушинъ,
Съ надеждою во мнѣ и муку обновишь?
Непосшояншвомъ какъ, о какъ пшовимъ шерзаюсь!
Прошедшимъ мучусь я и будущимъ смущаюсь!
Иль волею въ другой обманъ себя опдамъ?

(въ сторону.)

Но смершь мнѣ не просишишь, просишишь мнѣ
вѣчной срамъ.

Демофонтъ.

Просши!

Драметъ.

Дражайшія сердца соединишесь,
И нѣжныя любви законамъ покоришесь.

Креуза.

(къ Филлидѣ)

На жалосшь преклонись.

Часть II.

11

Филлида.

О какъ мой духъ смущень!

Демофонтъ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь, что я прощень.

Филлида.

Къ чему меня твои вопросы принуждаютъ?

Не ясноль слабости мои тебѣ являющъ,

Опчаянье и скорбь и слабая гроза,

Смущенныя слова и полны, слезъ глаза?

(поднимаетъ)

Свирѣпой, поржесшуй: уже я признаваюсь,

Что щещенно въ спрасши я передъ тобой
скрываюсь.

Еще себя люблю, хотя ты измѣнилъ.

Ахъ чтобы я сдѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!

Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю;

Но радости всю въ тебѣ и щасье полагаю.

Въ державѣ я своей приѣмлю твой законъ,

Вручаю сердце, жизнь, опечесство и шронъ!

Демофонтъ.

Хотя о шаковомъ прощеньѣ сумнѣваюсь,

Что въ несказанномъ я порокъ признаваюсь;

Но спрахъ опъемлешь мнѣ возлюбленный твой
видъ,

Залога склонности твоей просишь вестишь.

Позволь, дражайшая, принявъ свою мнѣ руку,

И во все изшреби мою сердечну муку.

(принявъ руку цѣлуешь.)

Коль долго я сея держуся на земли,

Толь долго, небо, мнѣ бытъ щасшливу вели!

Я принялъ чрезъ нее спасенье оупъ пучины,
Ее я лобызалъ, избавясь оупъ кончины.
Я ею первой знакъ любви получилъ.
Кому несчастной, ахъ! кому я измѣнилъ?
Ты всѣ прошивности мои позабывалъ,
Преступнику даешь прощенье, драгая!
Безсмертные, когда оспавляю я ее,
Мое испоргнище оупъ свѣща бытіе.
Пусшь Поняшь пожреть меня свирѣлыми волнами,
Когда желанный брегъ ужъ будешь предъ глазами;
Пусшь буду на пусшомъ песку не погребень,
Оупъ пилицъ и оупъ звѣрей на часши расхищень!

Д р а м а т ѣ .

Любови обновивъ союзъ неоцѣненный,
Ужъ время поспѣшашъ вамъ въ пупъ опредѣ-
ленный.

Ф и л а н д а .

Оупъ Подимнеспора какъ можемъ ушанишь?

Д е м о ф о н т ѣ .

Любовъ моя, любовъ все можетъ побѣдншь!

К о н е ц ѣ т р е т ь я г о д ѣ й с т в і я .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Полимнесторъ и Иліона.

Иліона.

Какое щасіе тебя ко мнѣ ведешь ,
Опъ коего мой духъ еще опрады ждешь ?

Полимнесторъ.

Я здѣсь искалъ тебя.

Иліона.

Ужель спенаній сила
Тебя къ несчастливой на жалость преклонила ?

Полимнесторъ.

Я видя, что тебя сомнѣнія мѣшутъ,
Что мысли разныя себѣ предѣла ждуть ;
Пресѣчь и рушить ихъ, Царевна, поспѣшаю !
Тебѣ что будешь все пріятно, уповаю.

Иліона.

О небо, возсіай въ мою зашменну грудь ,
И сердцу шомному дай нынѣ опдохнуть !

Полимнесторъ.

Я не пришолъ къ тебѣ, чтобъ льстивые обманы
И сладкой ядъ влаганъ для большей скорби въ раны;
Но искренность моя не можетъ ушамъ
Того, что боги мнѣ велѣли совершить;
Я вѣрность обѣщаль хранишь тебѣ неложно,
И сохранялъ всегда, коль долго было можно.

Когда бы я къ тебѣ любви не имѣлъ ,
Когдабы сердечной жаръ и нѣтъ не кипѣлъ ,
То могъ бы я сказать, что клялся я заочно,
И клянѣшу преспуцишь мнѣ можно безпорочно ;
Сказалъ бы, что не знавъ я швоего лица,
Не красошу швою , но представлялъ опца,
Бога шство представлялъ и въ славной силѣ Трою,
И все, что было въ ней, я называлъ шбою.
Но я довольствуюсь достоинствомъ швоимъ,
Гнушаюсь, помня чешъ, подлогомъ шаковымъ.
И жалось и любовь къ тебѣ меня шерзаешъ ,
И гнѣвной мнѣ опѣвъ опъ олшаря смущаешъ!
Ахъ , ешълибы и шо подобной былъ подлотъ !
Ахъ, ешълибъ я и шо почешъ въ неправду могъ!
О ешълибъ преспуцишь возмогъ я безъ боязни,
Ни мнѣ, ниже тебѣ не ожидая казни,
Что далъ опъ олшаря мнѣ спрогой Марсь въ
опѣвъ !

Иліона.

Къ надеждѣ ли меня иль къ пагубѣ влечешъ ?

Полимнесторъ.

Съ одной шраны тебѣ надежду общаешъ,
Съ другой шраны мое желанье прешъкаетъ.
Чрезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ,
Чрезъ Грековъ же хошашъ и изцѣлишь опъ ранъ;
Ихъ спѣны обновишь Героя посылаюшъ ,
И красоты швоей меня они лишаютъ;
Веляшъ, копорую я воснипалъ , любишь ;
Тебя, дражайшая, ихъ волѣ поручишь ,

Ихъ волѣ и пому, что воспалишь побою,
Лежашу обѣщаль, тебѣ возставишь Троию.

Иаѳона.

Возможноль, чтобы тыжь насъ боги сочешашъ
Хотѣли, и пошь чась невинно разлучашъ?
И можешь волѣ ихъ не медалъ согласишься,
Какъ ежели она прошивъ пивоей, спремишся?
Не смѣешь прошивъ ней ты слова испустишь?
Ахъ, тымъ ли хочешь ты невѣрность ушатишь?
Вошше ко храму ложъ прибѣжище имѣешь;
Сквозъ свяшости покровъ коварства ядъ чер-
нѣешь.

Ты ведомъ лишь однимъ послѣдуешь богамъ,
Но дѣломъ возстаешь прошиву оныхъ самъ.
Ты хочешь скинуть чужой опиятъ, не уspra-
шася,

Но съ прономъ упадешь, не право возвышася.
Пускай, что можешь ты въ продерзости успѣшь,
И младость нѣжную ширанишвомъ одолѣшь;
Какую чаешь въ шомъ себѣ имѣшь забаву?
Какую можешь тымъ снискашь на свѣтъ славу?
Ты ненавистию опшесюду окружень,
И люшими смершми по всякъ чась уspraшенъ,
Ошъ шой самой спрашася, душею возмутишся,
Для коей прешунишь присягу не боишся.
Но правда чисшая всегда предъ тымъ скверна,
Въ комъ злоснь проклятая живесть вкоренена.
Когда бы ты еще имѣлъ любви хошь мало,
И сердце бы ко мнѣ хошя легко пылало;

То могъ либъ ты снесши, чѣмъ кровавой
Грекъ

Опѣ взору швоего въ полонѣ мѣня повлекъ;
Дебъ памѣ въ шоржествѣ онѣ могъ мѣня пред-
спавишь,

И сопоситащъ себя въ опечесивѣ прославишь;
Дабы съ презрѣнїемъ народъ увидѣлъ памѣ,
Котору поручилъ тебѣ въ чершого Прїамъ.
Не лучшели сказащъ, чѣмъ нынѣ Иліона
Не блещеши славою опеческаго шрона,
Чѣмъ нынѣ не льспиши вѣнецъ и не смущаеши
спрашъ,

Чѣмъ въ Греческихъ грѣмѣхъ опѣ Гектора пол-
кахъ?

Ты чаеши, чѣмъ онѣ мершвъ? онѣ живъ, уже воспоминаеши:

Земля предъ нимъ враша, шрякнувшись, опшвер-
заеши!

О Гекторъ! поспѣшай, и за сѣспру опмши,
И брата своего въ младенствѣ защиши!
Оружіемъ звучащъ, огнемъ вооруженъ!
А ты, предашель мой, еще не успирашенъ?
Мечемъ ужъ надъ швоей онѣ головой сверкаеши.
Коль шемна ночь глаза и духъ мой помрачаеши!

Полимнесторъ.

Ахъ истиненъ швой гнѣвъ! я люшой швой пи-
ранъ!

Но волей ли моею союзъ любви пошранъ?
Сшоль много рѣчь швоя мѣня не укоряеши,
Какъ совѣсшъ внушрь грызеши мѣня и обличаеши!

Я строгой бы гошевь прошивишься судьбѣ,
И въ жертву принеси себя одной тебѣ;
Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,
Я больше щѣмъ тебя безпашну погубляю.

Иліона.

О жалость звѣрская! жалѣшь и убиваешь.
Незлobie мое ты можешь презираешь?
Я въ самой часъ, когда ты люпими успами
Священный рвешь союзъ положенный межъ нами,
На неѣавистъ себя принудишь не могу,
И нудясь, на свое тебѣ я сердце лгу.
Но больше не хочу спараться быть любезна.
Уже моя къ тебѣ надежда бесполезна!
Близкаешь съ красой Филлидиной вѣнецъ,
Мнѣ слезы лишь однѣ оставилъ мой опецъ.
Безчеловѣчной, что ты очи опвращаешь?
Ты щипешными со мной минулы всѣ считаешь.
Уже ты не меня, но и себя забылъ:
Твои всѣ мысли съ той, кошорой ты постылъ.
Съ ней сердцемъ говоришь, ей слѣдуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди, и ей кленись, какъ прежде клялся мнѣ,
Свидѣтели всему на небесахъ, однѣ.
Я знаю, что они того не позабыли,
Каковъ они союзъ межъ нами ушвердили.
Ты чистой жаръ ко мнѣ беспуднымъ потаси,
И сердце предъ ошаръ прѣспупно понеси.

Полиметоръ.

Я съ онымъ прислунишь къ богамъ не обвинюся,
Когда опивъшу ихъ и воля повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Илиона одна.

Чего не можешь злоси проклѣта предпрѣять?
Велишь, забывъ вражду, за Грека посягати!
Велишь мнѣ позабыти ошечесива паденье,
И брашей и сеспры несносное мученье.
Какъ Гекшоръ былъ погранъ, лишенъ по смерши
гроба,

Какъ мащери моеи разшерзанна ушроба,
Пронзѣнный какъ Пріамъ предъ олшаремъ лежалъ
Въ сыновней и въ своей крови живощъ скончалъ!
Какъ мнѣ не представлялъ шуночь безчеловѣчну,
Чшо день Троянскій въ ночь перемѣнила вѣчну?
И люшыхъ хищниковъ шоржешшвовавшихъ крикъ,
Копорой мнѣ и здѣсь наносишь спрахъ великъ.
Какъ Греки нашихъ спѣвъ освѣщены пожаромъ
На пагубу Троянъ спѣшили въ буйспѣѣ яромъ,
Черезъ сродниковъ моихъ спременилися шѣла,
Изъ коихъ по земли густая кровь шекла.
Въ шакойли опшпусшилъ чершого меня родипель?
Такой гошовишь бракъ, о люшый, мнѣ, мучи-
пель!

Однако шѣмъ своихъ отей не насладишь;
Ты въ ровъ влечешь меня, но самъ надъ нимъ
спшшишь.

Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила.
Но мести слабыя мнѣ недовольна сила.
Онъ долженъ, пагубу увидѣвъ, возспенашъ,
Вошше разкаяшся, безъ пользы духъ опшдашъ.
И месья моя ничто, когда онъ не узнаешъ,
Чшо муку опъ моей руки претерпѣваешъ.
Ужъ время : чшо спою ? но чшо хочу начашъ ?
Я бышъ гнушajúсь здѣсь, и прочъ не шщусь бѣ-
жашъ.

Еще смущеннымъ я умомъ шого не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу ?
Съ какимъ презрѣнiемъ оспавилъ онъ меня !
Пусшилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли опходя ?
Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
Въ опчаяннѣ еще надежда мнѣ сiяетъ.
Но въ чемъ надежду я еще имѣшъ могу :
Онъ въ сердце вскоренилъ во вѣкъ уже другу !
Одна надежда мнѣ надежды всей лишишся,
И съ брашомъ въ шѣжъ мѣспа нещасливимъ
укрышся :

Укроюсь ? и своихъ не наслажду очей.
Какъ будешъ жизнiю гнушашся онъ своей,
Когда безвиннаго онъ вмѣсто Полидора
Сыновняго прельщенъ во вѣкъ лишишся взора ;
Какъ въ Греческихъ рукахъ заплачешъ Деифиль ,
Кошораго ошецъ на муку имъ вручилъ !

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Иліона и Мимнонъ.

Мимнонъ.

Ты жалобы оспавъ, Царевна, бесполезны :
Помогутъ ли тебѣ шеперь пошоки' слезны?
Тройнскіе спасашъ оспашки поспѣшай,
И браша опъ руки прошивничей скрывай.

Иліона.

Когда уже и здѣсь мы не наплаи зацщпы ,
То кѣмъ нещаспыне мы можемъ бытъ покрыты?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мимнонъ одинъ.

Какъ въ свѣтѣ всѣ дѣла преобращаетъ рокъ!
Сего дня свержень внизъ, кшо былъ вчера высокъ;
Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующей слезенъ;
Тотъ вечеромъ поспыль, кшо упромъ былъ лю-
безенъ.

Давно ли Трои верхъ касался облаковъ ,
Гдѣ нынѣ смрадными коспыми наполненъ ровъ?
Давноль со славой дочь Пріамову вспрѣчали ,
Что нынѣ опшверженна шерзаетъ въ печали?
О шы величеспва и бѣдности примѣръ!
Подобіе небесъ, подобіе пещеръ!
О Троя , шы сердца геройскія родила ,
И въ пепелъ своемъ упадши ихъ покрыла!
На что оспавленъ здѣсь съ сесшпрою Полидоръ?
На что не погребенъ среди Идейскихъ горъ?

Ахъ лучшебъ со спѣны низринуту разбишься,
И ей въ крови своей невинной обагришься!
Со брашними костыми соединишь лежашъ,
И купно пепель свой съ опеческимъ смѣшаешь,
Какъ нынѣ приклонишь куда главу не зная,
Не видѣшь горести несмѣханныя края!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Демофонтъ и Мемнонъ.

Демофонтъ.

Что меддишь здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?

И что изъ глубины ты выпускаешь спонъ?
Никакъ препяшсшвія въ намѣреніи случились,
И наши щайные совѣшны ужъ опкрылись?

Мемнонъ.

Опасности ни въ чемъ невидно никакой,
И флотъ къ опшесшвію совсѣмъ исправленъ
швой;

Филлида на него по всякой часъ взираешь,
И по спопамъ швоимъ во слѣдъ иппи жадаешь.
Лишь шолько шмой швой суда покроешь ночь,
Опъ нашихъ береговъ пуслись щасшливо прочь.
Въ опсушсшвіе швое, въ опсушсшвіе Филлиды
Правленіе земли другіе примеешь виды.
Дошолъ Князю я опъ ревности служилъ,
Пока онъ правду самъ и искренность хранилъ.
Но нынѣ онъ свои законы преспунаешь,
И шѣмъ опъ нихъ меня и прочихъ овобождаетъ.

Ты ревностъ искренню къ Царевнѣ сохрани,
И ушвердивъ престоль, въ Аѳинахъ не косни,
Воспоминай всегда мое послѣднее слово:
Здѣсь сердце подданныхъ принявъ тебя гошво.

Демофонтъ.

Ты въ пользу способы намъ всѣ употреби,
Проси, и обоихъ въ ошсущствіе люби.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Демофонтъ и Филлида.

Филлида.

Ты видишь, что себя я ради предприѣмлю?
Дерзаю чрезъ валы ишши въ чужую землю!
Не Полимнесшора я ушпрашасъ, бѣгу,
Но взору швоего лишнись не могу.
Хошя пучины я бурливой ушпрашаюсь;
Но и въ опасности съ шобой не опасуюсь.
Когда ты мнѣ не льсшишь, когда ты вѣренъ мнѣ,
То вѣренъ будешь намъ и пушъ во глубинѣ.

Демофонтъ.

Хошъ шягосшны шруды, но наградишь ошрада,
Когда досшигнемъ мы ошеческаго града.
Кошъ радосшно себя увидишь шамъ Тезей!
Какое множесшво сберелся шамъ людей!
Признаки по пушамъ побѣдъ моихъ посшавашъ,
И льсни брачныя къ шоржесшвеннымъ прибавашъ.

Прекрасно солнце, ты зайди за глубину,
На горизоншъ пущи скорѣ шму ночью:

И прежде не блискай пресвѣплыми лучами,
Пока сей брегъ опъ насъ не скроемся валами.
Сей брегъ, опъ коего мы нынѣ прочь бѣжимъ,
Но неопшпуюно внупръ сердцеъ его держимъ.
Межъ шѣмъ съ Мемнономъ скрытъ я долженъ
намъ дорогу,
Чшобъ, ежели Книжескъ полкъ ударишь вдругъ
шревогу,
Успѣли въ городъ намъ вѣрные полки
Спасши насъ опъ его коварныя руки.
Пожди, дражайшая, пожди меня минушу.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Филлида и Креуза.

Филлида.

Оспавшись, чувспвую шоску на сердце люшу.
Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ поди,
И въ ожиданіи мнѣ время проводи.
Чшо смущеной въ землю взоръ, унывши, пошту-
пляетъ?
Ты спонешь! ахъ! о чемъ? шны слезы проливаешь!
Далекаго пущи, драгая, не спрашисъ,
Забудь все, и моимъ примѣромъ укрѣписъ.

Креуза.

Не пущь меня, не пущь далекой успрашаешь,
Но близкая бѣда всѣ чувспва ошягчаешь.
Коль много шерпишь зла опъ нѣжной прошошм!
О коль коварень онъ! о коль злощасшна шм!
Нигдѣ надежды нѣтъ, нигдѣ намъ нѣтъ успѣху!

Намъ опиналъ въ скорби рокъ послѣднюю ушѣху!

Филлида.

Преснанъ смущалъ меня, безвременно шаясь.

О! какъ я извинюсь, когда увѣдалъ Князь?

Но Демофонтъ ко мнѣ поспѣшно возвращишся.

Креуза.

Ты больше на него не можешь положишся!

Филлида.

Ахъ! сердца не пронзай.....

Креуза.

Хоть поздно, будешь знать,,

И время не велишь несчастна умолчать.

Филлида.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ спроги!

Креуза.

Я мимо проходя Троянскіе чершогы,

Увидѣла, спѣшишь изъ нихъ къ судамъ Драметъ,

Младенца на рукахъ закрышаго несешь,

И озираешся спрашлявыми глазами.

Я видя шущъ рабу обмышную слезами,

Спросила, для чего она споишь смущина?

Ошвѣстливовала мнѣ: Царевна предана!

И князь не убоясь ни бога, ни закону,

Въ супружествѣ даешь другому Иліону,

И придешь, говоряшь, поспѣшно Демофонтъ,

Безщасна шайно взяшь и увезли чрезъ Понть!

Филлида.

Ахъ! лютой мой злодѣй, какъ могъ ты прищво-
ришся!

И какъ посмѣла я на живомъ ушвердиться?
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза, ахъ! спѣши,
И въ зломъ опчаяннѣ несчастной послужи;
Веди пущишься въ Поннѣ спояющимъ подъ го-
рами,
И воздухъ огустинишь горящими спрѣлами,
Чтобъ шутей огненной покрываеь корабли.
Н емедли.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Филлида одна.

Есть ли кто лукавѣй на земли?
Меня оставивъ здѣсь въ пріятной шоль надеждѣ,
И больше нѣжности мнѣ показавъ, какъ прежде,
Въ полѣднѣ изъ моихъ пошолъ прельщеннѣхъ
глазъ!

О люшая судьба! о коль свирѣпой часъ!
Я швоего спою прихода ожидая,
Когда въ пущь за шобой послѣдуешь другая!
Но ты продерзкой самъ почувствуешь поску:
Огнемъ въ срединѣ водъ я пущь швой пресѣку.
Когдажъ не возмогу, то кровь моя спруами
Себя изобличитъ, кипя во слѣдъ съ волнами.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филлида, Мемнонь и Креуза.

Мемнонь.

Багряные лучи закрыла ужъ зари,
Изъ глазъ опъемлетъ ночь и землю и моря.
Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ мысли помраченны,
И представлялъ въ умѣ полки вооруженны,
Дабы тогда, какъ ты плывешь между валовъ,
Присущспшвовала мной у здѣшнихъ береговъ,
Чтобы Оракіяне тебя здѣсь ощущали,
Хотябъ ошпешствіе швое опсюду знали.
Но нынѣ я тебя увидѣлъ здѣсь еще.

Филлида.

Намѣренья мои погибли всѣ вопище.
Я вѣрила словамъ, Мемнонь, ахъ! полнымъ яду.
Теперь мнѣ кто подаситъ опчаянной опраду?

Мемнонь.

Какая нынѣ скорбь мрачишь швой снова духъ?

Филлида.

Такою наглосщью не оскорбленъ швой слухъ?

Мемнонь.

Какою?

Филлида.

Демофоншъ съ Троянкой прочь опходишь,
И въ пагубу меня конечную приводишь.

Часть II.

11

Мемнонь.

Не представляя себѣ несчастія сего....

Но къ намъ Драметъ спѣшишь; увѣрься ошъ него.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида, Мемнонь и Драметъ.

Драметъ.

Царевна, корабли спояшъ гошовы къ бѣгу,
И шолько ждущъ они шебя одной со берегу.
Способной Аквилонъ, покрышой горизонтъ
Къ опшешствію съ шобой имѣшъ Демѣфоншъ.

Филлида.

Троянкъ буду я послѣдовашъ рабою?
Я волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою?
Оспавя свой прешшоль, я буду шамъ взирашъ,
Какъ будешъ онъ себя на царшшво съ ней вѣн-
чащъ?

Мемнонь.

Я вижу, мнѣніе шебя шерзаетъ ложно.

Драметъ.

Пріамова дочъ здѣсь.

Филлида.

Какъ бышъ шому возможно?

Когда ты брата взялъ уже на корабли,
Сеспра ли ошъ него оспалась на земли?

Драметъ.

Уже шеперь шайшъ не позволяешъ время.
Тебѣ извѣстно, чшо Троянско Грехамъ племя

Противно на сердцахъ, ужасно на поляхъ:
Оспашки онаго еще наводящъ страхъ.
За пѣмъ я пищился здѣсь младаго Полидора
Опъ Иліонина во вѣкъ опшоргнушъ взора;
И нынѣ я могу ужъ Грекамъ показашъ,
Что Троя больше ихъ не можешъ устрашашъ.
Троянскія возшашъ не могушъ больше спѣны:
Не можешъ впредъ Парисъ похишишъ въ нихъ
Елены.

Филлида.

Ахъ! колы ужасна вѣспъ! какъ бѣдство опвра-
шишъ?

Мемнонъ.

Ахъ! небо, какъ могло сіе шы попустишъ?
Нещасная сеспра какую скорбъ шерпѣла!

Драметъ.

И кровь во мнѣ самомъ опъ жалосши кипѣла,
Какъ въ Иліонинъ я посмѣлъ вспунишъ черпогъ,
И воли преспунишъ опечесшва не могъ.
Она едва въ слезахъ промолвила, рыдая:
Когда насъ изшребишъ судьбина хочешъ злая,
Когда насъ предаешъ, кто долженъ защищашъ;
Оспалось опъ самихъ враговъ опрады ждашъ.
Опъ рукъ неправедныхъ покройше бѣдныхъ,
Греки;

Хошя свирѣпы вы, однако человекъ.

Опъ васъ я избѣжавъ, вселилась межъ звѣрей,
Что носяшъ на себѣ лишь видъ одинъ людей.
Промолвила, и мнѣ сама вручила брашна.

Мемнонь.

О скверная алчба могущества и злапа!

Филлида.

Но гдѣ мой Демофонсъ ?

Драметъ.

Чѣпобъ ты могла припѣши

Безбѣдно на суда, опѣ берегу по пуши

Онѣ спавишѣ спражей самѣ; за шѣмъ чѣпо вѣспрѣ
способной

Прибавилъ много силѣ въ часѣ къ плаванью удоб-
ной.

Филлида,

Креуза, опшврашишѣ нещасшѣ послѣнии,

И руки злобныя опѣ гнѣва удержи!

Креуза.

Разкалнѣ швое едваль уже не позно.

О небо, проводи безѣ казни время грозно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида, Иліона, Мемнонь и Драметъ.

Филлида.

(увидѣвъ Иліону)

Коль неразумно злюсь, любезной, на тебѣ!

Иліона.

Царевна, опѣ меня чѣпо хочешѣ скрышѣ себя?

Не скучнымъ досаждатьѣ къ тебѣ иду я споромъ,

И не зависплавимъ о щасшѣ разговоромъ;

Но слезы горькія передѣ побой пролишѣ,

И бѣднымъ, помощи въ гоненіи просишѣ.

Невинной Полидоръ на пугубу отъ муки,
И изъ пиранскихъ взявъ въ прощавнически руки.
Одинъ вашъ будешь пущъ, но разной шамъ ко-
нецъ.

Его свирѣпа смершь, шебя шамъ ждешь вѣнецъ!
Ты вѣдая меня и мыслями въ шомъ невинну,
Чшобъ я къ смущеніямъ швоимъ дала причину,
Драгая, не имѣй ко мнѣ на сердцѣ зла;
Но помня, какова любовь межъ насъ была,
Ты будь поверженнымъ зацѣпи и подпора,
Предспашельшвомъ спаси отъ смерши Полидора.
Доспигни шчасливо шебъ желанныхъ спранъ,
Чшобъ мучился, линась надежды, нашъ пиранъ.

Филлида.

Я чувствовашъ могу болѣзнь швою сердечну,
Коль шягосшно неспи злосшь шоль безчело-
вѣчну!

Но шощъ, кшо долженъ самъ спасенія искашь,
Какъ можешь оное другому обѣщашь?

Мемнонъ.

(оборачиваясь на сторону)

Чшо ночи шемношу надъ моремъ прогоняешь?

Филлида.

Ахъ! люща злосшь мою надежду пресѣкаешь.

Драметъ.

Чѣмъ небо намъ грозишь!

Филлида.

Гдѣ помощи искашь?

Слѣши со мной, Драметъ, спасай и умирай.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иліона и Мемнонь.

Мемнонь.

Нешасіе наши всѣ совѣшны разрушаетъ,
И предпріяшой пунѣ Филлидѣ запираетъ.
Горитъ нещаснаго, ахъ! Демофонна флотъ,
И помощи лишень среди глубокихъ водъ!
О сжалѣсь вы хошя, морскія, сжалѣсь, волны,
Возспанѣше на пожаръ, возспанѣше гнѣва полны.
Дождевны облаки, о небо, расшвори,
И вихри пламенны пошопомъ умири!
Но крикъ при берегахъ и большій спрахъ ошъ
шреску

И умноженіе сіянія и блеску
Погибелію намъ ошчаяннымъ грозятъ.

Иліона.

Теперь прошивникамъ за Трою боги мспяшъ.
Когда онѣ Троянъ державу разрушили,
Свирѣцшвомъ и боговъ ко гнѣву побудили.
Они ихъ ошпусшивъ ошъ нашихъ береговъ,
Хошятъ всѣхъ погубишъ среди крушыхъ валовъ.
А шы объ нихъ, Мемнонь, печалѣсь, воздыхаешь;
Ты Трою раззоряшъ шираннамъ помогаешь.

Мемнонь.

Когда бы вѣдала намѣреня мои,
Ошавила бы шы ропшанія свои.
Кшо можешъ ближе всѣхъ къ Пріамову бышъ
шпрону,

Какъ шопъ , кому онъ самъ въ черпогъ далъ
Иліону?

И кто Ликурговъ здѣсь наслѣдникъ долженъ
бъ пь,

Какъ шопъ , кого могла Филлида полюбишь?

Я обое къ концу привесъ желалъ, Царевна!

Но вижу, рушишь все въ конецъ судьбина гнѣвна.

Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣешь Князь!

Какъ можешь далъ ошвѣшь, Филлида возвращаясь?

Флошь нынѣ Греческой ему ужъ неужасенъ:

Въ желанія своемъ онъ будетъ безопасенъ.

Неизбѣжимая тебѣ грозитъ бѣда,

И мнѣ, безсмертные, доспойна па ли мзда?

Кто нынѣ насъ спасетъ ?

Иліона.

Топъ бѣдство презираешь,

Кто больше ужъ себѣ спасенія не чаешь.

Ни молнія меня, ниже Зевесовъ гнѣвъ

Не можешь успрашишь: ударъ не укосишь !

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Иліона, Полимнесторъ и Мемнонъ.

Полимнесторъ.

Аѳинской флошь горишь !

(къ Иліонѣ)

Ты здѣсь? ко гдѣ Филлида?

Иліона.

Гнушаясь своего несноснаго ей вида,

Ни пламени, ни водъ бѣжишь не успрашась,

Я здѣсь, и чтобы тебя щоской перзашь, спаса-
слась.

Полимнесторъ.

Нечаянная мнѣ и спрога переменна,
Которою скорбишь душа моя смущенна!

Мемнонь.

Теперь услышимъ мы, къ чему насъ рокъ вле-
чешь.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Полимнесторъ, Иліона, Мемнонь и Вѣстникъ.

Мемнонь.

Какой судьба конецъ смятеніямъ даешь?
Чѣмъ пламень намъ грозить, свирѣпшвуа надъ
Поншомъ?

Вѣстникъ.

Филиды больше нѣшъ съ любезнымъ Демофон-
номъ!

Лишались жизни!

Мемнонь.

Ахъ!

Полимнесторъ.

Несносной мнѣ ударъ!

Иліона.

Ахъ! какъ плачевныя погасъ любви жаръ?

Вѣстникъ.

Толь много бѣдшвъ сказашъ лишь только на-
чинаю,

Ошкуду мнѣ начашъ, я въ ужасъ не знаю?

Когда покрыла ночь со флосомъ глубину,

Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Поспавивъ Демофонтъ суда ко берегу спроемъ,
Чтобы любезную привесить на нихъ съ покоемъ,
На встрѣчу къ приспани лишь ѣхашъ поспѣ-
шалъ,

Куда ее привесить Драмеша онъ послалъ.
Внезапно изъ за горъ пашъ весла зашумѣли,
И спрѣлы огненны до облаковъ взлещѣли,
Упали съ высопы на насъ, какъ сильной градъ.
Уже на корабляхъ снаряды всѣ горятъ!
Пылаютъ парусы, валяпся райны въ море,
Въ дыму и въ шумѣ пашъ лишь шолько слышно,
горе!

Иліона.

О коль великой спрахъ!

Мемнонь.

О люшая гроза!

Полимиксторъ.

Объемлещъ сердце хладъ и мракъ мой глаза!

Въстникъ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣлы закрушились,
Противны двѣ на насъ спихи согласились.
И каждой пашъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,
И влажностію жаръ и пламень умножалъ.
Иныхъ поггла огня неукрошима сила,
Иныхъ несышая пучина погложила.
И какъ я съ корабля спарался въ бошъ сойши,
Я Демофонта вдругъ увидѣлъ на пуши.
Пронзень, окровавленъ едва уже дыхаешь:
Спрѣла еще въ груди важенная пылаешь.

Я въ страхѣ возспенавъ , другихъ на помощь
звалъ ;

Отъ двухъ смертей изшоргъ , и къ берегу съ нимъ
приспалъ ;

Но въ сердцѣ претія препешущемъ оспалась :
Любезная душа отъ шѣла разлучалась .

Еще онъ , ахъ ! шогда изъ глубины вздохнулъ ,
И слабымъ голосомъ Филлиду помянулъ .

На берегъ пламенемъ шумящимъ освѣщенный
Филлида къ намъ спѣшишь , Драметъ съ ней у-
спрашенный .

Увидѣла его безгласна предъ собой ,
Спаралась во слезахъ поднять рукой ,
И рѣчью возбудишь хотѣла безполезной :
Промолви , Демофоншъ , промолви , мой любезной .
Онъ мрачные еще глаза свои открылъ ,
И на нее взглянувъ , впослѣдни зашворилъ .
Промолвишь силмси еще между спенаньемъ ,
Но рѣчь свою пресѣчь послѣднимъ воздыханьемъ !

Иліона .

Нещасливой любви нещасливой конецъ !

Мемнонъ .

Какъ будешь съшовашь оспавленной ошець !

Вѣстникъ .

Филлида съ гореспнымъ спенаньемъ возгласила :

На шоль , чшобы убишь , шебя я полюбила ?

И шакъ ли пушь пресѣчь шебъ хотѣла я ?

Не шы невѣренъ , я измѣнница швая .

Ахъ ! пушь бы шы ушоль , шы могъ бы возвра-
шешься ,

И я ещебъ могла хопя надеждой льстившись.
Теперь себя ко мнѣ никто не возвращишь,
И шолько смерть одна съ побой совокупишь.
Промолвила, и вдругъ кинжалъ во грудь вонзила,
И пущь себя за нимъ со свѣша ошворила.
Креуза рвешь власы, опчаянной Драмешъ
Вошще надъ хладными пѣлами слезы льешъ.

Иліона.

Мнѣ поздо смерть ея надежду возвращаетъ.

Мемнонъ.

Ахъ! въ ней шеперь Ликургъ шпорично умираетъ.

Полимнесторъ.

Теперь мнѣ опниша надежда до конца!
Презрѣла шы меня, послушала льспеча,
И съ нимъ въ опчаянни, о дерзка, умираетъ!
Однако пѣмъ моихъ желаній не скончаешъ.
Я шолько на земли себя прошивень былъ,
Чшо свѣшь себя со мной, Филида, спашъ не-
милъ.

И чшобы мною шы очей не раздражила,
Прекрасны очи шы во вѣки зашворила.
Ты опъ меня бѣжишь за Демофоншомъ въ слѣдъ,
И чаешъ, чшо уѣш шамъ меня швой взоръ минешъ?
Гнушаешъ еще шы послѣ смерти мною?
Или не смѣю спашъ я шамъ передъ побой?
Я слѣдоващъ себя не ушпрашусь во адъ.
И спану шамъ казашъ себя прошивной взглядъ.
Я буду шамъ спенашъ, шряспишь въ несносной
казни,
И къ жалосши себя подвигну и къ боязни.

Ты памѣ, чѣшобъ опѣ меня могла себя укрышь,
Не можешь ужъ себя вдругой разѣ умершвишь.
Чѣшо долго смерти ждашь?

(Хочетъ заколошья)

Иліона.

(схвативъ за руку)

Пожди еще минушу:

Не всю имъ преперпѣлъ на свѣшъ муку люшу.

(къ Вѣспнику)

Младенецъ, чѣшо Драметъ похипилъ на суда,
Спасенъ ли?

Вѣстникъ.

Погубилъ огонь или вода.

Полиместоръ.

Безщасной Полидоръ!

Иліона.

Деифиль неповинной!

Ты люшосши моей, щиранны, былъ самъ причи-
ной.

Раченіемъ моимъ сокрышь мой Полидоръ
Опѣ злобы швоея Бракійскихъ далѣ горы.
За наглосши швое, за зло непосшоянство,
За гордой мнѣ опказъ, за мерзкое ширанство
Мнѣ промыслъ пособилъ въ сей чась шебѣ ои-
мшпишъ,

И сына швоего прошивникамъ вручишь.

Но месшъ сія легка явилась предѣ богами,

Деифила сожгли они между валами.

Мнѣ должно бы его на часши разшперзашъ,

И разшперзавъ, онцу на пищу сына дашъ.

Дабы къ шому швоа несышая ушроба
Рожденному шобой служила вмѣсто гроба.

Полигнесторъ.

Ахъ! что еще въ мои глаза блискаешь свѣтъ?
Филиды больше здѣсь и Деифила нѣтъ!
Я нынѣ скипетръ, власи и славу презираю,
И только громнаго удара лишь желаю.
Еще я не могу боговъ къ шому склонить,
Прощеніемъ на казнь и злобой побудить?
Но омерши что ицу на казнь себѣ напрасно?
Я чувствую въ себѣ мученіе ужасно!
Филида, Демофонъ и ты, ахъ! Деифилъ,
Въ срединѣ сердца мнѣ гѣену воспалилъ.
Какая вкругъ меня буншуешь непогода?
То мерзостью моей гнушается природа!
Свѣшила идутъ всѣ обрапо на воспохъ:
Законы еспесива преобрацаешь рокъ.
Всѣ боги на меня, что Трою защищали,
За дочь Пріамову прошивъ меня возспали.
Непшунъ спремилъ на брегъ морскую глубину,
Пожрашъ меня бѣжашъ чудовища по дну,
И вѣчные Плупонъ заклемы опшверзаешь,
Рыгаешь въ воздухъ ядъ и звѣзды помрачаешь,
Зіаешь челюстями несышой Флегешонъ,
Тиранновъ слышу шамъ безчеловѣчныхъ спонъ.
Но что еще? между ревущихъ вшпровъ спо-
ромъ
Является Зевесъ съ пламеновиднымъ взоромъ.
Межъ мрачныхъ и грозой опягощенныхъ шучъ

Изъ рукъ его гремишь быспрошекущій луть.
Суровая змѣя мнѣ сердце, ахъ! снѣдаетъ,
И внутрь и внѣ болѣзнь и спрахъ меня шер-
заетъ,

Разверзшая земля, кровавы небеса,
Кипящія моря, горящіе лѣса
На пагубу мою себя пригосовляютъ.
Но въ бездну долго что меня не погружаютъ?
Когда меня шерпѣшь не можешь еспесиво:
Скончай меня, скончай, о сильно божество!

Конецъ Трагедіи.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА,

**Приписанная покойному Оверъ-Каммер-
геру Ивану Ивановичу Шувалову.**

Начало моего великаго шруда

Прими, предспашель Музъ, какъ принималъ
всегда

Сложенія мои, любя Россійско слово,
И итѣмъ спремленіе къ спихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей пушъ пуспилися я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи и сія дана тебѣ доброша,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Прородный видишь швой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя и гдѣ пуспыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нумень швоего разсудокъ шонкой слуха,
Чшобъ слабость своего возмогъ призналъ я духа.
Когда подъ бременемъ поникну упомень,
Вниманіемъ швоимъ-возспану ободрень.
Хоща во слѣдъ иду Виргилію, Гомеру;
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
Не вымышленныхъ пѣшь намѣренъ я боговъ,
Но истинны дѣла, великій шрудъ ПЕТРОВЪ.
Досшойную хвалу воздашь сему Герою
Труднѣе, нежели какъ въ десятишь лѣшь взяшь
Трою.

О ешлябъ было шо въ возможности моей!
Бѣглець Виргиліевъ изъ ошчесшва Еней
Едвабъ съ Мазепою въ спихахъ моихъ сравнился,
И басней бы своихъ Виргилій ушпыдился.
Уликовыхъ Сирень и Ахиллесовъ гнѣвъ
Во вѣкъ бы заглушилъ пошранный ревомъ
левъ.

За кѣмъ же я пойду? въ сѣдѣ подвигамъ ПЕ-
ТРОВЫМЪ ,

И возвышеніемъ списковъ героическихъ подвиговъ
Увѣрю цѣлѣ вселенныя концы ,
Что пѣмъ я заслужу Парнасскіе вѣнцы ,
Что первый пѣмъ дѣла такого человѣка,
Каковъ во всѣхъ снранахъ не слыханъ былъ опъ
вѣка.

Хотя за знаніе служилъ мнѣ въ шомъ паланъ ;
Однако скажутъ всѣ , я былъ судьбой избранъ.
Желая въ умъ вперишь дѣла ПЕТРОВЫ громки,
Описаны въ моихъ спискахъ прочтутъ попомки.
Обильные луга, прекрасны брега рѣкъ,
И только гдѣ живетъ Россійской человѣкъ ,
И почипаючи Россію всѣ языки ,
У коихъ по шрудамъ прославленъ ПЕТРЪ Ве-
ликій,

Достоину для него дадутъ симъ чести спискамъ,
И сптанутъ ихъ гласны по рощамъ и лѣсамъ.
О какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ,
Трудомъ желаемымъ, но непреодолимымъ!
Однакомъ я опню надежды не лишень:
Начашой будешь шрудъ прилжно совершенъ.
Твоими, Меценатъ , бодрясь въ шрудѣ словами,
Спремлюся на Парнассъ, какъ легкими хрилами.
Въ разборѣ убѣжденъ о правотѣ швоей
Пренебрегаю злыхъ рошпаніе людей.
И ешлы въ полѣ семъ прекрасномъ и широ-
комъ

Прешпоржется мой вѣкъ недоброхошнымъ рокомъ;

Часть II.

Цвѣтущимъ младоспѣю оспанешся умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ снопамъ.
Довольно шаковыхъ родить сыновъ Россія,
Лишь былибъ завсегда защитники шакиа,
Каковъ ны промысломъ въ сей день произведень,
Для щасція наукъ въ опечесивъ рождень.
Благополучная сіяла къ нимъ планеша,
Предвозвѣщая плодъ въ швомъ прекрасны лѣша.
Въ благодѣяніяхъ швомъ проходятъ дни,
О коль красно цвѣшеть Парнассъ въ швоей шѣни!
Для Музы моея швой вѣкъ всего дороже:
Для многихъ щасція продли, продли, о Боже!

Ноября 1 дня 1760 года.

П Ъ С Н Ъ П Е Р В А Я.

С О Д Е Р Ж А Н І Е.

ПЕТРЪ Великій увѣдавъ , что Шведскіе корабли идущъ къ городу Архангельскому, дабы тамъ учинишь раззореніе и отвратишь Государевъ походъ къ Шлиссельбургу , отпустилъ войско приступать къ оному. Самъ съ гвардіею предпріемлетъ путь на Сѣверъ, и слухомъ своего приходу на Двинскія устья обращаетъ въ бѣгство флотъ Шведскій. Оттуда простивъ походъ къ осадѣ помянутой крѣпости по Бѣлому морю , претерпѣваетъ опасную бурю, и отъ ней для отдохновенія уклоняется въ Унскую губу. Потомъ приславъ къ Соловецкому острову для молитвы, при случаѣ разговора о расколѣ сказываетъ Государь настоятелю тамошнія обители о сирѣецкихъ бунтахъ, изъ коихъ второй былъ раскольничей.

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новыя, полки и флоты спроя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою спрану;

♦

Смирилъ злодѣевъ внушрь , и вѣй попраля про-
шнвннхъ ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзоспннхъ и лспн-
вннхъ ,
Среди военныхъ буръ науки намъ ошкрылъ ,
И мнръ дѣлами весь и зависпъ уднвлъ .

Къ шебѣ я вошю, Премудрость безконечна!
Пролей свой луть ко мнѣ, гдѣ искренность сер-
дечна,

И полонъ ревности спѣшнпъ въ восторгѣ духъ
ПЕТРА Великаго гласнпъ вселенной въ слухъ ,
И показашъ, какъ онъ превыше челоука
Понесъ шруды для насъ несмыханнмъ опъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ опечеснво любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смошря весь смершннхъ родъ , смошря земны
Владыкы ,

Познають, что Монархъ, и что опецъ прямой,
Спрошнпель , плавапель , въ поляхъ , въ моряхъ
Герой:

Дабы Россійскій родъ во вѣки помннлъ швердо,
Коль, небо, шм ему явллось млосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣпн, дѣлами ПЕТРЪ снабдншъ,
Велика Дщерь Его щедрошпой ошнвншъ.

Богння, коей власпъ владшеснвъ всѣхъ пре-
выше ,
Державнво крошкое весны прекрасной шнше ,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышнпй еспъ за-
конъ ,

Ты вземлешь съ крошосшю мой слабой лирной
звонъ;

Склони, склони свой слухъ, когда я предъ шобою
Дерзаю возгласишь военною шрубою

Тебя родившее велико божество!

О море! о земля! о шварей ешество!

Монархини моеи въ нраву подражайше,

И гласу моему съ крошосшю внимайше.

Уже освобождень ошъ варваръ былъ Азовъ ;
До Меопскихъ Донъ свободно текъ валовъ ,
Нося ужасной флосъ въ спруяхъ къ пучинамъ Черной,
Чшо создавъ въ скоросши ПЕТРОМЪ немовърной.

Уже великая покоилась Москва ,

Избывъ ошъ люпшаго злодѣвъ суровсшва :

Буншующихъ спрѣльцовъ достойной послѣ казни

Просперланъ свой мечъ безъ внушренной боени.

Ошъ дераской наглосши разгнѣваннымъ ПЕ-
ТРОМЪ

Воздвигся въ западѣ войны ужасвой громъ.

Ошъ Нарвской обуявъ сомнишельной побѣды ,

Шашались мыслями и войскъ походомъ Шведы.

Монархъ, нашъ ошъ Москвы просперъ свой бы-
спирый ходъ

Къ любезнымъ берегамъ колочныхъ Бѣлыхъ водъ ,

Гдѣ прежде межъ валовъ души въ немъ веселилась ,

И больше къ плаванью въ немъ жажда возпали-
лась.

О коль шны шасшавъ, великая Двина ,

Чшо славнымъ шесшвиемъ его освящена !

Ты шѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что ушпями своими
Сливаясь въ сонмъ одинъ со безднами морскими,
Ошкрпала посредѣ играющихъ валовъ
Другихъ всѣхъ прежде спруй пучинъ зракъ ПЕ-
ТРОВЪ.

О холмы красныя и островамъ зелены,
Какъ радовались вы симъ щасщьемъ: возхищенны!
Что поздно я для васъ, что поздно я рождень,
И шѣмъ шолыкаго веселія лишень?
Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величешвомъ надъ вами,
И шесшвовалъ средъ васъ предъ новыми полками;
Какъ новы крѣпости и новы корабли,
Ужасныя врагамъ въ волнахъ и на земли,
Смошрѣлъ и ушверждаалъ прошиву ихъ набѣгу,
Грозящему бѣдой Архангельскому берегу,
Дабы Россійскую шѣмъ силу раздѣлишь,
Ошъ Ингерскихъ градовъ осады отшврашяшь.
Но вдругъ пришесшвіа ПЕТРОВА съ Сѣверъ слу-
хомъ

Смушясь, пущишясь вспянь ушмалъ, шомны ду-
хомъ.

Уже бѣла Поншъ передъ ПЕТРОМЪ кипишь,
И влага ушпунишь, шумя, ему сшѣшпишь.
Тамъ вмѣсто чадныхъ боекъ флаговъ Шведскихъ
Россійскіе въ змблѣхъ звѣвали Соловецкихъ.
Закрмались крайніе пучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ саіаины небеса.
Тупъ въшпры сильныя имѣя флосъ во власши,
Со всѣхъ споронъ слѣжась къ пошгбелъной на-
пасши,

На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ, и Востокъ
Сшреманься и верпяишь мгу, влагу и песокъ.
Перуны мракъ гуспой, сверкая, раздѣляютъ,
И грома съ шумомъ водъ свой прескъ соеди-
няють.

Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣль,
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ ле-
пиль.

Въ сердцахъ великой спрахъ сугубишь скрыномъ
снаспи.

Герой нашъ, посредѣ великія напасти
И взоромъ и рѣчами смулывшихся крѣпишь,
Сквозь грозный стонъ спихій къ блѣднѣющимъ
гласишь :

„Мужайшесь ; промыслъ нашъ небесный иску-
шаешъ ;

„Къ шрудамъ и къ крѣпости напредки обо-
дряешъ ;

„Всякъ дѣлу своему со шщаніемъ внимай :

„Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край.,,

Онъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая влі-
ялась,

И буря въ яросши крошчае показала.

Я мыцлаю, что шогда сокрыша въ морѣмочъ
Желая ошвраишь набѣгъ прошивныхъ прочъ,
Толь спрашну бурю имъ на пагубу воздвигла,
Что въ плаваный ПЕТРА нечаянно пошигла.

О вы рачишли и слушашели словъ ,
Въ кошорыхъ подвигъ вамъ приянень естъ ПЕ-
ТРОВЪ,

Еди́на испи́нѣа возлюбле́нна и сродна,
Опѣ вымысло́въ краса Парна́сскихъ неуго́дна!
Позво́льте ме́жду шѣмъ, чѣ́щобъ сла́ба мы́сль моя
И го́лосъ опочи́лъ, шруды́ его́ про́я;
Въ Каспа́льски ро́щи я не съ шѣмъ се́бя скло́няю,
Чѣ́що оны́мъ та́мъ сыска́пъ красу́ и си́лу чаю:
Клю́чи, испочи́ники, доли́ны и цѣ́вшы
Не могу́тъ дѣ́ль его́ умно́жишь красо́щы;
Собо́й они́ красны́, собо́й они́ вели́ки.
Опѣва́ясь въ до́лгій пу́щь, гдѣ́ шрудно́сти шѣ-
ли́ки,
Ищю́, чѣ́щобъ ино́гда имѣ́шь себѣ́ поко́й;
Въ убо́жища́ сѣ́я скло́нишесь вы́ со мно́й,
Дабы́ яснѣ́е зрѣ́шь съ вы́сокихъ мѣ́стъ и краси́выхъ
ПЕТРА́ въ волна́хъ, во льда́хъ, въ огнѣ́, въ бѣ́-
да́хъ ужа́сныхъ,
И сла́вы испи́нной въ бли́стающихъ́ луча́хъ.
Ка́кое зрѣ́нїе мечѣ́шается́ въ оча́хъ?
Я на́ земли́ спою́, на́ шпрахо́мъ колеба́юсь,
И чаю́, чѣ́що въ вода́хъ свирѣ́пныхъ́ погружа́юсь!
Мнѣ́ вся́кая волна́ бы́шь ка́жется́ гора́,
Чѣ́що съ ре́вомъ па́даешь́, обру́шась на ПЕТРА́.

Но про́мысль въ́ глубину́ десни́цу́ проси́д-
раешь́;

Оковы́ шя́жкія́ в́другъ́ бу́ря о́щущаетъ́.
Ка́къ въ́ равныхъ́ разбѣ́жась́ свирѣ́пный́ ко́нь поля́хъ,
Рже́тъ, пы́шетъ, о́шъ копы́тъ возхо́дишь́ ви-
хре́мъ пра́хъ;
О́днако́ до́скака́въ до́ выши́ны́ кру́шныя́,

Вздохнувъ, кончаешъ бѣгъ, лѣпшъ шоки пошовыя;
 Такъ Сѣверъ укропясь, впослѣднѣ возспеналъ;
 По успалымъ маламъ Понпшъ пѣну разспилалъ;
 Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югъ чистый
 Ошкрылись два холма и береги лѣсисшъ.
 Межъ ними кораблямъ въ заливъ ошверзся входъ,
 Убѣжище пловцамъ опшъ безпокойныхъ водъ,
 Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крупясь печальна Уна,
 Медлищельно шечепъ въ объяснѣ Непишуна,
 Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала,
 Но Предковъ рокомъ злымъ ПЕТРОВЫХъ про-
 слыла,

Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
 Кипѣла пролипа невинныхъ кровь багрова,
 Какъ праощевъ его онъ въ Сѣверъ започилъ,
 Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
 Сошелъ на берегъ ПЕТРЪ, и ободрилъ спопами
 Мѣста обмоченны Романовыхъ слезами.
 Подвиглись береги, зря въ славѣ оныхъ Родъ,
 Межъ шѣмъ способной зѣврѣ въ свой пунъ сзм-
 ваешъ флощъ.

Онъ легкимъ къ западу дыханьемъ поспѣшаешъ
 И мелкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаешъ.
 Тогда пловущимъ ПЕТРЪ на полночь указалъ,
 Въ спокойномъ плаванѣ ои слова въщаль :
 „Какая похвала Россійскому народу
 „Судьбой дана пройши покрышу льдами воду.
 „Хотя шамъ кажешся поспавленъ плышъ пре-
 дѣлъ;
 „Но бодрешъ подающъ примѣры славныхъ дѣлъ.

„Полденный свѣта край обитель отважный Гама,
„И солнцева доспигъ , что мнила древность ,
храма.

„Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
„Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде спранъ;
„Подвигнушы хвалой, исполнены надежды,
„Кошеровъ лишены пугливые невѣжды ,
„Презрѣли робость ихъ, рошанье и упоръ,
„Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
„Иное небо шамъ и новыя свѣтила,
„Тамъ поддень въ Сѣверѣ, гна въ магнитѣ сила.
„Бездонный Океанъ справил какъ лугъ покрывъ,
„Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ
грозитъ.

„Опасенъ вихрей бѣгъ, но пишина спрашиве;
„Что поршишь въ жилахъ кровь свирѣпыхъ
ядовъ злѣе.

„Лишаешь долгой зной здоровья и ума;
„А спужа въ Рѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
„Самъ ледъ, что кажешся шоль грозенъ и ужа-
сенъ ,
„Отъ оныхъ люшыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ без-
опасенъ.

„Колумбы Россіе презрѣвъ утрюмый рокъ ,
„Межъ льдами новый пушъ опворятъ на Возшокъ,
„И наша досягнешъ въ Америку держава;
„Но нинѣ наспоишь въ войнахъ иная слава.,,
Надежды полный взглядъ слова его скончалъ,
И бодрый духъ къ трудамъ на всемъ лицѣ сіялъ.

Доспигло дневное до полночи свѣсило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И просширало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи вланныхъ змбей пловцамъ сверкають въ
очи.

Отъ Сѣвера сшада морскихъ приходящъ чудъ
И воду вихрями крупящъ и къ верху бьющъ,
Предшесшвуя Царю просширанныя пучины,
Чшо двинулся къ ПЕТРУ ошибкою повинный,
Изъ глубины своей, гдѣ царшвуешь на днѣ.
Въ недосигаемой отъ смертныхъ споронѣ
Между высокими камнистыми горами,
Чшо мы по зрѣнію обыкли зващъ мѣлями,
Покрытый золошымъ пескомъ просперся долъ;
На томъ сего царя палаши и преснодъ.
Сшолпы округъ его вгромаыя кристалаы,
По жонмъ обвилися прекрасныя кораллы:
Главы ихъ сложены изъ раковинъ вишнихъ,
Превосходящихъ цвѣшъ дуги межъ шучъ гусиныхъ,
Чшо кажешъ укрошяся намъ громовая буря;
Помосшъ изъ аспида и чиспаго лазури.
Палаши изъ одной изсѣченъ горы;
Верхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внушрени покровъ черепокожныхъ;
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ шронъ жемчугами усыпанный яншаръ;
На немъ седишъ воднамъ сѣдымъ подобенъ Царь.

Въ заливы, въ Океанъ десницу просшираешь,
Сапфирнымъ скипешпромъ водамъ повелѣваешь.
Одежда царская порфира и виссонъ,
Что сильныя моря несутъ ему предъ проны.
Ни мразы, ни Борей шуда не досягаютъ,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникаютъ.
Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣшель водъ воз-
никъ;
Воздвигли радостной морскія пшпцы клнкъ.
Онъ въ сѣдъ къ плывущему Герою обратился,
И новосши судовъ ПЕТРОВЫХЪ удивился:

„Твой, сказалъ, моря , надъ нами царшвуй
вѣкъ;
„Тебѣ печеніе просшранныхъ шѣсно рѣкъ :
„Посшрой великой флотъ , посшавъ въ пучинѣ
спѣны.,,
Скончали пѣніемъ сей гласъ его, Сирены.
То было, либо шакъ бытъ надобнобъ сему,
Что долженъ Океанъ Монарху своему.

Уже на Западѣ восшочными лучами
Открылся освѣщенъ съ высокими веръхами
Пречудныхъ спѣнъ округъ , изъ дикихъ камней
градъ,
Гдѣ вольны плѣнники спасаяся сидятъ.
Отъ міра ощдѣлся и моремъ и свяшпней,
Прямѣрь опшеческихъ отъ древнихъ лѣшъ пу-
спыней,
Лишь только лишены пріятнѣйшихъ плодовъ

Опѣ дренѣ, что подають и пищу и покровъ:
Не можешь произвешъ корошкое ихъ лѣшо;
Снѣгами въ прошчи дни лице земли одѣшо.
Сквозь мракъ и сквозь шуманъ, сквозь буйныхъ
вѣспровъ шумъ

Возходишь къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ.
Къ симъ спрогимъ берегамъ великій ПЕТРЪ при-
ходишь,

Внимательный свой взоръ на зданія возводишь.
Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнуша спѣна,
Водами опо вѣхъ споронъ окружена,
Его и воиновъ съ веселіемъ приемлешь;
Спрѣльбѣ и пѣнію пусшныя купно внимлешь.
На вспрѣчу съ ликомъ Фирсъ, усердствуя, спѣ-
шинъ,

И госпя осѣнивъ, въ возшоргѣ говоришь:
„Благословенъ швой пунъ Всешпняго рукою;
„Могущесшво его предходишь предъ шобою.
„Онъ къ сей съ высошъ своихъ обишела смошря,
„О имени своемъ возвеселишь Царя.
„Живящія его въ семъ мѣспѣ благдаши
„Причасшны новыя швой да будушь раши !,
Монархъ опѣ промысла избранный человекъ
Вмѣнилъ, что передъ нимъ спонитъ Мельхисе-
декъ,

Побѣды прежнія его благословлешь,
И къ новымъ шоржесшвамъ духовно ободряешь.

Монархъ почтивъ шруды и знаки чудныхъ
дѣлъ,

Спросеніе вокругъ и мѣсто осмопрѣлъ ,
Спросилъ Наспавника : „апо сими вась горами
„Толь крѣпко оградилъ, посшавя ихъ руками?
„Великій Іоаннѣ, швой сродникъ и примѣръ,
„Чшо Россовъ превознесъ излыхъ Агарянъ сперь.
„Онъ жершву приносъ за помощь въ браняхъ Богу,
„Межъ прочими и здѣсь далъ милосшнню многу:
„Пяшъ сошъ измѣнниковъ поиманныхъ Ташаръ,
„Имъ въ казнѣ, обшпели прислалъ до смерши въ
даръ.
„Рабошю ихъ рукъ сѣмъ воздвигалъ спѣны,
„И праошщевъ швоихъ усердіемъ снабдѣны ,
„Въ холодной сѣй спранѣ ошъ буръ покровъ
даюшъ ,
„Безмолвно бдѣніе и безнавѣшенъ прудъ.,,
Сіе въ ошѣшъ далъ Фирсъ, и указавъ на слѣдм,
Гдѣ церковь надъ врагомъ седмъ лѣшъ ждала по-
бѣды ,
Сказалъ: „ здѣсь каменны передъ спѣной валы
„Насыпаны пропикъ раскола и хулы.
„Желая ереси изпоргнушъ швой Родишпелъ,
„Исправилъ церькви чинъ послалъ въ сію оби-
шпелъ :
„Но грубыхъ шѣхъ невѣждъ въ надѣжныхъ шолъ
спѣнахъ
„Не преклонилъ ни гладъ , ни должной казни
спрахъ.
„Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами ,
„Не двигнулись своихъ дровавыми спруями,
„Пока упрямство ихъ унижалъ Божій судъ:
„Уже въ церьковной всѣ послушности живушъ.,,

Монархъ вспомнѣнулъ , коль много о^тъ ра-
скола

Просперелось наглосшей и къ высотѣ преспола.
Вдохнувъ , повѣспивовалъ ужасную напасшь ,
И власшололюбную Софіи хипрой спрасшь.

Ахъ, Музы , какъ мнѣ пѣль? я пѣхъ лѣшу
покою ,

Кошорыхъ сродники развращены мечшою
Не шцились за ПЕТРОМЪ въ благословенной
пушъ ,

Но шщешно мыслили прошивъ его дерзнушъ.
Представивъ злобу ихъ , гнушаюсь и жалѣю,
Чшо родъ ихъ огорчу невинностью своею !

Какой бодрить меня и лучъ и жаръ и шумъ,
И гонить въ скоросши смущенныхъ шучу думъ?
Съ прекрасной высоты великаго Парнасса
Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлонъ и девять сесиръ зовушъ ,
И нудяшъ совершишъ священный спѣшно шрудъ.
„Ты хочешъ въ земаю скрышъ врученно смысла
злапо :

„Мы пѣшь шебѣ велимъ , а чшо велимъ шю свяшо.,,
Уже съ горы глашу богинь великихъ власшь.
Въ спокойснѣ чшине вы предписанную часшь.
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходише по слѣду ,
Не подражалъ въ элѣ ни сроднику , ни дѣду ,
Когда прошивна вамъ неправа , злоба , лешъ ,
И въ сердцѣ парспивуетъ правдивость , совѣсшь ,
чешъ ;

Премѣна зла въ добро явишси дѣло чудно ,
И за попрекъ хвалу вамъ заслужиши непрудно .
А вы, чшо хвалишесь заслугами опщень ,
Опшюдь опеческихъ доспоиниспвъ не имѣвъ ,
Не мнише о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,
Ни злосии не спрашусь, ни шребую добра:
Не ради васъ пою, для правды, для ПЕТРА.

Пяшъ крапъ прошивъ меня, онъ сказываль,
возспала ,
И царспивовашъ сеспра чрезъ кровь мою искала.
Измѣна съ злобою на жизнь мою сложась ,
Въ завѣсу свяшоспи пришворной обвилась ,
Противниковъ добру крѣпила злы совѣшны ,
На сродниковъ моихъ и на меня навѣшны.
Передъ кончиною мой спаршій братъ признавъ,
Чшо средній въ силахъ слабъ и виупренне не-
здравъ .
Способносшь предпочель еспешивенному праву,
И мнѣ препоручилъ Россійскую державу.
Сеспра подъ образомъ , чшобъ братъ былъ за-
щищень ,
И купно на пресполъ со мною посаждень ,
Въ немъ слабосшь, а во мнѣ дни дѣпски прези-
рала ,
И руку хищную къ державѣ просширада.
Но прежде пришворясь, сосшавила совѣштъ,
Къ кошорому боярь и всѣ чины зовешъ ,
И церкви швердаго сполла Іоакима ;

Софія видя ихъ прошивъ себя упорсшво,
 Склонила замысловъ къ иной спезѣ проворсшво.
 Въ надеждѣ достигнушь своихъ желаній змыхъ,
 Совѣшъ дала вѣнчашъ на царсшво обомхъ.
 Однако Пашріархъ опшюдь не колебался,
 И сими опъ того словами опказался:
 „Опасно въ общесшвѣ многоначальсшву бышъ,
 „И Богъ мнѣ не велѣлъ того благословишъ.,,
 И, шакъ восплавъ опъ ней съ свяшшшелыми оп-
 ходишъ.
 Софію спрасшъ владѣшъ въ безчусшвенность
 приводишъ.
 Дѣляшъ на скопищахъ Москву буншовщики,
 Гошовая шокъ пролишъ кровавыя рѣки.
 Предходишъ бѣшенсшво и наглосшъ и буянсшво,
 И ѣдка ненависшъ, и вождъ раздоровъ пьянсшво,
 Обсѣли улицы, шорги и вороша,
 На разхищеніе разписаны мѣста.
 Безъ сна былъ злобной скопъ, не зашворя ока,
 Лишь спишъ незадобіе, не зная близко рока.

Опхрылся шайный ковъ, когда исчезла шѣнь;
 Багровая заря кровавыи вводишъ день.
 Наружъ выходишъ, чшо умыслила Софія,
 И чшо совѣшники ея велѣли змыа.
 Уже измѣнники спрѣльцы сбѣжались въ спрой,
 И Милославскаго орудіе Толсшой,
 Толсшой въ буншующихъ шеренгахъ разѣзжаешъ,
 И дерзскихъ ложными словами поощряешъ.
 Кричишъ, чшо Іоаннъ младый Царъ удушень,

Нарышкиными, ахъ! шоль горько умерщвленъ.
Тогда свирѣпшувя жестокіе ширанны,
Ударилъ вездѣ въ набатъ и въ барабаны.
Свѣшило вѣшнихъ дней оспавя высошу,
Девятого часа скрывало красосу.
Внезапно въ ужасъ Москва зришь изумленна
Оружіе на Кремль спѣшаще и знамена.
Коляса тяжкія подѣ пушками скрипаятъ,
Глаза ошчаянныхъ кровавые горятъ.
Лишь дому царскаго, чшо должны чшишь, до-
сшигли,
Какъ звѣри дикіе рыканіе воздвигли :
„Намешъ спѣшише намъ Нарышкиныхъ опдашь,
„Или мы спанемъ всѣхъ бишь, грабишь и шерзашъ,,
Бояре спаршіе Машвѣвъ, Долгорукой,
Представъ, давали въ шомъ спрѣльцамъ себя по-
рукой,
Чшо всѣ волнуяшся напрасно обуяъ ;
Чшо Іоаннъ съ Пешромъ безъ поврежденъ
здравъ ,
И шолько лишъ о семъ смущеніи печалень.
Симъ словомъ дерзкій бунтъ былъ нѣсколько
умалень ;
Всѣ ждали, чшобы имъ младыхъ Царей узрѣшь,
И въ дома возвращаясь, спокойшвіе имѣшь.
Увидѣвъ изъ своихъ черпоговъ шо Софія ,
Чшо пресѣкающся ея коварспива злыя ,
Подгнѣшу буйноспи велѣла дашь вина;
Чшобы снова возпылавъ, горѣла внушрь война.

Тутъ вскорѣ разъярися спръльцы, какъ звѣри
дики,

Возобновили шумъ убійственной музыки,
Подобно какъ бы всю Москву сѣдалъ пожаръ.

Царица машъ моя прошеніемъ бояръ

Для ушоленія всеобщія напасши

Презрѣвъ шоль близкой рокъ, презрѣвъ горящи
спраспи,

Выводишъ насъ съ собой на красное крыльцо.

Опасносшь, слезы, гнѣвъ покрывъ ея лицо;

И брашна и меня злодѣямъ показала,

И чщобъ спокоились, со власнью увѣщала.

Толпами наглые на верхъ взбѣгали къ намъ,

И мыль шо? кликали обѣхъ по именамъ.

Обличены въ конецъ и правдой и присущствомъ,

Хошашъ осшавишъ злосшь неправедну съ без-
спудствомъ,

И часшь буншующихъ въ обрашной бьютъ по-
ходъ.

Царевна усмотрѣвъ, что шихнешъ злобный родъ,

Коварштво новое въ погибель сосшавляешъ,

И искры яркія въ сердца спръльцамъ всыпаешъ,

Сказавъ имъ собшвенну опасносшь и боязнъ,

Что завшре люшная самихъ постшигнешъ казнъ,

И шѣ имъ опомсшашъ, что нынѣ въ оныхъ воля:

Пропущенны часы не вѣзвращашся боля.

Какъ на поляхъ пожаръ въ началѣ ушущенъ,

Но вдругъ дыханіемъ изъ пепла оживленъ,

Сухой шросшникъ, шраву въ дни лѣшши под-
даешъ,

И пламень слабыя преняшсхва превышаетъ ;
Подобно пакъ спрѣльцы спрахъ съ люшосшю
смѣшавъ,

И поощреніемъ злодѣйскимъ возпылавъ ,
Въ чершогѣ Царскіе насильно успремились,
Убійсшвомъ, наглосшю неисшво вломились.
Царица машъ моя среди шакаго зла,
Среди опчаянья едва спасшися могла,
Гдѣ праощевъ прешолъ въ палашу грановишу,
Ко свяшосши его и къ Вышнему въ зашшшу.
Въ черпотахъ жалкой спонъ, перзанье и грабежъ
И раздаешся крикъ: колѣ, руби и рѣжъ.
Одни Софінны покои лишь свободны
И двери варварамъ буншующимъ невходны.
Для убіенія не нушенъ былъ въ нихъ искъ :
На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ.
Внезапно большій шумъ сердца въ насъ ушѣ-
сняешъ:

Въ злодѣйшвенныхъ рукахъ Нарышкинъ возры-
даешъ.

Не могъ его закрышъ и жершвенникъ свящій.
Лешшъ на копія повержень съ вышосы.
Текущу видя кровь, рыкающъ: любо, любо!
Пронзеннаго поднявъ, сіе гласшъ сугубо.
Сего невинный духъ предшета къ небесамъ
Оспавиль плѣнну частъ неисшовымъ врагамъ.
Немедленно мечи сверкающъ обнажены ,
И раздробляющъ шрепещущіе члены!
Царицей посланныхъ къ спрѣльцамъ увѣщевашъ,
Чшобъ кровь сію пролихъ, прешали буншовашъ,

Волнуешься во мнѣ о томъ со гнѣвомъ спрахъ ,
Какъ рождающая меня держа въ своихъ рукахъ ,
Мой верхъ и грудь свою слезами обмывала ,
Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;
Когда безчувственной въ продрозоспи злодѣй
Горшани копьемъ касаяся моей,
Ревѣлъ: скажи, гдѣ брата, или себя и сына
Поспигнешь въ мигъ одинъ послѣдняя година.
О промыслъ! въ оной часъ ты чудо сотворилъ;
Злодѣйску руку прочь злодѣйской отвратилъ ,
Изъ жаждущихъ моей гибели сыскался,
Ктобъ о моемъ тогдажъ спасеніи спарался.

Въ то время съ Федоромъ и Маршемьяномъ
Левъ

По селамъ спранспивуя , скрывались межъ деревъ.
Вообразивъ своихъ невинну спрашивъ, рыдали,
И преступенную смерть всечасно представляли.
Тогда почтенный мужъ при спароспи Кирилъ
Послѣдній дѣдъ мой дни въ затворахъ пѣсныхъ
крылъ,
Другихъ, не своего перзанія боялся,
Чтобъ крови шокъ сыновъ предъ нимъ не про-
ливался.

Въ опчальнѣ, въ шокѣ, въ спшенаніи , безъ
сна,

Подобна смерти ночь тогда проведена.
Спрегущихъ звѣрской взоръ и осажденныхъ блѣд-
носпъ .

Изображали здругъ насиліе и бѣдность,
Злодѣйской вольностью пламенная Москва
Казадась въ пропасти погребена жива.
Какъ неусыпной червь шоска всѣмъ грызла груди,
Но съ свѣтомъ больше скорбь почувствовали
люди.

Вездѣ презрогу бьютъ. Мяшежнической крикъ
Наполнивъ слезный градъ, до облаковъ доспигъ.
Рыканья авѣрскія неистово возносящъ,
Нарышкина на смерть, ярься, Ивана просящъ.
Грозящъ, что скоро всѣхъ поспигнешъ спрогій
рокъ,

Прольется по Москвѣ и слезъ и крови шокъ,
Но не дошла еще нещаснаго година,
Еще на день его шоску оставила судьбина.
По граду изъ Кремля разсыпался мяшежъ:
Въ рядахъ, въ домахъ, въ церквяхъ насильство
и грабежъ.

Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась,
И къ расхищенію богатства успремилась.
Презрѣніе святымъ, позоръ почтенныхъ лицъ,
Укоры знашихъ женъ, ругательства дѣвицъ
Лишеніе всего богатства превышали:
Въ сердцахъ правдивыхъ стыдъ превсходитъ
всѣ печали,

Коль вѣчера сего благословенъ былъ мракъ,
Что буйство прекращалъ и скрылъ злодѣвъ
зракъ!
Уже опягощаясь весь день пиньемъ излившимъ,

И изъ нещасливыхъ домовъ богашствомъ хищ-
нымъ,
Шапаюшся, спѣшащъ своихъ достигнухъ норъ.
Градски враща блюдещъ ихъ спража и запоръ.

Царевна усмошрѣвъ, что время прошекаешъ,
А умысль ея конца не достигаешъ,
Спрѣльцамъ назавшрѣ велѣла присшупашъ,
И наглосхъ съ ковомъ злымъ начавъ соединашъ,
Къ Царицѣ шлешъ большихъ бояръ для уговору,
Чшобъ браша и опца спрѣльцамъ дада безъ спору.

Уже чиняшъ присшупъ ко красному крыльцу:
„Безъ выдачи не бышъ смятенія концу.
Для уваженія въ совѣщъ словъ боярскихъ
Предсшавила особъ опасносхъ Государскихъ.
Нарочно яко бы для ушоленья зла
Сама родившія меня въ чершого пришла.
„Для собшвенной швоей и для дѣшей избавы
„Свирѣны укроши спрѣльцовъ, сказала, нравы,
„Спаси себя и ихъ, опасносхъ опшложи,
„И браца и опца для миру покажи.
„Здѣсь домъ Спасишелевъ, защища есшъ велика:
„Кшо омѣешъ ихъ опняшъ опъ Божескаго лика?
Послѣдую судьбѣ и лѣшннвымъ шоль словамъ,
Изъ пошпаенныхъ мѣшъ Нарышкинъ входитъ въ
храмъ.
Въ слезахъ свящый алшаръ цѣлуешъ и объемлешъ,
И службѣ Божіей усерднымъ духомъ внемлешъ,
Гопшвишся приняшъ спрадашческій конецъ.

„Невинность, говорить, разсудить самъ Творецъ.
Тутъ руки машь моя Царевнины лобзая,
Для бранней пагубы всечасно обмирая,
Рыданіемъ свою перерывала рѣчь :
Изякнувъ не могли ужъ слезы больше печь.
„Для опшеской къ шебѣ, супружной мнѣ любви
„Не проливай еще моей невинной крови.
„Представъ, что сей по мнѣ и Алексѣю братья,
„И дядя и опецъ его оспавшихъ чада.,,
Софія слѣдовашъ велѣла за собою
Нарышкину къ спрѣльцамъ, поднявъ его рукою
Съ прищворной жалостью. Царица опъ шоски
Держалася другой Ивановой руки.
Какъ вошки хищные на агнца наскотили,
Спрѣльцы невиннаго внезапно ухватили,
Презрѣвъ Царицныхъ и власъ и свящосъ рукъ,
Безчестно за власы влекутъ на горесъ мукъ.
Межъ шѣмъ сеспра себя предъ чернью извиняла;
Что братьевъ кровью сей опъ смерти избавляла.
Царица внѣ себя не зная, что опецъ
Въ опсушспвіе ея неволей спалъ чернецъ,
Полуумершимъ въ слѣдъ на брата смошришъ
взоромъ ,
Терпящаго шоль зло мученіе съ позоромъ.
Нещаснаго на шоргъ злодѣи привлекли ,
И ложны клеветы, оспавя спмдѣ, взвели,
Что будшо по своей опъ безразсудной спрасши
Монаршеской искалъ продерзосцію власши.
Безъ доказашелей по шомъ его шерзавъ,

На конья подняли, и кинули спремглавъ,
 Опсѣкли варварски и руки и главу.
 По злощии слышатъ всѣ въ народѣ ужъ молву.
 Тамъ вѣрные рабы пресшупникамъ грозилъ:
 „Вы горьку казнъ себѣ измѣной заслужили.
 „Васъ мстишельный пожрешъ неукосненно метъ,
 „И крови какъ водѣ досшойно вашей шечь.
 „Начала шолько ждемъ: велика вся Россія,
 „Ишпоргнешъ корень вашъ за возмущенья змля.,,
 Спрѣльцы хошя рабамъ сулили данъ свободу,
 И крѣпости подравъ, сказали шо народу:
 Однако никакъ не слѣдовалъ успѣхъ.
 Уже уразумѣвъ, что шрудно вшашъ на всѣхъ,
 Свирѣлости праздникомъ всеобщимъ окончали:
 На царство браша вдругъ со мною увѣнчали.
 Софія воздала пресшупнымъ мзду и честь,
 И граматны Москвой на змхъ главахъ пронесшъ
 Велѣла въ шоржешивъ, чшобъ скрышъ свои запѣи:
 Безвинные звались по смерти ихъ злодѣи.
 Побитыхъ имена чшпались на шолпахъ
 И вѣрнымъ опшесшву въ сердца вливали шрахъ,

Едва сей бурный вихрь несчастьемъ укро-
 шился

И я въ спокойшвіи къ наукамъ обратился,
 Искалъ, гдѣ знанія сіяешъ ясной лучъ,
 Другая мнѣ гроза и мракъ сгущенныхъ шущъ
 Опъ суевѣріи и грубости возходишъ,
 И видомъ овяшости сугубой шрахъ наводишъ,

Ты вѣдаешь расколъ, что началъ Аввакумъ
И пусшосвящъ злодѣй его сообщники думъ.
Невѣжесиво почешъ за свяшность спарой вѣры,
Приспалъ ко спрѣльцамъ ханжи и лицемѣры :
Хованской съ сыновми и мой и церкви врагъ
Не успыдился бышь въ совѣщѣ побродягъ.
Здѣсь камни сношены къ спѣнамъ на Капионовъ,
Тамъ камни бросаны прошивъ свяшныхъ законовъ.
О церковь ! о свяшныя исполненный оларь !
О какъ дерзнула къ вамъ коснувшись злобна шварь !
Не можно ихъ почешъ въ сообщесшвѣ словесныхъ,
Что смысла и совѣсны ихъ и чешъ въ предѣ-
лахъ шѣсныхъ.

Приносишь службы долгъ мужъ свяшъ
Іоакимъ ,

Мятежники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ
Къ лицу свяшншеля для вреднаго раздора ,
Скрывая крамолу подъ именемъ собора.
Когда онъ дерзосши ихъ крошкю ошвращаль,
И мирной разговоръ о вѣрѣ обѣщаль,
Ты волкъ , шмъ хищникъ злой , безшпыдно съ
шумомъ лаюшь,
И каменъемъ въ него и въ клиръ его бросаютъ.
Онъ наглыхъ Паптріархъ шогда ерешниковъ
Къ монархамъ принужденъ склоняшся былъ въ
покровъ.

П Ъ С Н Ъ В Т О Р А Я.

С О К Р А Щ Е Н І Е.

Отъ Бѣлаго моря путешествуя ПѢТРЪ Великій къ Шлиссельбургу чрезъ Олоонецъ, осматриваетъ горы, и примѣтивъ признаки рудъ и цѣлительныхъ водъ, намѣревается основать заводы, чѣобы въ близости производить металлы для новыхъ войскъ и для флота. Неспройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужные къ предпріемлемому строенію новаго и великаго города и корабельной пристани на Балтійскомъ морѣ, подаетъ ему мысль соединить Волховъ съ Невою впредь великимъ каналомъ. Между тѣмъ Шлиссельбургская крѣпость уже въ осадѣ окружена новыми его войсками, и огнеспрѣльными орудіями приведена въ крайнее утѣсненіе. Присылаютъ изъ города просить о выпускѣ женскаго пола; на что отказано: Россійское де войско не за тѣмъ городъ обступило, чѣобы женъ разлучить съ мужьями. Между тѣмъ по учиненному пригошовленію данъ знакъ къ приступу. Мужественному и силь-

ному нападенію непріятель прошившся весьма упорно. Государь увидѣвъ, что у приступающихъ къ городу лѣсвицы коропки, и Шведы обороняясь храбро, причиняють немалой вредъ Россіянамъ, послалъ съ указомъ отступити назадъ, чтобы послѣ съ новыми лѣсвицами наступленіе учинить благополучнѣе. Посланному главной предводителю на приступъ Князь Голицынъ отвѣтствовалъ, что уже большая трудность преодоленна, и естли снова приступъ начинать; то больше людей поперять должно. Послѣ того вскорѣ чиненымъ разорваннымъ бревномъ сброшенъ съ приступной лѣсвицы, упалъ замертво на землю. Между тѣмъ почши безъ предводительства Россіане на городъ стали всходить, и Шведы спасенія опчаясь, подають знакъ къ сдачѣ. По вступленіи оныхъ выпущены изъ города по договору шреля учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, попомки тѣхъ Героевъ,
Что слѣдуя ПЕТРУ по жажѣ многихъ боевъ,
Торжественные въ вѣкъ приобрѣли вѣнды,
Отечество въ земли прославили концы !
Я вашимъ мужествомъ въ шрудѣ семъ ободряюсь,

И сердцемъ и умомъ межъ вами обращаюсь.
 Воюйше щасливо, сравнише честь свою
 Со предковъ похвалою, которую пою.
 Военныя подвиги ПЕТРОВЫ начинаю,
 Въ опцахъ и въ дѣдахъ вамъ примѣры представляю.
 Неуспрашимоси ихъ изобразити мой гласъ,
 Что чувсвуете вы наслѣдственную въ васъ.
 Спущая мужески въ похвальныя ихъ слѣды,
 Моноархинъ своей приносите побѣды,
 Гдѣ вашъ оружный звукъ возходитъ до небесъ,
 И по пушамъ вездѣ расцвѣтъ лавровой лѣсъ.
 Тамъ Нѣмень съ Преголю, шамъ Висла, Одра,
 Шпрей,

Живое вашихъ дѣлъ мечпаніе имѣя,
 Текутъ съ почтеніемъ, какъ при ПЕТРѢ текли,
 Гдѣ съ препеномъ его вспрѣчали Короли.
 И рѣки и поля вамъ къ вѣчной славы двери
 Отверзли, чувсвуя его въ великой Дщери.
 Прощившия спраны геройствомъ и шрудомъ
 Вы въ собсвенной себѣ преобрашили домъ.
 И солнце къ намъ спѣша въ обратной колѣсницѣ,
 Готовишь новой блескъ Россійской багряницѣ:
 Чшобъ нашей радостью украсишь новый годъ,
 Вшорично угостишь успѣхами походъ.
 Дыханья ижныя рожденныя весною
 Повѣютъ, бодрому споспѣшествуя спрою;
 Прохладная роса опъ благовонныхъ шравъ
 Къ ошрадѣ вамъ прольетъ обиліе забавъ.
 Богатше плоды въ дни лѣшніе пожнише,

Монархинѣ своей споричны принесите.
Зависпникамъ своимъ не оспавляйте зернѣ ;
Оспавыше плевы имъ, сухой простыникъ и шернѣ:
Чшобъ чувствую въ груди явленіе ихъ злоба
Несносиѣ почла зашворотъ, мрачныхъ гроба;
Чшобъ гордостью своей наказанный Берлинъ
Для безпокойства царствѣ не умышлялъ причинѣ,
И помнилъ бы, что ПЕТРЪ ему былъ оборона ,
Его десницею удержана корона ,
Чѣмъ нынѣ красился среди земныхъ Владыкъ :
Великимъ онъ ПЕТРОМЪ на свѣтѣ спалъ великъ.
Всѣхъ нынѣ дѣлъ его имѣетъ Дщерь наслѣдство.
Пусть Карловыхъ онъ дней себѣ предсхавишь
бѣдство.

О коль бы, въ жизни я благополученъ былъ,
Когда бы дѣйствіе усердныхъ вашихъ силъ
Изобразивъ въ водахъ прокладной Ипокрены,
Воспѣлъ съ подвижники Пешровыми сравненны,
Елисаветиннымъ пѣвцемъ бы спалъ побѣдъ :
Но нынѣ шрудъ Пешровъ къ себѣ мой духъ
влечетъ.

Гдѣ Ладога въ Нею вливаетъ быстры воды,
Спѣною огражденъ шумъ ошровъ въ дрезни годы.
Россійска сей оплотъ поставила рука ,
Съ негодованіемъ шумѣла вокругъ рѣка ,
Что проливалась въ чужую власнѣ насильно ;
Спасенна нынѣ къ намъ несетъ дары обильно.
Во влагѣ начерталъ Пешрова града видъ ,
Что красить Дщерь его, покойнѣ и живишѣ.

Блаженныя спруки брегъ шукомъ напалюшъ,
 Прохладной влагой всю окрестность ободряюшъ,
 Защищникамъ своимъ похвальной внемлюшъ
 спихъ,
 Всю пыгосшь позабывъ опроверженныхъ веригъ.

Въ несчастъ нѣкогда Россія упомянута
 Вечернихъ сихъ береговъ крушилася лишенная,
 Какъ Готтескіе полки для помощи пришедъ,
 Въ прошивинось нанесли спранамъ Россійскимъ
 вредъ,
 Какъ пыгосшь силъ своихъ Москву повергла къ
 низу,
 Дряхля, сѣшуя, одѣлась въ мрачну ризу,
 Лишенная красоты Монаршаго вѣнца,
 Злощасью своему не видѣла конца.
 Измѣна, зависть, злосшь, раздоръ, брашоуби-
 сство,
 Преображали все въ погибель, въ кровопивство,
 Исчезло истинныхъ раченіе похвалъ,
 Вездѣ свирѣпый рокъ опечетство перзалъ;
 Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,
 Смошри на праощевъ, на славу Россовъ дрез-
 носшь,
 Пресѣкла наконецъ побѣдою напасшь,
 И обществомъ дана Пешрову дѣду власшь.
 Младый Монархъ во градъ поверженный прихо-
 дишь,
 И на развалины плачевный взоръ возводишь.
 Ошрада Россовъ всѣхъ по скорби Михайлаъ,

Часть II.

16

О какъ крушился пы, рыдалъ и слезы лилъ!
Что мыслилъ пы, сплупивъ на вьсошу пресшюла
Сшоящаго среди плачевнаго вьсьмъ дола?
Тамъ храмовъ Божіихъ спаринный шрудъ верхи
По спюгнамъ и по рвамъ повергнули враги.
Еще возходитъ дымъ ошъ хищнаго пожара,
И воздухъ огусплълъ ошъ побіенныхъ нара,
На шоржницахъ пусшыхъ поросъ колючей пернь,
Печальной Кремль споншъ окровавленъ и чернь.
Чершюги Царскіе, церковныя свяшшны
Подобно съшуютъ, какъ скучныя пусшны.
О горешъ! но швоя великая душа
Въ геройской младосши упшшшшъ насъ спшша,
Присупшшвомъ и шрудомъ печальныхъ обод-
ряешъ,
Опечешво изъ безднъ глубокихъ воздвигаетъ.
Къ пріумноженію благословенныхъ дней
Наслдовалъ штебъ подобный Алексй.
Онъ Россамъ возвращилъ спаринное наслдство,
Злодвезъ изшребилъ и усмирилъ сосдство.
Обрашно пріобршшъ вечернія спраны,
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Оршовецъ спшсняешся въ осаду,
И въ каменной кршпясь прошивишся громаду,
Російскимъ воинспвомъ опшсюду окруженъ:
Но Готешкой гордосшью въ надеждъ вознесенъ,
На бреги, на валы, на множешво зриаетъ,
И видя новыя полки, пренебрегаетъ.

Къ пособству привыкашь спараешься съ границъ,
Поспавить знамена на высотѣ снѣгальницъ.
Тогда Кексгольмская уразумѣвъ Корѣла,
Къ осаднымъ на судахъ припши не укоснѣла.
Прибывшимъ воинствомъ прошивникъ подкрѣп-
лень,
И пищей и ружьемъ избыточно снабдѣнь,
Всѣ мысли устремилъ къ жестокому опшору,
Надѣясь получишь отъ Карла помощь скору.

Монархъ нашъ прехода Онѣжскихъ кру-
шоснѣ горъ,
Свой проницашельной кругомъ возводѣшь взоръ,
И видя, что изъ нихъ изшедшіе попоки
Несутъ изъ крупизны мешаллически соки,
Богашства, здравія, являющися ключи,
Блещиашъ изъ мрачныхъ мѣснѣ сокровищей лучи,
Сказалъ,, пы можешь мнѣ произвеспи, Россія,
,,Цѣлебны влажноти и жилы золошныя.
,,Но нынѣ для швоей безсмершной похвалы
,,Спѣшу прошивъ враговъ чрезъ горы и валы.
,,Желѣзо мнѣ пролей, разженной шоки мѣди:
,,Пуснѣ мочь швою и жаръ почувсшвуютъ сосѣди,
,,И вспомянѣшь, сколько намъ произвели обидѣ.,,
Надеждой, ревнотшью блисшаль Геройской видѣ.

Принесши плодъ земля, лишилась лѣшней
ябги,
Разносяшъ блѣдной лиснѣ бурливыхъ вѣтровъ
бѣги,
•

Лепились съ крушыхъ верховъ на Ладугу Борей,
Дожди и снѣгъ и градъ прясешь съ сѣдыхъ худрей,
Наводишь на воду глубокиа морщины ,
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
Смушившись пятюсью его замерзлыхъ крыль,
Крушился и кипишь съ водой на берегъ иль.
Волнами свержены встрѣчаютъ гору волны
И скачутъ вкругъ нея печальныхъ знаковъ полны.
Между запасами колеблется шамъ дубъ,
Между снарядами пловцевъ Россійскихъ спрутъ,
Тамъ кормы, dna судовъ разсыпаны, разбины.
Монархъ узрѣвъ въ пуши , коль зlobень рокъ
несыпый ,
Вздохнулъ изъ глубины, и буръ запрещалъ,
И въ сердцѣ положилъ великій шрудъ Каналь ,
Дабы Россійскою могущею рукою
Пошоки Волхова соединишь съ Невоемъ.

О рѣки близкія, но прежде раздѣленны!
 Лихуйше щцаніемъ Пешровымъ сопряженны!
 Спруями по шомуъ играючи песку,
 Забудьше древнюю другъ о другъ шоску;
 Вливайше вы себѣ взаимную ошраду,
 Благодаря, плоды хъ его несите граду.

На свой, ты Волховъ, рокъ негодовала въ пуши,
Что не въ Неву шебъ, но въ Ладогу ищи
Судьбой послано, и бурями перзашься,
И силъ потерявъ, едва въ нее вливаясь.
Коль часто мы вздыхали, чтобы вкупѣ заливашь

Спрун и въ морѣ вдругъ шеченіе скончашъ.
Ты выще береговъ, смущаясь, поднимался,
То подъ землей смскашъ ходъ шайной покушался.
Вездѣ прошивъ любви посшавленъ бмашъ оплошъ:
Не могъ ты одолѣшъ ни хлябей, ни высошъ,
Пока Великій Пеширъ презрѣвъ упругосшъ рока,
Тебѣ далъ пушъ, и намъ довольсшво ошъ вѣзшока.

Онъ окомъ и умомъ въ округъ мѣсна обшедъ,
Избранные полки къ Орѣховцу ведешъ.
Живошворящему его прихода слуху
Ошъ Ладоги въ Неву флошъ сѣдущешъ по суху.
Могущихъ Росскихъ рукъ не воспшщаешъ лѣсъ:
Примѣръ изображенъ пушъ Ольговыхъ чудесъ.
Предъ Цареградскими высокими спѣнами
Онъ по полю въ ладяхъ спремился парусами.
Здѣсь вмѣсно вѣшра былъ усердный нашихъ духъ
И вмѣсно парусовъ спряженны силы вдругъ.
Уже суда ходя по собсшвенной спшихи,
На Шведской брегъ везущъ зацшщниковъ Россіи:
Тамъ тысяща мужей преправясь чрезъ Неву,
Надежду подающъ къ побѣдамъ, къ шоржешиву.
На ровъ, на валъ бѣгутъ врагами укрѣпленны.
Дающъ Шведы въ бѣгъ ошъ Россовъ успрашенны,
И Шеремешевъ спшавъ на ономъ берегу,
Ошвсюду заперъ пушъ къ спасенію врагу.
Уже къ начальнику подъ крѣпосшъ посылаешъ,
Свободной выходъ всѣмъ безъ бою обѣщаешъ;

Чшо имъ прошивъ Пептра не можно будетъ
спасать,

Напрасно кровь хоплять опивсюду проливатьъ,
И сдача города не будетъ имъ зазорна.
Но Гошемъ, помощи надѣяся опъ Горна,
Сказали, опъ него приказа къ сдачѣ ждуть.
На лживой ихъ опвѣсть громады вдругъ ревуть,
Пылають всѣхъ сердца присуществіемъ разженимъ
Опъ силъ ихъ пошряслись упорства полны спѣны,
Обширность воздуха куренію шѣсна,
И влажная огнемъ покрыша бысприна.
Горшани мѣдныя рыгають жаръ свирѣпый,
Пылая зеліе, желѣзны рвешъ заклепы.
Представъ себѣ въ примѣръ стихій ужасный споръ,
Какъ внутренность кипитъ возпламененныхъ
горъ,

Дымъ, пепелъ и смола полднєвну яность кроютьъ,
И выше облаковъ разжени холмы воютьъ,
Трепещъ расфѣдшися во облачной водѣ,
Сугубящъ громъ и страхъ сражаясь въ высотѣ,
Грознѣ какъ въ земномъ ярились прежде чревѣ.
Въ такомъ шрясеніи, во пламени и ревѣ
Стояшъ, опчаявшися прошиву Росса Шведъ,
Въ ничто вмѣняють кровь и презирають вредъ.
Однако въ пагубѣ, въ смяшеніи великомъ,
Подвигнушъ женскимъ былъ рыданіемъ и крикомъ,
Разшрепанны власы и мертвостъ блѣдныхъ лицъ,
И со младенцами повергшіяся ницъ
Мужей къ смяченію Россіанъ преклоняютьъ.

Уже изъ крѣпости съ мольбою присылають:
„Избавьте отъ спрасшей, отъ бѣдства слабыхъ
женъ,
„И духъ вашъ на мушкетъ пусть будетъ изощренъ,
„Изъ нужной шѣсношм дозволяете имъ свободу,
„Являйте мужество крѣпчайшему ихъ роду.,,
Отъ предводителея осады данъ отповѣтъ,
Что пользъ свирѣпаго у Россовъ нраву нѣтъ,
Между супругами не учиняетъ разлуки;
Вы вмѣстѣ выспунивъ изъ спѣнъ, избавитесь муки.
Съ опшказомъ зашумѣлъ изъ жаркихъ плучей градъ,
Перуцы Россіе и блещутъ и разятъ.
Напрасно изъ дали прошивны подѣзжаютъ
Осадныхъ выручать: ни въ чемъ не успѣваютъ.
Готовились вездѣ кровопролитной бой,
И оспровъ близъ враговъ подъ нашей спалъ
пяшой.

Пріемлетъ хѣсшвицы охотная дружина:
Передъ очами ихъ побѣда и кончина.
Инымъ лепутей мостъ къ теченію готовъ,
Иные знака ждуть межъ Ладожскихъ валовъ.
Дивящся изъ дали въ спѣнахъ градскихъ пожару,
Призывнаго на брань не слышавши удару.

Какъ шуча грозная вися надъ головой,
Надуша пламенемъ сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва сдерживаешь силу,
Отъемлетъ, почернѣвъ, пущъ дневному свѣспилу,
Внезапно разродясь, списняетъ громомъ слухъ,

И воздухъ двигаясь въ груди спѣсняетъ духъ ;
Сугубяишь домы звукъ и пропасти глубоки ,
И дождь и градъ шумишь , и съ горъ ревушь
ношоки.

Земля, вода, лѣса поколебались шакъ ,
Когда изъ многихъ вдругъ жерлъ мѣдныхъ по-
данъ знакъ ,

И Ладога на днѣ во глубинахъ завывла.
Споищая на ней самонзвольна сила
Удара и часа урочнаго дождавъ ,
Спѣшишь на подвигъ свой , на положенье главъ ;
Имъ къ разнымъ пушъ смершнямъ печеніе пре-
красно.

Предспавъ себѣ, мой духъ, позорище ужасно !
Ошъ весель шумъ и скрипъ , свиссъ ядръ и
махишь ревь

Гласяишь Пешровъ и Божій гнѣвъ.
Они упрямспомъ злымъ еще ожеспоченымъ
Покрывъ смершельными орудіями спѣны ,
Судьбину сляпша на время опиврашишь
И смершью Росскою свою смерць облегчишь.
Какъ верхи сильныя спѣсненныя грозою
Полки Російскіе сперлися предъ спѣною.
Къ приспуну Карповъ вождь Преображенскихъ
силъ

Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смершъ
вкусиль.

Свинцомъ лежишь прокзень сквозь чрево и сквозь
руку.

Бьючись далъ знашь съ душой и съ храбросшью
разлуку.

Сквозь дымъ , кровавыхъ сквозь сверканіе
мечей
Вперяетъ бодрыхъ Пётръ вниманіе очей,
И лѣсвицъ крапкоснѣ зришь поставленныхъ
хъ возходу
Въ приснувъ своему губишельну народу:
Не могутъ храбрые спѣтъ верху досягнувъ ,
И щещно вѣрную противнымъ спавяшъ грудь,
Спремася опшрашишъ раженіе ихъ вспрѣчно.
О коль велико въ немъ движеніе сердечно !
Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и жаль
И для погибели удамыхъ главъ печаль !
Зря въ воинспѣвъ своемъ упадокъ безполезный,
Къ споящимъ близъ себя возвелъ зѣницы слезны:
„Что всуе добрыхъ нѣтъ, сказала, сыновъ губишь ?
„Голицыну спѣша, велише опшсупишъ.
Примѣромъ показалъ Монархъ нашъ, что Герои
Не радостию чѣшутъ кровопролитны бои;
И славныхъ надъ врагомъ прибышочныхъ побѣдъ
Покрытый шрупами всегда прискорбенъ слѣдъ.

Межъ шѣмъ подвижники другъ друга поощ-
ряютъ,
И лѣсвицъ мужеспвомъ коропшоснѣ допол-
няютъ.
Голицынъ пламенемъ опшсуюду окружень,
Сказалъ: „мы скоро шрудъ увидимъ совершень ;
„Черезъ опшсупленіе опъ крѣпости обратню
„Въ другой еще приснувъ погибнетъ войскъ
двукрашно..

„И есѣли Государь желаетъ городъ взяти ;
„Позволилъ бы намъ бой начашый окончатъ.,,
Съ опивѣшомъ на спѣну предъ всѣми поспѣшаетъ,
Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ :
„Безчестенъ въ свѣтѣ вамъ и смертенъ здѣсь
возвратъ ;
„Преславно шоржесиво , конецъ вашъ будеть
святъ ;
„Дерзайше мужесивомъ опечесиво прославишь,
„Монарха своего побѣдою поздравить.,,
На копья, на мечи, на яросиѣ сопоспашъ ,
На очевидну смерть Россіане лешашъ.
Противники огнемъ разашъ и влажнымъ варомъ,
Желѣзомъ, камнями, всѣхъ шягосшей ударомъ.
На предводишеля поверженно бревно
Свирѣлымъ зеліемъ упало разжено.
Онъ сринувъ поблѣднѣлъ межъ шрупами без-
душныхъ,
И шомнымъ окомъ зришь оружниковъ послуш-
ныхъ ;
Еще спараешся дашъ къ швердосни приказъ,
Еще пресѣченной болѣзню нудишь гласъ.
Ревнишели его и слову и примѣру,
Держа въ умѣ Царя, опечесиво и вѣру,
Какъ волны на крушой шѣсняшся дружно брегъ,
Всплещенный крушизной возобновляють бѣгъ,
До прежней вышины опъ низу вспавъ яришся ,
И скачущихъ верхи кудрявые крутяшся ,
Шаринныхъ корни дрезъ и шяжки камня рвушъ.
Съ обѣихъ спашъ споронъ сомнѣнный рока судъ.

Межъ пѣмъ ревнистымъ сердца къ звѣздамъ возходящъ,
Святаго съ горнихъ мѣстъ Героя въ мысль приводящъ.

Поборникъ Александръ издревль сихъ береговъ
Зрѣть грозно ополченъ надъ ними на враговъ.
Уже высокій всходъ съ землею бытъ мнѣся
равенъ,

И Ярославъ сынъ среди зарей преславенъ,
Являя сродный зракъ Великаго Петра,
Оружіемъ звучишь чистѣйшимъ серебра,
Святою силою прошивныхъ усмрашаешь,
Россіянъ важностію десницы укрѣпляетъ.
Защитишу древнюю опѣ сильного плеча,
Броней, копьѣмъ, щита и шлема и меча
Возпомянувъ, мѣста веселый плескъ воздвигли,
Что избавленія желаннаго доспигли,
Доспигли наконецъ желанныхъ пѣхъ время,
Что паки Александръ для нихъ вооруженъ.

Въ священной дерзости поощрять
воинъ,

По мыслямъ, по дѣламъ безсмертія достойнъ,
Высокъ усердіемъ, надѣждою легокъ,
Черезъ мерзвыя пѣла на свой спускаетъ рокъ.
По крѣпкихъ подвигахъ къ успѣху неудобныхъ
И по волненіяхъ прошивныхъ и способныхъ
Взвивающа на спѣхъ кровавыхъ вышю,
Наводишь на враговъ боязнь и пѣсношу.

Наполнился весь градъ рыданія и плача.

Уже не Нарвская, о Готы, вамъ удача:
Не мѣспничесиво здѣсь и неоплошной Крой,
Не старой брани видъ, не безъ порядка спрой;
Великій правишь Пешръ рожденное имъ войско,
и Шеремешева раченіе Геройско
Опмщенъемъ дышущихъ бодрить напоръ сер-
дечъ.

Увидѣвъ крѣпости въ сраженіи конецъ,
Вы неизбѣжну смершь покорсшвомъ предваряи,
И бѣлой къ сдачѣ знакъ по вѣпру разпусшяи.

Умолкнулъ грозный звукъ со обѣихъ спо-
ронъ;
Лишь слышенъ раненыхъ плачевный вой и спонъ.
Вандалы выпуску съ военной чѣстью просящъ,
И городскихъ ворошъ ключи Пешру прино-
сятъ,
На побѣдишеля въ возшоргѣ взводяшъ взоръ,
И укрѣпляютъ свой о сдачѣ договоръ.
Коль радостная шамъ, коль красная премѣна!
Ужъ вѣюшъ на стѣнахъ Россійскія знамена,
Изображающа, Нева, въ швоихъ спруяхъ.
Тимпановъ мирный шумъ при радостныхъ пру-
бахъ
Забышъ велишъ сердцамаъ минувшихъ шучей
громы;
И Шведы шцашся въ пушъ, въ свои досшиг-
нушъ дома.

Обычай войны изъ древнихъ лѣтъ храняшь,
Чтобъ храбрыхъ почиташъ по сдачѣ сопоспашъ:
Признаки мужества въ рукахъ ихъ оставляють,
И славу шѣмъ своей побѣды уважають.
Побѣдоносецъ нашъ жаръ сердца опложилъ,
И первый крошостью успѣхъ свой посвящилъ:
Снабдилъ прошивниковъ къ опшесивію судами.
Оставивъ спѣну, зряшь прискорбными очами.
Распущенны на вѣпръ знамена, шрубный шумъ
Печальной радостью шѣснятъ ихъ вольной умъ.
На волю имъ пуши прискорбны, спѣвъ проломы,
Что опворили имъ изъ рукъ Россійскихъ громы.
По грознымъ шоль спрашиваемъ и по шакомъ
шрудъ
Начало чувствують предбудущей бѣдѣ.

Въ Ощечесствѣ сказать сей случай поспѣ-
шайше,
И побѣжденны бытъ опъ Россовъ привыкайше.
Скажише вашъ домой почтшпелный возвратъ,
Что выпущены вы проспраншвомъ новыхъ
врагъ,
И Карлу вашему побѣду возвѣстшпше,
Что Пепръ опчечесству и къ славѣ и къ за-
щшшъ
Надъ вами получивъ, наслѣдство возвратшпль,
И ближе къ Швеціи просперъ шумъ орашъ
крыль.
Пускай въ Германіи Герой вашъ успѣваепъ,
Опшвершны города свободно пропшекаепъ,

Въ рожденной щастіемъ кичливости своей
Низводишь съ вышины и возводишь Королей,
Пусть дерзостно спѣшишь какъ буйный вѣпръ
къ возпоку,

И приближаешься къ предписанному року.
Не найдешь Дарія, чѣмъ Александромъ спастъ:
Не спорить межъ собой развращена прежде
рашъ;

Пешрову новому ученію послушны
Россіяне сполна въ полахъ единопшны.
Движеніемъ своихъ величественныхъ силъ
Народу новый духъ и мужество вложишь.
Возпокъ и Океанъ его послушенъ слову:
Карлъ пышностью своей возвысишь чesъ Пеш-
рову.

Разливъ Невскіе на успіяхъ шумяшъ
И печь Россіянамъ во срѣшенъ хопяшъ.
Тамъ Нимфы по брегамъ въ веселіи ликуютъ,
И въ осень Зефиры между древами дуютъ,
Вмѣняя, что лице земное разцвѣло.

Тогда возвелъ Монархъ веселое чело,
Къ начальникамъ своихъ побѣдоносныхъ раш-
ныхъ,
Что видишь въ цѣлоси друзей своихъ обраш-
ныхъ.
Ошрада всѣхъ живишь спокрашно выше
бѣдствъ.
Отвсюду слышанъ гласъ желаній и привѣщанъ:

„Уже намъ, Государь, пѣвонми въ западъ перспы
„Врагѣ для подвиговъ шоржеспивенныхъ ошвер-
зшы,

„И промысль дадь шебѣ земли и моря клють :
„По ихъ обширности разироспирай свой лучъ.
„Намъ сносны всѣ шруды и неужасны смерши,
„Лишь только бы пѣвонхъ враговъ гордыню
сперши,

„Ошечеспву подашь довольство, чесшь, покой,
„И просвѣщшишь народъ, какъ духъ желаетъ
швой,,

Усерднымъ подь рѣчамъ Пешрь радосшно вни-
маешъ ;

Но къ городскимъ спѣнамъ приближась, возм-
хаешъ ,

Смошря на разныя поверженія шѣлъ,
Кому какъ умерешъ предписанъ былъ предѣлъ ;
Прощаешся у нихъ печальными ушами:

„О други вѣрные, я вашими кровями

„И общихъ и своихъ преодолѣлъ враговъ :

„Небесныхъ, радуйшесь, сподобившись вѣнцовъ.

„Примѣромъ съ вышины другимъ по васъ сіяйше

„И мужество въ сердца полкамъ моимъ вли-
вайше.,,

Рыданіе конецъ былъ жалкой рѣчи сей,

И маніемъ дадь знакъ къ сокрышю коспей.

Чрезъ спѣны проходя ошъ древности на-
сѣдны,

Чшо были долго намъ ошъ межусобства вредны,

Онъ окомъ облетѣлъ преодоленный градъ,

Разсмаптриваешь самъ все множество громадь.
Между различными едина изваянна
Великимъ именемъ являешь Иоанна.
Сей бодрый Государь въ Россію первый ввелъ
На браняхъ новый спрахъ земныхъ громовыхъ
спрѣлъ.

Неслыханны предъ шѣмъ и сильныя удары
Почувствовавъ ошъ насъ пропивъ себя Ташары,
Во вѣкъ ошчаялись надъ Россами побѣды.
Скончался съ гордостью Ордынскою Ахметъ.
Сіе спаринное орудіе военно
Въ смущенны времена ошалося плѣненно.
На выгоды свои, на знаки нашихъ бѣды
Смошря съ веселіемъ, тогда гордился Шведъ.
Теперь прошивъ него обратно пущъ пылають,
И вмѣсто радости во брани успрашають.
Коля многи шитоси оружія роковыхъ,
Чшо въ приспупленіи вредили насъ и ихъ,
Лежашъ по улицамъ и бомбъ и ядеръ кучи,
Намечанные шамъ изъ грозной Россовъ пучи,
Межъ цѣлыми число разсѣдшихся громадь,
Чшо выше силъ своихъ на насъ пускали градъ!
Тамъ пошрясенный домъ на домъ другой скло-
нился,

Иной на улицу поверженъ разрушился.
По всходамъ, по спѣнамъ, по кровлямъ угамъ,
прахъ
Показывають видъ, каковъ былъ самой спрахъ.

О смершине, на что вы смершю спѣ-
шите?

Что прежде времени другъ друга вы губите?
Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны пушей?
Вездѣ насъ пѣнешъ рокъ 'насмѣшномъ замкѣ
когшей!

Коль многи вышедши изъ махерней шемницы;
Опходящъ въ шопъ же часъ въ мракъ черныя
гробницы!

Иной усмѣшкою опца повеселилъ,
И очи вдругъ предъ нимъ во вѣки зашворилъ.
Головому вступишь во брачныя черпоги
Пронзаешь сердце смертъ и подсѣкаешь ноги.
Въ срединѣ лучшихъ лѣтъ иной устроишь домъ,
Спокойнымъ говоришь, льщаясь здравъ пребышь
умомъ,

Опнинъ поживу, и наслажусь шрудами;
Но часъ послѣдней былъ, скончался со словами.
Коль многи обшоящъ болѣзни и бѣды,
Копорымъ, человекъ, всегда подвержень имъ!
Кромѣ, что немощи, печали вниушъ шерзающъ,
Извнѣ коль многія напасши окружающъ:
Пошопы, бури, моръ, оправы, вредный гадъ,
Трясеніе земли, свирѣпы звѣри, гладъ,
Паденіе домовъ и жрущіе пожары,
И градъ, и молніи гремящіе удары!
Болоша, ледъ, пески, земля, вода и лѣсъ
Войну съ шобой ведутъ и вышша небесъ.
Еще ли имъ войной, ещель не ушомился,
И самъ прошивъ себя на вѣкъ вооружился?

Часть II.

16

Но оправдалъ себя военнымъ дѣломъ ПЕТРЪ.
Усердъ къ наукамъ былъ, миролюбивъ и щедръ,
Припомъ и метъ просперъ и на моръ и въ полъ.
Сомнишально, чѣмъ онъ, войной иль миромъ болъ.
Другіе чesпи въ храмъ рвались чрезъ шу вcпу-
пишь:

Но ею онъ желалъ Россію просвѣщипшь.
Когда безъ оныя не ввелъ къ намъ просвѣщеній;
Не можешь свѣшь спочипшь безъ сильныхъ вору-
женій.

На успіяхъ Невы его военный звукъ
Сооружалъ сей градъ, воздвигнулъ храмъ наукъ;
И зданій красота, что нмѣмъ возраспаешъ,
Въ оружіи свое начало признаваешъ.

Посмотримъ мысленно на прежніи времена:
Народамъ первенство даешъ вездѣ война.
Науки съ вольностью опъ звѣрства защицаешъ
И храбрыхъ мышцею расшипшь и украшаешъ.
Оружіе дано природою звѣрямъ;
Готовишь хищросшью судьба велѣла намъ.
Народы дикіе не знаючи науки,
Воюють пращами и натягають луки.

Открой мнѣ бышій, о древность, времена;
Ты разность вещей и будныхъ дѣлъ полна.
Тебѣ ихъ бышье извѣстно все единой.
Что приращенію оружіа причиною?
Съ напурой сродна шмъ, а мнѣ напурѣ мамъ:
Въ тебѣ я знанія и въ оной шщусъ искашь.

Уже далече зрю въ куреніи и мракъ

Нагова плѣла видѣ невѣстивенный въ призракѣ,
Просперлась въ облака великая глава
И ударяють въ слухъ прерывныя слова:
Такъ должно древности простой бысть и неясной
Народомъ съ нагошой, съ нещипаніемъ согласной!

Велишь „шмъ зрѣніе по свѣту обведи,
„И по различію мѣстъ вѣки рассуди,
„И мыслями обратишь на новыя народы.
„(Просперла руку въ даль изъ облаковъ чрезъ
воды)

„Тамъ вмѣсто знанія военныхъ всѣхъ наукъ,
„Довольна минувша бысть едина швердоснѣ рукъ;
„Тамъ знають напрячься козѣномъ и бедрою,
„Нагая грудь и лобъ, броня и шлемъ еснѣ къ бою;
„Иные камни взять съ земли, другъ друга бѣють,
„Сломивъ уразину, нагіе члены рвуть;
„Дреколія концы огнемъ шамъ прижигаютъ,
„И заоспиривши ихъ, прошивниковъ пронзають.
„Тамъ шуты спрашива на воздуха предѣлъ
„Терновыхъ, косяныхъ, желѣзныхъ воють
спрѣлъ.

„Приakraхъ движуть духъ свирѣли, барабаны,
„И новоснѣ спѣвъ шрясутъ пороки и шараны.
„Но индѣ съ ужасомъ шрудолубивой умъ
„Услышалъ для войны огня приличной шумъ.,,
Европа шѣмъ гремитъ, сама въ себѣ пылая:
Коль часто фурія свирѣисшвуецъ въ ней алая!
Кривозая война ошъ вѣка шіакъ плечетъ,
Такъ хипроснѣ бранная ошъ перыхъ дней рас-
шетъ.

Рокъ кровью присудилъ лице земли багровить;
Монархамъ надлежитъ оружіе гошовить.
Вашъ Пешръ за широшу предѣловъ мечъ про-
сперь;
Блаженству Росскому зависывующихъ сперь.
И нынѣ дщеръ шоржескъ безсмертноспъ
уптверждаетъ,
Огней раженіе искусствомъ умножаетъ.
Елисаветины военныя дѣла
Какъ мирныя во вѣкъ вѣчается похвала.

Уже Россіане мѣспъ дряхлоспъ очищаютъ,
И рухлоспъ спѣнъ, спрѣльницъ, прилѣжно
укрѣпляютъ,
Дабы лежащій вспалъ и шопчасъ былъ гошовъ
Оружіе поднятъ и отшврашитъ враговъ.
Преславный въ пущъ вспунилъ Вандаловъ побѣ-
дишель
Во градъ, гдѣ праонцы, и храбрый гдѣ Родипель
Оспавили своихъ заслугъ великихъ анакъ.
Коль радоспенъ шамъ былъ Москвы священный
зракъ!

Но Муза помолчи, помедли до профеевъ,
Чпо взяши ошъ враговъ и внушреннихъ зло-
дѣевъ:
Безмѣрно большій прудъ напредки нашоишъ;
Тогда предспавъ сея Богини свѣшлый видъ.

П И С Ь М А

Къ его Высокопревосходительству

Ивану Ивановичу Шувалову.

Хотя письма сіи не заключають въ себѣ много, касающагося до наукъ, и не обращають содержаніемъ своимъ любопытства каждаго читателя; но поелику все, что произошло изъ пера г. Ломоносова, не можетъ быть недрагоцѣнно: то сей причины ради онѣ въ собраніи семъ и напечатаны, тѣмъ наипаче, что онѣ открываютъ публикѣ нѣкоторыя обстоятельство жизни сего великаго писателя.

Письма

къ Ивану Ивановичу Шувалову.

I.

Милоспивный государь Иванъ Ивановичъ!

Поздравляю васъ съ благополучнымъ выѣздомъ въ шѣ прекрасныя мѣста, въ копорыхъ холоднаватые Россійскіе зефиры не могушь препяшпствовать напуры и искуства силъ въ произведеніи красоть, обыкновенныхъ въ благоразпворенномъ теплошю климатѣ. Дай, Боже, чшобы презешпокая минувшая зимы спужа и шяжелый продолжштельныя весны холодъ награжденъ вамъ былъ прекраснаго лѣша пріятною теплошю. А чшобъ въ оныхъ дняхъ ясность и шихость еще показались вамъ пріятнѣе, шо должно вамъ предспавляшь въ умѣ прошивное время. Но какъ лѣшо и зима вдругъ бышь не могушь, чшобы вы сличивъ одно съ другимъ, при спрогосши и скучномъ видѣ одного, могли яснѣе видѣшь и выше нощешъ другаго красопу, нѣжность и пріятность; для шого имѣю чешъ прислашь вамъ зиму спихошвор-

ную въ эклогѣ, сочиненной студентомъ Поповскимъ. Я въ ней не поправилъ ни единого слова, но какову онъ прошедшей зимы далъ, пакъ къ вамъ и вручить честь имѣю, съ должнымъ почтеніемъ непремѣнно пребывая,

С: Петербургъ, Вашего Выхокородіа
Маія 8 дня всепокорный слуга
1751 года. Михайло Ломоносовъ.

II.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Поздравляю васъ съ приѣздомъ въ прекрасное Сарское село, въ которое я ошсюда, какъ въ рай, мыслію взираю, и завидую Тамирѣ, что она счастливиѣ своего сочинишеля; за шѣмъ что предстанешъ безъ него предъ очи великія Монархини въ томъ пріятнѣйшемъ мѣстѣ, которое отъ него усерднѣйшими похвалами возвышено. Я чаю, что когда Тамира въ концѣ шрепьяго дѣйствія отъ ошца своего бѣжашъ намѣришся; то Заисаномъ будешъ поймана не въ самомъ бѣгшвѣ, но когда засмопришся на красошу великолѣпнаго зданія, и въ изумленіи ошановишся, забывъ о Селимѣ; и Мамай отъ Нарсима тогда будешъ проколошъ, когда онъ въ полѣ на позла-

ценные верьхи оглянешся. О помѣ я думаю такъ, а въ прочемъ, чѣмъ она безъ меня такъ же поступила, какъ недавно у меня въ домѣ, того равно такъ сильно желаю, какъ съ искреннимъ почтениемъ пребываю,

вашего Высокородія
всепокорный слуга
Михайло Ломоносовъ.

III.

Милосливый государь Иванъ Ивановичъ !

Его Сіятельство Графъ Михайла Ларіоновичъ Воронцовъ по своей высокой ко мнѣ милости изволилъ взять отъ меня пробы мозаичныхъ составовъ для показанія Ея Величеству, при которомъ случаѣ, ежели вашему Превосходительству непрошивно, всепокорно прошу поспараться о моемъ нижайшемъ прошеніи, чѣмъ мнѣ, имѣя случай и способъ, удобнѣе было производить въ дѣйствіе мои въ наукахъ предпріятія. Ибо хотя голова моя и много зачинаешь, да руки однѣ, и хотя во многихъ случаяхъ можнобъ употребить чужія, да приказашъ не имѣю власти. За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подъячимъ кланяться, чего я

право весьма спыжуся, а особливо имѣя такихъ, какъ вы, папроновъ. Нѣтъ ни единого дня, въ кошорой бы я не упоминалъ о вашей ко мнѣ милосши, и ею бы не радовался. Однако нѣтъ ни единого моего въ Академію приѣзда, въ кошорой бы я не удивлялся, что она имѣя въ себѣ сына опечесшва, кошораго вы любите и жалуете, не можете того дожить, чтобы онъ опвращилъ опъ нея всѣ чрезъ 25 лѣтъ бывшія всѣмъ успѣхамъ и должнымъ бытъ пользамъ препяшспвія. Заклячая сіе послѣднее мое о семъ прошеніе, съ великою надеждою ожидаю желаемаго, и съ искреннимъ почтеніемъ пребываю до смерти,

Вашего Превосходительства

С: пешербургъ. всепокорный слуга
Августа 15 дня Михайло Ломоносовъ.
1751 года.

IV.

Милосшивый государь Иванъ Ивановичъ!

Не могу преминушь, чтобы вашему Превосходительству не сообщилъ сочиненныхъ мною послѣ спуска корабля за обѣдомъ крапкихъ стиховъ, вѣдая вашу къ наукамъ, а особливо къ словеснымъ охоту.

Сойди къ намъ, Злапоустъ, оставивъ
небеса;

Достойна швоего здѣсь зрѣнія краса.
Пепрова дщерь тебѣ корабль сей
посвящаетъ,

И именемъ швоимъ и море наполняешъ.
Какъ будешь ты ходишь на немъ
промежъ валовъ,

Греми прошивъ ея завистливыхъ
враговъ.

Злашими прежде ты гремѣлъ въ
церквахъ усами;

Но пламенными нынѣ звучи въ водахъ
словами.

При семъ доношу, что я нынѣ Демо-
фонта докончить стараюсь; и при томъ
дѣлаю планъ Россійской исторіи, копо-
рой по возвращеніи вашей въ Санкт-
петербургъ показать честь имѣть буду,
и неизмѣнно съ глубокимъ почтеніемъ
пребываю,

Вашего Превосходительства
Въ С: петербургѣ. всепокорный слуга
Сентября 10 дня Михайло Ломоносовъ.
1751 года.

V.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

Неоднократное вашего Превосходи-
тельства къ сочиненію Россійской исто-

ріи ободреніе хотя я всегда принималъ за истинный знакъ вашего обо мнѣ мило-спиваго мнѣнія ; однако вашего Превосходительства полученнымъ отъ 28 числа Декабря ко мнѣ письмомъ, преисполненнымъ природнаго вашего снисхожденія и склонности къ наукамъ, сполько я объ ономъ удосповѣрился , что въ крайней моей къ вамъ благодарности погружень , почитая ваше справедливое желаніе, которое соединено съ пользою и славою отечества. Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобы оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовольствовашъ ; однако оно само собою такаго есть свойства , что пребуеетъ времени. Коль великимъ счастіемъ я себя почестъ могу, ежели моею возможною способностію древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ Гбсударей свѣшу откроюся , то весьма чувствую. И читая отъ вашего Превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы , которыя мое достоинство далече превосходятъ , благодарю отъ всего сердца ; и радуясь , по предпріятому моему моему намѣренію всякою ревностію въ собраніи нужныхъ извѣстій стараюсь , безъ которыхъ отъ-

нюдь ничего въ исторіи предпріять не можно. Могу васъ милосѣиваго Государя увѣрить въ/помъ заподлинно, что первой помъ въ нынѣшнемъ году съ божіею помощію совершишь уповаю. Что же до другихъ моихъ въ Физикъ и въ Химіи упражненій касается, чтобы все покинуть, то нѣтъ въ помъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ чело-вѣкъ пребуешь опъ прудовъ себѣ упокоенія: для того оставивъ наспоющее дѣло, ищешь себѣ съ госпіями или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; опъ чего я уже давно опказался, за тѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе опъ прудовъ, копорые я на собраніе и сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, что бы ихъ вмѣсто бильярда употребить на Физическіе и Химическіе опыты, копорые мнѣ не токмо опмѣною маперіи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служишь имѣють; и сверхъ сего пользу и честь опечеству конечно принесши могутъ

едва ли меньше первой. Когда ваше Превосходительство меня удостоитъ изволише, что мои сочиненія въ прозѣ непростивны, то можете имѣть въ помѣ новый опытъ, ежели мнѣ въ будущей 1754 годъ повелѣно будетъ говорить похвальное слово Петру Великому въ публичномъ Академическомъ собраніи, на что я готовъ положить всѣ свои силы. Чтожъ до окончанія моего всепокорнѣйшаго прошенія надлежитъ о фабрикѣ, то не думайте, милостивой Государь, чтобы она могла мнѣ препятствовать; ибо шѣмъ оканчающся всѣ мои великіе химическіе труды, въ которыхъ я при года упражнялся, и которые безплодно потеряю мнѣ будетъ несносное мученіе, и много большее препятствіе, нежели ошѣ самихъ оныхъ опасаться должно. И такъ уповаю чрезъ милостивое ваше предстательство прошенію моему скорого рѣшенія достигнуть, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю,

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и усерднѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

въ С: петербургѣ
Генваря 4 дня
1753 года.

VI.

Милоспивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Милоспивое вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣрляе къ великой моей радости о непремѣнномъ вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, кошорое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашей, кошорую я вашимъ опеческимъ представельствомъ имѣю, можешь ли меня опшвести опъ любленія и опъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, кошорую я для наукъ шерпѣлъ добровольно, опшрапишь не умѣла. Не примите, ваше Превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представивъ смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спаскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ споронъ опшвращающія опъ наукъ пресильныя спремленія, кошорыя въ погдашнія лѣта почти непреодоленную силу имѣли. Съ одной спороны опецъ никогда дѣшей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему сосполю), кошорое онъ для меня кровавымъ попомъ нажилъ, и кошорое послѣ смерти чужіе

разхитяшъ. Съ другой спороны несказанная бѣднота: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, не лѣзя было имѣшъ на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пашъ лѣшъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной спороны пишушъ, что зная отца моего доспашки, хорошіе пашошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою пашъ бышность предлагали; съ другой спороны школьники малые ребяшя кричатъ и персшями указываютъ: смотри де какой болванъ лѣшъ въ двадцать пришолъ лашини учишся! Послѣ того вскорѣ взяшъ я въ С: петербургъ, и посланъ за море, и жалованья получалъ прошивъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвращило; но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣль имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше Превосходительство въ томъ бышъ обнадѣжену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы пѣ, которые мнѣ отъ усердія велишъ бышъ предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а пѣ, которые изъ недоброхошной зависти шолкуютъ, посрамлены бы въ своемъ

неправомъ мнѣніи были, и знашь бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣряшь не должны; и помни-либъ, что Музы не такіа дѣвки, ко-рыхъ всегда изнасиловать можно. Онѣ кого хопяшь, того и любяшь. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученой человекъ долженъ бытъ бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, копорой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости; а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда Боила, копорой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, копорой лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ, и сверхъ того Баронство; Слоана въ Англіи, копорой послѣ себя такую библиотеку оставилъ, что никто приватной не былъ въ состояніи купить, и для того Парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ гиперлинговъ. По приказанію вашему все исполнишь не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая, вашего Превосходительства

Маія 10 дня
1753 года.

всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Часть II.

17

VII.

Милосливый Государь Иванъ Ивановичъ!

Полученное вчерашняго числа отъ 24 Маія письмо вашего Превосходительства, въ копоромъ я чувствую непремѣнной знакъ особливой вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что вы изволили объявить свое удостовереніе о томъ, что я наукъ никогда не оставляю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, копорые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ томъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли, и способы изыскали, а науки почти со всѣмъ оставили, имѣя у себя папроновъ, копорые у нихъ мало или ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣль пребудете, довольствуясь только однимъ ихъ именемъ. Въ помынуемыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они токмо одно почти знаютъ, чему въ малолѣтствѣ изъ подлосы выучились, а будучи въ своей вла-

спи почти никакова знанія больше не присовокупляи. Я напрошивъ того (позвольше, милоспивый государь, не ради щеславія, но ради моего оправданія объявишь истинну), имѣючи опца хоща по напурѣ добраго человека, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, копорая всячески спаралась произвести гнѣвъ въ опцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ чипать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и шерпѣшь спужу и голодь, пока я не ушолъ въ Спасскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милоспи совершенное довольство вашимъ опеческимъ представельствомъ, и шрудовъ моихъ одобрение ваше и другихъ знателей и любитель наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и на конецъ уже недѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дасть себя посрамить предъ моимъ дѣшствомъ. Однако переспаю сими представленіями ушруддашь вашу шерпѣливосль, вѣдая ваши справедливыя мнѣнія. И ради того.

доношу вашему Превосходительству о томъ, что похвальная ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ г. Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ шутъ; первой, что Мушенбровъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ значное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Впорое примѣшилъ я у своей громовой машины 25 числа сего Апрѣля, что безъ грома и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута опходила и за рукою гонялась; а въ 28 число погоже мѣсяца при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грома и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ шрескомъ издалика слышимъ, что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ электрической силѣ весьма согласна, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ г. Профессоромъ Рихма-

номъ ; онъ будетъ предлагать опыты свои , а я теорію и пользу отъ оной пронаходящую , къ чему уже я приугошляюсь . Чѣмъ же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію , то она уже нарочито далече , и въ концѣ Октябрю мѣсяца , уповаю , изъ печати выдѣшь , о ускореніи кошорой всячески просишь и спарашься буду , а письменнаго не присылаю , за тѣмъ что ваше Превосходительство требовать изволише по листу печатныхъ . О первомъ томѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему спараніе прилагаю , чтобы онъ къ новому году письменной изготовился . Ежели кто по своей профессіи читаетъ лекціи , дѣлаетъ опыты новые , говоритъ публично рѣчи и диссертаціи , и виѣ оной сочиняетъ разные списки и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости , составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего опечетства , и долженъ еще на срокъ поспавишь ; отъ того я ничего больше требовать не имѣю , и готовъ бы съ охотою имѣть перѣніе , когда бы только что пушное родилось . Въ прочемъ удостоивъясь многократно , коль охотно слушаеше , ваше Превосходительство ,

разговоры о наукахъ , весьма жадно ожидаю радостнаго и приятнаго съ вами свиданія , чтобы вы новыми моими спараніями удовольствіе имѣли , которыхъ всѣхъ въ опдаленіи сообщить не можно. Въ домъ вашего Превосходительства обѣщанныхъ оппическихъ вещей еще долго успроишь не уповаю , за тѣмъ что еще нѣтъ ни половъ , ни пошолоковъ , ни лѣспницъ , и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электрическіе шарики по вашему желанію пришлю не умедливъ , какъ возможно. Я могу увѣрить ваше Превосходительство , что въ масперовыхъ людяхъ здѣсь великая скудость , такъ что для дѣланія себѣ электрической машины не только гдѣ индѣ , но и съ вашего двора споляра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака , къ которымъ я съ кровли шестъ выспавилъ. Какіе вашему Превосходительству инструмены потребны , о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ Канцелярію Академическую именемъ вашимъ для приказанія масперамъ , за тѣмъ что они по шабашамъ долго прощянууть дѣло. Заклю-

чая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ
пребываю,

всепокорнѣйшій и вѣрный слуга
изъ С: петербурга

Маія 31 дня Михайло Ломоносовъ.
1753 года.

VIII.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ вашему Превосходи-
тельству пишу, за чудо почиайте;
для того что мершвы не пишушь. Я
не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ
сомнѣваюсь, живъ ли я, или мершвъ. Я
вижу, что г. Профессора Рихмана гро-
мъ убило въ тѣхъ же точно обстоя-
тельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то
же самое время. Сего Іюля въ 26 число
въ первомъ часу по полудни поднялась
громовая туча отъ норда. Громъ былъ
нарочито силенъ, дожда ни капли. Вы-
ставленную громовую машину посмо-
трѣвъ, не видалъ я нисколько признака
электрической силы. Однако, пока ку-
панье на столѣ ставили, дождался я
нарочитыхъ электрическихъ изъ прово-
локи искръ, и къ тому пришла моя
жена и другіе, и какъ я, шакъ и онъ без-
престанно до проволоки и до привѣшен-

наго прута дошккались; за шѣмъ что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, пропивъ кошорыхъ покойной Профессоръ со мною спорилъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое по время, какъ я руку держалъ у желѣза, и искры шрещали. Всѣ ошъ меня прочъ побѣжали, и жена просила, чтобы я прочъ шолъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или при минушы, пока мнѣ сказали, что шци проспинушъ, а при шомъ и электрическая сила шочши пересипала. Только я за шполомъ посидѣлъ нѣсколько минушъ, внезапно дверь опшворилъ человекъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ, въ шпрахъ и запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ побилъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чушь выговорилъ: Профессора громомъ зашивло. Въ самой возможной скорости, какъ силъ было много, приѣхавъ я, увидѣлъ, что онъ лежишъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея машъ шакковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смершь, и его блѣдное шѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣшей и дому шполъ были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося

народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на лице того, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первой ударъ ошъ привѣшенной линей съ ниткою пришолъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая элекприческая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини, и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы спарались движеніе крови въ немъ возобновишь; за тѣмъ что онъ еще былъ шепль; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надѣжды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что элекприческую громовую силу ошврапишь можно; однако на шепль съ желѣзомъ, копорой долженъ стояшь на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ, сколько хочешь. Между тѣмъ умеръ г. Рихманъ прекрасною смерцію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, пеща, сынъ пяти лѣтъ, копорый добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, а другая около полугоду, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачущъ;

Того ради , ваше Превосходительство , какъ истинный наукъ любитель и покровитель , будиже имъ милоспивый помощникъ , чшобы бѣдная вдова лучшаго Профессора до смерши своей пропитаніе имѣла , и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать , чшобы онъ такоу же былъ наукъ любитель , какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 рублей. Милоспивый государь ! исходатайшуй бѣдной вдовѣ его или дѣшамъ до смерши. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградишъ , и я буду больше почишъ , нежели за свое. Между шѣмъ , чшобы сей случай не былъ пропшолкованъ прошиву приращенія наукъ , всепокорнѣйше прошу миловать науки и

вашего Превосходительства

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ

С: петербургъ Михайла Ломоносова.
26 Іюля 1753 года.

IX.

Милоспивой государь Иванъ Ивановичъ!

Получивъ ошъ студента Поповскаго переводъ перваго яхсыма Попіева опыта о челоуѣкѣ , не могу преминуть , чшобы не сообщити вашему Превосходи-

пельству. Въ немъ нѣтъ ни единого
слова, коимъ бы мною былъ попра-
вленъ. Я весьма опасаюсь, чтобы его
въ законныя не оставили. Онъ давно
уже достоинъ произведенія. Нынѣ естъ
мѣсто Ректорское въ Гимназій послѣ
Ректора Раппахера, коимъ онъ весьма
способно управлятъ можетъ, зная Ла-
шинской языкъ совершенно, и при томъ
изрядно разумѣетъ Греческой, Француз-
ской и Нѣмецкой; а объ искусствѣ въ
Россійскомъ сей примѣръ о немъ сви-
дѣтельствуетъ. Для того и Профессоръ
Фишеръ, коимъ самъ былъ долго Рек-
торомъ, весьма его къ сей должности
ободраетъ. Ш.... хотя кажетъ видъ,
что поже хотелъ дѣлать, однако опъ-
нюдь вѣрять не лзя, и больше, чаю,
противное сдѣлать намѣренъ. Публич-
ное дѣйствіе послѣ Рихмановой смерти
обѣщавъ неоднократно произвести въ
дѣло, и часто ко мнѣ присылалъ о поспѣ-
щеніи; а какъ я нынѣ читалъ, то онъ
сказалъ, что изъ Москвы не имѣетъ из-
вѣстія, будетъ ли акшусъ. Между тѣмъ
слышалъ я отъ Профессора Г.... коимъ
рому онъ сказалъ, что акшусъ будетъ
оплохенъ. Академическое собраніе по-
слѣ смерти Рихмановой и послѣ опъзда

Краценштейнова весьма мало оспалось, состоя въ чепырехъ Профессорахъ, изъ копорыхъ я съ неизмѣннымъ глубокопочитаніемъ пребываю до смерти,

Вашего Превосходительства
изъ С: петербурга всепокорнѣйшій слуга
Августа 23 дня Михайло Ломоносовъ.
1753 года.

Х.

Милосливый государь Иванъ Ивановичъ!

Переписанную рѣчь мою къ вашему Превосходительству переслать принимая смѣлость, еще васъ милосливаго государя прошу, чѣобы о произведеніи оной къ 25 Ноября постараться: ибо мнѣ дають навѣшки, чѣобъ ее въ комментаріяхъ напечатать; однако я шѣмъ опнюдь не могу быть доволенъ, и за прямой отказъ почесъ долженъ. Она такимъ образомъ сочинена, чѣобы говорить въ собраніи и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельствевахъ долженъ я буду много переменить и выкинуть, чѣо мнѣ много шруда споишь. Сверхъ того съ комментаріями выдешъ она весьма поздно. При семъ ваше Превосходительство всепокорнѣйше прошу не

забыть вашего милоспиваго обѣщанія ,
чтобы меня удостовѣишь вторымъ помъ
Тапищева исторіи , за шѣмъ что онъ
въ первомъ много на второй ссылаешся.
Ожидая милоспиваго въ семъ неоспавле-
ніи , съ усерднымъ высокопочитаніемъ
всегда пребываю ,

вашего Превосходительства
изъ С: петербурга всепокорнѣйшій слуга
Октября 7 дня Михайло Ломоносовъ.
1753 года.

ХІ.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

По приказу вашего Превосходитель-
ства спарался я достать примѣчанія на
вѣдомости , но получить ихъ не могъ.
Уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ
спрашиваютъ; однако сыскашь не могли;
за шѣмъ что по малу было печатано и
не по мѣрѣ Россійскаго Государства ; а
особливо нынѣ узнавъ нашъ народъ пользу
наукъ , больше такіа книги хранишь для
ихъ рѣдкости. Г. Совѣшникъ Нарповъ
сказалъ , что у него есть ; только не
переплетенныя , и обѣщавъ собрать для
вашего Превосходительства ; однако не
могу знашь , сдѣлаешь ли. Я уповаю , не

лучше ли поискать у частных охотников въ Москвѣ на время, пока для вашего Превосходительства собственно здѣсь прищутся. Весьма бы полезно и славно было нашему обществу, когдабъ въ Академіи начались подобныя періодическія сочиненія, только не на такихъ бумажкахъ по одному листу; но повсямѣсячно или по всякую четверть или прелъ года, дабы одна или двѣ и при матеріи содержались въ книжкѣ, и въ меншемъ форматѣ, чему много имѣемъ примѣровъ въ Европѣ, изъ которыхъ лучшимъ бы послѣдовать, или бы свои примѣняясь выбрать можно. Исполни Господь Богъ намѣренія и желаніе любитель наукъ, чего я всегда, а особливо въ началѣ новаго года, прошу, поздравляя съ тѣмъ ваше Превосходительство отъ истиннаго усердія, и желая благополучнаго печенія и радостнаго окончанія, съ глубокимъ высокопочтваніемъ всегда пребываю,

вашего Превосходительства
изъ Устъ рудницъ всепокорнѣйшій слуга
съ бисерныхъ Михайло Ломоносовъ.
заводовъ
Генваря 3 дня
1754 года.

ХІІ.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

Получивъ отъ вашего Превосходительства милоспивой свѣще моихъ заслугъ въ прочемъ на мое письмо опшвѣтъ, шолько • томъ сожалѣю , что оно почтено ласкашельнымъ, въ чемъ мнѣ природа сама совсѣмъ почши опказала, и ежели гдѣ нѣкошорое подобіе покажешся, то конечно не мои вымыслы; но шолько какихъ нибудь обшпояшельствъ внезапная буря принуждаетъ. Всепокорнѣйшее мое прошеніе къ вашему Превосходительству шолько шу силу имѣешъ и намѣреніе, чтошбъ я вашимъ милоспивымъ благодѣяніемъ предостереженъ былъ въ разсужденіи тѣхъ должностей, кошорыя наблюдать должно въ разсужденіи шоль великой особы, къ кошорой мое сочиненіе простираешся; шпиля моего и другихъ кошя никто больше и лучше судья васъ бытъ не можешъ, что я собшвеннымъ искусшвомъ всегда могу засвидѣтельствовашъ; однако все мое къ вашему Превосходительству прошеніе сосшопш въ разсужденіи перваго. Господинъ Поповской свой переводъ всѣхъ спшховъ Поціевыхъ , нѣшолько еще исправлен-

ныхъ , сего дня чрезъ меня въ Канцеля-
рію для посылки къ его Сіятельству
опдалъ. При семъ вашему Превосходи-
тельству принимаю смѣлость донести ,
что , , , , , , , , , , , , , ,
, , , , , , , , , , , , , ,

(Здѣсь въ подлинникѣ нѣсколько
строкъ оподрано)

Однако мы господа въ Коммисіи ,
иной боишься опрѣшнѣть чтобы не
раздражишь какова нибудь знашнаго го-
сподина; иной говоришь , что онъ бѣ-
денъ; однако прошу меня извинишь; не
могу всѣхъ пристрастій и всѣхъ обстоя-
тельствъ изобразить. Словомъ съ одного
конца Академію хошащъ починивать , а
съ другаго поршящъ. Все сносно, поль-
ко того нѣтъ тяжелье

Окончаніе сего дѣла ясно покажетъ; и я
никогда по чистой моей совѣсти не оста-
нусь живымъ человѣкомъ. Мое истин-
ное желаніе въ томъ состоятъ , чтобы
мнѣ Богъ судилъ съ вашимъ Превосходи-
тельствомъ во всякомъ благополучіи
видѣться, и засвидѣтельствовать , что

я съ глубокимъ почтеніемъ безпрестанно
пребываю,

вашего Превосходительства

С: петербургъ всепокорнѣйшій слуга
28 Марта Михайло Ломоносовъ.
1754 года.

XIII.

Милосливый государь Иванъ Ивановичъ!

Изъ вчерашняго вашего Превосходительства милосливаго разговора примѣ-
щилъ я, что злоба преодолеваетъ благо-
сти, подкрадываясь подъ святость Высо-
чайшихъ повелѣній; и такъ ежели не
возможно, чтобы я по моему всепокор-
нѣйшему прошенію былъ произведенъ въ
Академіи для пресѣченія коварныхъ пред-
пріятій; то всеуниженно ваше Превос-
ходительство прошу, чтобы вашимъ
отеческимъ предстательствомъ переве-
денъ я былъ въ другой корпусъ, а лучше
всего въ Иностранную Коллегію, гдѣ не
менѣ могу принести пользы и чести
отечеству, а особливо имѣя случай упо-
треблять вспоможеніе архивы къ продол-
женію Россійской исторіи. Я прошу
всевышняго Господа Бога, дабы онъ
воздвигъ и ободрилъ выше великодушное
сердце въ мою помощь, и чрезъ васъ бы

Часть II.

18

сочворилъ со мною знаменіе во благо ,
да видяшъ ненавиждѣи мя и посшдышъ:
яко Господь помогъ ми и ушѣшилъ
мя ешъ изъ двухъ единымъ , дабы или
всѣ сказали: камень, его же не брегоша
зиждущіи, сей бышъ во главу угла, опъ
Господа сей бышъ ; или бы въ мое
ошбытіе изъ Академіи ясно оказалось ,
что она лишилась , потерявъ шакаго
человѣка , чопорый чрезъ шоль много
лѣшъ украшалъ оную , и всегда съ го-
нишелями наукъ боролся , не смотря на
свои опасности. Ожидая шого или дру-
гаго, въ швердомъ на милосшивѣйшее
ваше ходашайшво упованіи съ усерд-
нымъ глубокопочишаніемъ пребываю ,

вашего Превосходишельшва
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Декабря 30 дня Михайло Ломоносовъ.
1754 года.

XIV.

Милосшивый государь Иванъ Ивановичъ !

Сокращенное описаніе сомозванцевъ
и спрѣлецкихъ буншовъ еще переписавъ,
имѣю честь подать чрезъ сіе письмо
вашему Превосходишельшву. Сами мо-
жете ошмѣшить, что вамъ не разсудишъ
ся за благо перевести на Французской

языкъ. Сокращеніе о житіи Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора стараюсь привести къ окончанію подобнымъ образомъ. Всепокорнѣйше прошу не причесть мнѣ въ предосужденіе, что о своихъ свидѣтельстввахъ и трудахъ при семъ прилагаю. Не ради своего самохвальства то сдѣлашь осмѣлился; но чтобы себя оборонить отъ моихъ презришелей и поношителей съ верху Пarnaсскихъ горъ долой. Домашнія мои заботы въ разсужденіи строенія фабрики и прочаго приходятъ къ окончанію, и я уповаю доказать великими доводами въ самомъ дѣлѣ, что оныя слова самая пустошь. Въ ожиданіи обѣщаннаго поршреша хопя и въ нешерстьливости, однако какъ завсегда съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю,

вашего Превосходишельства
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Октябрю 10 дня
1757 года.

XV.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Во исполненіе приказанія, отъ вашего Превосходишельства въ нынѣшнемъ

•

письмъ присланнаго , не могу никоимъ образомъ опказаться , по вашему убѣжденію , почтивъ вашу неоднократно объявленную мнѣ волю. И пакъ , хотя учинить оппоръ моимъ ненавистникамъ , не знаю и весьма сомнѣваюсь , не больше ли я имъ благодарить и ихъ хвалить , нежели мстить и уничтожать долженъ; благодарить за то во первыхъ , что они меня своей хулой хвалятъ , и къ большому приращенію малой моей славы не пожалѣли себя опредѣливъ въ Зоилы , что я не заменившую услугу себѣ почитаю ; второе за то , что они подали причину вашему Превосходительству къ составленію нынѣшняго вашего ко мнѣ письма съ разными разсужденіями , до словесныхъ наукъ касающимися , кое-рое бывшихъ , настоящихъ и будущихъ Зоилъ злобу въ ничто обращаетъ , и въ копоромъ я несполько заслуги , сколько свою должностъ вижу. Они стихи мои осуждаютъ и находятъ въ нихъ надушыя изображенія; для того они самыхъ великихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ высокопарныя мысли , похваленныя во всѣ вѣки и отъ всѣхъ народовъ почтаемыя , унизили хопятъ. Для доказательства предлагаю вашему Превосходи-

тельству примѣры, которыми основательное оправданіе моего ихъ возможнаго подражанія показано быть можешь.

Изъ Гомеровоѣ Иліады п. 5.

Внезапно вспалъ Непшунъ съ высокія
горы,
Пошелъ, и шѣмъ попрясъ и лѣсы и
бугры;
Трикрашы онъ спунилъ, четверный
шагъ достигнулъ
До мѣста, въ кое гнѣвъ и духъ его
подвигнулъ.

Изъ Виргил: Энеиды кн: 3.

Едва онъ рѣчь скончалъ, великая гро-
мада
Съ горы къ водамъ идешь среди овечья
спада.
Ужасной. Полифемъ, прескверный
изувѣръ,
Исполненъ ярости и злобы выше
мѣрь:
Лишася зрѣнія, онъ дубъ несетъ
рукою
какъ ширость, и ищетъ шѣмъ дороги
предъ собою.
Зубами закрипѣлъ и моремъ побѣ-
жалъ,
Едва во глубинѣ до бедръ касался валъ.

Какъ сему Камоенсъ подражаетъ ,
можно видѣшь въ моей Риторикѣ
параграфъ: 158. Кромѣ сихъ Героиче-
скаго духа стихотворцевъ и нѣжный
Овидій исполненъ высокопарными мы-
слями.

Изъ превращенъ: кн: 1.

Три крапы спрашныя власы вспрях-
нулъ Зевесъ,
Подвигнулъ горы шѣмъ, моря, поля
и лѣсъ.

Изъ книгъ: 15.

Я таинства хочу невѣдомыя пѣшь,
На облакъ хочу я выше звѣздъ вале-
пѣшь ,
Оставивъ низъ, пойду небесною го-
рою,
Апланшу наспущаю на плеча я ногою.

XVI.

Милосливый государь Иванъ Ивановичъ!

По приказанію вашего Высокопревос-
ходишельства сыскалъ я шакова чело-
вѣка, кошорой въ состояніи васъ удо-
вольствовашъ историческими переводами
и экстрактами съ Россійскаго языка на

Французской. Г. Модрахъ Профессоръ исторіи, надѣюсь, вамъ извѣстенъ, которій по Французски искусенъ, и Россійской языкъ основательно знаешь, весьма желаетъ услужить симъ трудомъ вашему Высокопревосходительству, и уже началъ дѣлать экстрактъ изъ Камчашской исторіи; въ чемъ могу ему спомоществовать моимъ совѣтомъ, и для переписки на бѣло употребить Спуденцовъ. Мои манускрипты могутъ нынѣ больше служить, нежели я самъ, не имѣя оныхъ моихъ недоброжелателей покоя. Сверхъ сего. не продолжая времени, долженъ я при первомъ случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя мои изобрѣтенія ради славы общества, дабы не воспослѣдовало съ ними того же, что съ нечезрипельною трубою случилось. Сей ущербъ чести оныхъ моихъ трудовъ спалъ мнѣ вдвое горестенъ; для того что тѣ, которые сіе дѣло невозможнымъ почитали, еще и понынѣ жестоко съ досадительными словами спорятъ, такъ что видя, не видятъ, и слыша не слышатъ. Не взирая на то, стараюсь произвести въ дѣйствіе еще новой оппической инструментъ, которымъ бы много глубже видѣть можно было дно въ рѣ-

какъ и въ морѣ, нежели какъ видимъ просто. Коль сіе въ жизни человѣческой полезно, всякъ удобно разсудить можетъ. При семъ не могу преминуть, чѣмъ бы не показашъ явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ шрудолубивой такъ называемой пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чѣмъ бы моему раченію сдѣлашъ помѣшательство; здѣсь видѣшь можно цѣлой комплошъ. Тр сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ пчелу. Т далъ напечаташъ безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствомъ ясно видѣшь можешъ, ваше Высокопревосходительство, сколько сіи люди дають мнѣ покоя, не пресная повреждають мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ! Умилосердишесь надо мною, Милостивый Государь, свободишъ меня отъ такихъ нападокъ, кошорые меня огорчая, не дають мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ опечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія, но шокмо всеуниженно прошу оправданъ бытъ предъ свѣдомъ Высочайшею конфирмаціею до-

клада опъ Правительствующаго Сената
о украшеніи Пешропавловской церкви,
чего цѣлой годъ ожидая, прешерпѣваю
сверхъ моего раззоренія посмѣяніе и
ругательство.. Ваше сильное ходатай-
ство можете меня опъ всего скоро изба-
вить и увѣрите меня о непремѣнной
милости, которую за особенное счастье
и честь въ жизни моей почишаю,

вашего Высокопревосходительства

всенижайшій и усердный слуга

Михайло Ломоносовъ.

изъ С: петербурга

8 Іюля 1759 года.

ДВА РАЗГОВОРА

переведенные изъ Эразма и Лукіана.

РАЗГОВОРЪ I.

У Т Р О.

Нефалій. Сего дня хотѣлъ я тебя, Филиппъ, посѣпить; однако тебя дома не сказали. Филиппъ. Не совсѣмъ тебѣ солгали: для тебя я подлинно дома не былъ, а для себя весьма былъ дома. Неф. Какую мнѣ загадку говоришь? фил. Ты знаешь старую пословицу: не всякому по Якову; также извѣстна тебѣ и Назикина шушка, какъ нѣкогда онъ, хотя посѣпить пріятеля своего Еннія, спрашивалъ: дома ли онъ, и какъ служанка ошказала; тогда Назика хотя и догадался, что онъ дома, однако домой возвратился. Послѣ того когда Енній вшедши въ домъ Назикинъ, спрашивалъ у слуги, у себя ли онъ находился; тогда Назика изъ каморки вскричалъ: нѣтъ меня дома; и какъ Енній его по голосу узналъ, безспыдной! сказалъ, я ли тебя по голосу не слышу? На сіе Назика ему отвѣщивовалъ: ты меня еще безспыднѣе, что самому въ шомъ не вѣришь, въ чѣмъ я и служанкѣ швоей повѣрилъ. Неф. Такъ можетъ быть тебѣ недосугъ было. фил. Нѣтъ; я былъ въ сладкомъ покоѣ. Неф. Опять загадкой мучишь. фил. Ну, такъ скажу прямо шочѣ

впоть. Неф. Скажи. Фил. Спалъ безъ пробуду. Неф. Чшо ты говоришь? Тогда ужъ былъ девятой часъ, а въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ въ чешвершомъ часу солнце всходитъ. Фил. Пожалуй, для меня пускай оно всходитъ хотя въ полночь, лишь бы мнѣ только выспаться довольно. Неф. Однако только ли нынѣ тебѣ столько долго спать случилось? Или ты къ шому привыкъ? Фил. Привыкъ. Неф. Весьма худо привыкашь къ худому дѣлу. Фил. Нѣтъ! сонъ послѣ восхожденія солнечнаго весьма пріятенъ. Неф. Въ которомъ ты часу съ постелей расстаешься? Фил. Между чешвершымъ и девятымъ. Неф. Довольно времени; и Королевы чуть ли столько долго убираются, однако какъ ты къ шому привыкъ? Фил. Для того, что обыкновенно пируемъ, играемъ и веселимся за полночь, кошорой уронъ ушреннимъ сномъ награждаемъ. Неф. Едва видалъ я кого, кто бы жилъ тебя мошовавши. Фил. Мнѣ кажется сіе бережливостъ, а не мошовство, для того когда я сплю, то свѣчи не горятъ, и плащье не носишь. Неф. Никуда негодная бережливостъ, ежели для того спекла беречь, чтобы потерять алмазы. Инако разсуждалъ оный философъ, кошорой, когда у

него спросили, что всего дороже? отвѣчалъ, время. Припомъ извѣстно, что упрѣ всего днѣ лучше, и пакъ что въ дражайшей вещи всего дороже, ты оное съ радостію перяешь. Фил. Развѣ по перяешься, что опдаемъ нашей плоти? Неф. Нѣтъ, мы опнимаемъ опъ плоти, копорая погда улаждаешь и весьма ободряешь, когда благовременнымъ и умѣреннымъ сномъ возобновлена бываетъ и укрѣпляешь упреннымъ бдѣніемъ. Фил. Однако сонъ сладокъ. Неф. Что можешь быть сладокъ тому, кто ничего не чувствуетъ. Фил. И по самое сладко, когда никогда безпокойства не имѣемъ. Неф. Такъ потому тѣ еще счастливыѣ, копорые спятъ въ могилѣ, ибо во снѣ иногда привидѣнія безпокоятъ. Фил. Говорятъ, что тѣлу такой сонъ питателенъ. Неф. Сія пища кропамъ прилична, а не людямъ. Дѣльно опкармливаютъ скотину на убой; а человеку для какой прибыли спараться о томъ, чтобы разполстѣть; развѣ для того только, чтобы завсегда ходишь съ увѣсистою ношею? Скажи мнѣ, ежелибы ты слугу имѣлъ, хотѣлъ ли бы ты, чтобы онъ былъ полстъ, или что-бы онъ былъ проворенъ и ко всѣмъ дѣламъ способенъ? Фил. Однако я не слуга.

Неф. Миѣ и того довольно, что ты лучше имѣшь хочешь способнаго къ услуженію, нежели какъ быка откормленнаго. Фил. Подлинно такъ. Неф. Платонъ сказалъ, что духъ человѣку господинъ, а шло ничто иное, какъ его жилище или орудіе. А ты, какъ думаю, признаешь, что духъ есть главная часть въ человѣкѣ, а шло его слуга. Фил. Инъ пусть по швоему будешь. Неф. Ты не хочешь имѣть слуги съ тяжелымъ брюхомъ, но проворнаго и поворосливаго; то для чего духу свсему гоповишь дебѣлаго слугу и унылаго. Фил. Убѣждаешь ты меня правдою. Неф. Послушай, что ты еще сверхъ того шрапишь. Какъ духъ много превосходитъ шла, такъ и богатство душевное много превосходитъ шлесныя доспашки. Фил. Вѣроятно. Неф. Между богатствомъ душевнымъ выше всего премудрость. Фил. Подлинно такъ. Неф. Къ пріобрѣтенію оныя ни едина часть дня шоль не способна, какъ ушро, когда солнце снова восходитъ, бодрость и укрѣпленіе всѣмъ приносятъ, и разбиваешь шуманъ, которой обыкновенно вспашаетъ изъ желудка, и жилище ума помрачаетъ. Фил. Не спорю. Неф. Нынѣ сочи миѣ, сколько бы ты могъ

научишься въ тѣ чепыре часа, которые на безвременной сонъ перяешь. Фил. Правда, что много. Неф. Я узналъ самымъ дѣломъ, что въ одинъ часъ по упру больше можно научишься, нежели въ три часа послѣ обѣда; и сверхъ того тѣлу никакой убыли не дѣлается. Фил. Слышу. Неф. Припомъ подумай, ежели вмѣстѣ сложишь, что ты на каждой день перяешь, какое будешь множество. Фил. Правда, что велико. Неф. Кто дорогіе камни и серебро напрасно разпочаешь, того мотомъ называютъ, и отдають подъ опеку. А кто сіе много онаго дражайшее богатство перяешь, не поютъ ли больше мотомъ названъ бытъ долженъ. Фил. Видно, что такъ, ежели о томъ разсудить прямо. Неф. Также и о томъ подумай, что говоритъ Платонъ: ничего нѣтъ прекраснѣе, ничего любезнѣе премудрости, которую ежели бы тѣлесными очами видѣшь можно было; что бы она непонятную любовь къ себѣ возбуждала. Фил. Однако видѣшь ее не можно. Неф. Правда, что тѣлесными очами не увидишь; но зрѣніе души оную постигаетъ, которая есть лучшая часть человѣка. И гдѣ любовь безмѣрно пріятна, тупѣе и самое высочайшее услажденіе бытъ дол-

жно, когда духъ съ такою любовницею совокупляется. Фил. Самую истинну сказываешь. Неф. Для того помѣняйся на сіе услажденіе сномъ, смерти образомъ, ежели угодно. Фил. Хорошо, однако долженъ буду покинуть играть по ночамъ. Неф. Та потеря прибыточна, ежели за худое хорошее, за бесчестное преславное, за презрѣнное дражайшее что получить можно. Хорошо тому теряешь свинець, кто изъ него золошо дѣлаешь. Натура ночь для сна опредѣлила. Восходящее солнце, когда всѣхъ животныхъ, тогда больше всѣхъ человека къ прудамъ, въ жизни попребнымъ, возбуждаетъ. Которые спятъ, говорятъ Плавтъ, тѣ спятъ ночью, и пьяные ночью пьяны. Чѣе скареднѣе быть можешь, когда всѣ животныя встаютъ съ солнцемъ, нѣкоторые и прежде восхожденія пѣніемъ оное поздравляютъ, и слонъ восходящему солнцу поклоняется, а человекъ долго послѣ его восхода хранишь на поспѣлъ? Коль часто злѣшій оный упренный свѣтъ освѣщаетъ пвою спальню, или ты не можешь догадаться, что онъ тебя спящаго укоряетъ? Безумной человекъ, или тебѣ хорошо кажется, что ты наилучшую часть жизни своей напрасно

перяешь? Не для того я сію, чтобы ты спалъ закрывшись; но чтобы ты бодрствуя, въ честныхъ дѣлахъ упражнялся. Никто свѣчи не зажигаешь, чтобы при ней спать; а ты храпишь при семъ прекраснѣйшемъ свѣшильникѣ. Фил. Изрядно ты проповѣдуешь! Неф. Хотя не изрядно, однако справедливо. Я не сомнѣваюсь, что ты не рѣдко слыхалъ оную Исіодову пословицу: бережливость на днѣ имѣшь уже поздно. Фил. Весьма часто, для того что въ серединѣ бочки самое лучшее вино бываетъ. Неф. Однако въ жизни человѣческой первая часть то есть, юношество всѣхъ лучше. Фил. Истинно такъ. Неф. И упроще же во дни, что юношество въ жизни. И такъ не безумно ли тѣ дѣлають, которые юношество на бездѣльныхъ поступки, а упреннее время на спать спрашиваютъ? Фил. Видно, что такъ. Неф. Если такое имѣніе, которое съ человѣческою жизнію сравнить можно? Фил. Ни всего Персидскаго сокровища. Неф. Не возненавидѣлъ ли бы ты весьма человѣка, который бы могъ или хотѣлъ коварными ухищреніями убавить нѣсколько лѣтъ своей жизни? Фил. Я бы лучше у самаго его жизнь отнялъ. Неф. Но тѣ еще злѣе и вредик-

пелѣнѣ, кошорые съ охошою свою жизнь дѣлають короче. Фил. Правда, ежели есть такіе. Неф. Есть такіе? Всѣ тебѣ подобныя те дѣлають. Фил. Хорошо ты говоришь! Неф. Весьма хорошо! Ты разсуди, не справедливо ли говоришь Плиній, что жизнь человѣческая состоишь въ бдѣніи, и тѣмъ долѣе человѣкъ живетъ, чѣмъ больше времени на ученіе упошребляетъ. Ибо сонъ есть нѣкошорая смерть: для того и спихотворцы вымыслили, якобы онъ изъ ада выходитъ, и Гомеръ называетъ его брашомъ смерти. И такъ, кошорые спяшь, тѣ ни между живыми ни между мертвыми счищаются; однако больше между мертвыми. Фил. Видно, что подлинно такъ. Неф. Нынѣ сочти мнѣ, коликую часть жизни у себя опнимають, кошорые три или чепыре часа на сонъ працяють. Фил. Вижу, что безмѣрно велика. Неф. Не почелъ ли бы ты за Бога такаго Алхимиста, кошорой бы десять лѣтъ къ жизни твоей прибавилъ, и въ спароси бы далъ юношескую бодрость? Фил. Какъ не почесъ? Неф. Сіе божественное благодаріе можешь ты самъ себѣ сдѣлать. Фил. А какъ? Неф. Для того, что утро есть юношесство дня: предъ полуднемъ еще кишишь

младость, въ полдень слѣдуешь мужескій возрастъ, а пошомъ вмѣсто спаросши вечеръ, за вѣтеромъ захожденіе соднечное, какъ смершь всего дня. Великую прибыль бережливосшь приносишь; однако нигдѣ больше, какъ здѣсь. И такъ не великую ли себѣ прибыль принесъ, кшо великую и самую лучшую часть жизни спрашишь переспалъ? фил. Праведно твое ученіе. Нѣф. Пришомъ видѣть можно, что весьма безсмыдна тѣхъ людей жалоба, кошорые напуру обвиняють, что человѣческой жизни шоль тѣсныя предѣлы положила, когда они сами опъ того, что имъ дано, великую часть теряють. Всякаго челоуѣка жизнь довольно долга, ежели оную бережно упошребляшь будешь, и не малой успѣхъ въ томъ состоишь, ежели кино всякое дѣло въ свое время дѣлаешь: послѣ обѣда едва споишь мы получеловѣка, когда тѣло обремененное пищею умъ опягощаетъ, и при томъ не безопасно жизненные дѣхи, кошорые въ то время для варенія пищи дѣйствуують, выводитъ въ голову. Послѣ ужины умъ еще менѣе дѣйствуеетъ: а по утру челоуѣкъ, совсѣмъ челоуѣкъ, когда тѣло ко всѣмъ дѣйствіямъ способно, когда духъ

бодръ и поворошливъ , когда всѣ органы ума шихи и чисты , когда она божественнаго дыханія часъ дышетъ , уподобляешься своему началу, и къ часнымъ дѣламъ стремишься. фил. Изрядную ты мнѣ проповѣдь сказываешь. Неф. У Гомера говорятъ Агамемнону , что полководцу не должно спать цѣлую ночь; то колыма паче не прилично. толикую часть дня на спанье пратишь. фил. Правда, что не должно полководцу; однако я еще не Генераль. Неф. Ежели ты что другое любишь больше, нежели себя, то не смотри на слова Гомеровы. Однако ремесленные люди для бѣдной прибыли вспають прежде свѣту, по насъ ли любовь къ премудрости возбудишь не можешь, чтобы мы хотя солнца послушались, когда оное къ неопѣненному пріобрѣтенію насъ возбуждаетъ? Медики даютъ свои лѣкарства всегда почти по утру; а мы оныхъ не знаемъ; когда цѣлимъ и обогащаемъ душу. Но ежели тебѣ сіи слова не важны кажутся, то послушай, чему учишь у Соломона небесная премудрость: ушреннѣющіи ко мнѣ обрящутъ мя. Въ псалмахъ шайнственныхъ коликая есть похвала ушренняго времени. За ушра превозносятъ Про-

рохъ милосѣрдіе Господне, за ушра услышанъ бываешь гласъ его, за ушра приходишь ко Господу молишва его; и у Луки свяшаго Евангелиста народъ исцѣленія и ученія ошъ Господа шребующій рано по ушру къ нему приходишь. Чшо ты вздыхаешь, Филиппъ? Фил. Чуть могу ошъ слезъ удержаться, когда на умъ приходишь, сколько я пошерялъ своей жизни. Нѣф. Чшо ужѣ напрасно о томъ себя сокрушаешь, чего не лая възвратишь? Однако оное предбудущимъ спараніемъ наградишь можно. И шакъ лучше къ шому приложишь раченіе, нежели въ пустомъ сѣшованіи о прошедшемъ перяшь будущее время. Фил. Хорошъ швой совѣшь; однако мною овладѣла привычка. Нѣф. Цюнушь: клинь клиномъ выбиваютъ, а привычка привычкою побѣждена бываешь. Фил. Весьма шрудно ошъ шого опшсавать, къ чему кто привыкъ чрезъ долгое время. Нѣф. Правда, чшо съ начала шрудно, однако первую скуку опмѣнное обхождение сперва ушоллешь, а послѣ шого перемѣняешь въ превеликое услаждение, шакъ чшо о первой скукѣ тебѣ досадовать не должно. Фил. Боюсь, чшо не удастся. Нѣф. Ежели бы ты былъ седмидесяти лѣтъ,

то бы я тебя опъ того отвлекать не хотѣлъ, къ чему ты привыкъ; а ты, какъ я думаю, чушь вступилъ въ семнадцатой годъ. Въ такія лѣта чего преодо-
лѣть не можно, только лишь бы была охота? фил. Истинно, я начну и поспа-
раюсь, чтобы мнѣ изъ Филиппна сдѣлать-
ся филологомъ. Нѣф. Ежели ты такъ
сдѣлаешь, то подлинно знаю, что въ
краткомъ времени себя въ правду поздра-
влять, а мнѣ за наставленіе благодаришь
будешь.

Разговоръ II. 4

Между Александромъ и Аннибаломъ.

Александръ. Поспой, ты Карфаге-
нацъ, мнѣ напередъ итти должно. Ган-
нибалъ. Я тебѣ не уступлю. Алекс.
Хочешь ты со мной судиться предъ
Миномъ? Ганниб. Хочу. Миной. Что
вы за люди? Алекс. Александръ и Ган-
нибалъ. Миной. Оба великіе люди;
однако о чемъ вы спорите? Алекс. Кому
должно напередъ итти. Онъ Африка-
нецъ шаковъ-наглъ, что первенство опъ-
нять у меня хочешь, не смотря на то,
что я былъ Монархъ всей Азіи, и преве-
ликій воинъ на свѣтѣ. Миной. Должно
выслушать его доказательства: что ты
проливъ его скажешь, Ганнибалъ?

Гани. Коль щастяивъ я, что буду говоришь предъ судьей, которой не будетъ судишь пристрастно, но взирать на правду больше, нежели на пустой видъ! И такъ я говорю, что того, которой, равно какъ я, возвысилъ себя своею собственною силою, и щастіемъ своимъ только одному самому себѣ долженъ, надлежитъ предпочесть тому, кто имѣетъ свою славу отъ предковъ. Ибо перешедъ изъ Африки въ Испанію, такъ сказать, съ одной горстью людей, прославилъ я себя своею собственною храбростію. И послѣ смерти моего зятя принявъ все войско въ мое поведишельство, усмирилъ я Целтиберовъ и Галловъ, которые лежали къ западу. По томъ прешедъ Альпійскія горы, одержалъ я побѣду на шрехъ великихъ сраженіяхъ, и убилъ въ одинъ день столько непріятелей, что мѣрлялъ я четверикомъ золотые перстни, которые носили конные Римскіе дворяне, и перешедъ чрезъ мостъ изъ убитыхъ полковъ соспоавшей, завоевалъ я всю Испанію до самаго Рима. Все сіе учинилъ я, не назвавшись Зевесовымъ сыномъ, и не восхопѣвъ себѣ Богу должнаго почтенія. Знайтеъ всего есть то, что я войну имѣлъ не съ Армянами, ни

съ Мидянами , кошорые прежде сраженія въ бѣгство обращающся , и побѣду осла-
вляютьъ тому , кшо осмѣлишся оной
дождашься ; но воевалъ съ самыми храб-
рыми народами и съ Генералами прези-
кусными во всемъ свѣтѣ. Припомъ все
оныя побѣды получилъ я не такимъ вой-
скомъ , кошорое бы дружно бишься изда-
вна приучено было , ниже солдатами ,
набранными изъ моего опечесства , но
наемными и опивсюду сборными людьми.
Я не былъ припомъ наслѣдникъ скиптра,
но простой гражданинъ Карфагенской.
Александръ напрошивъ того принявъ оп-
ца своего купно съ короною войско , ко-
шорое было непобѣдимо , требовалъ еще
къ тому щастія , чшобы побѣдишь роско-
шнаго владѣтеля и ослабѣвшихъ опъ
сластолюбія народовъ. По томъ ослѣнив-
шись своею побѣдою , опмѣнилъ обычай
своихъ предковъ , убивалъ собственною
своею рукою самыхъ лучшихъ своихъ
друзовъ , а иныхъ отдавалъ на казнь , и
велѣлъ себя почитать какъ Бога. Я
посредѣ своихъ побѣдъ и шоржесивъ бу-
дучи позванъ въ Африку обратно , чшобы
спастъ прошиву Сципіона , послушалъ
повелѣнія какъ самой меншей гражда-
нинъ. И когда меня тамъ несправедно

осудили, то сносишь я великодушно свое изгнание. Я позабылъ было еще нѣкопоруую часть своей славы, что я всѣ оныя дѣла учинилъ, не имѣвъ никакой помощи отъ наукъ, и не учившись у Аристотеля. И ежели Александръ пребудешь преимуществва для своей короны, то сіе изрядно въ разсужденіи Персовъ и Македонянъ; а до меня оное ничего не надлежитъ: для того что я не родился его подданнымъ, и былъ прославленъ храбрымъ и премудрымъ Генераломъ, котораго мужеству только щастіе не всегда споспѣшествовало. Мнѣной. Хотя и груба рѣчь, однако не варварская! Что ты, Александръ, на то опивчаешь? Алекс. Слава бы моя была довольна дать мнѣ преимущество, ежели бы я не хотѣлъ оное получитьъ силою разума равно какъ оружіемъ, и торжествовать по моимъ словамъ, какъ по военнымъ дѣйствіямъ. Ибо получивъ наслѣдное владѣніе послѣ своего отца, колеблющееся и возмущенное его смертію, умѣлъ я оное укрѣпить казнію его убицъ, и пошрясь Греціею, опровергнувъ Фивы. Попомъ будучи избранъ главнымъ предводителемъ противъ варваровъ, просперъ я свою надежду и оружіе далѣе, нежели

друзіе, которые прежде меня были. Переправившись чрезъ Еллеспонтъ, побѣдилъ я Даріевыхъ Генераловъ открытымъ боемъ, завладѣлъ всѣми провинціями до Киликіи, побѣдилъ самаго Царя Персидскаго, и въ одинъ день столько Лавровъ собралъ, что Хароновой барки не доставало на перевозъ мертвыхъ; столько множество ихъ было! Наконецъ; не говоря ни о Тирѣ, ни о Арбеллахъ, покорилъ я всю Азію до Индіи, и самую Индію и Океанъ поставилъ предѣломъ моей Имперіи. И не довольствуясь такими дѣлами, перешелъ я чрезъ Донъ, побѣдилъ Скифовъ, торжествовалъ надъ всѣми непріятелями Греческаго народа; и короны раздѣлялъ по моимъ Генераламъ. И хотя по учиненіи подобныхъ дѣлъ чело-вѣческую силу превосходящихъ люди богомъ меня почитали; однако сіе имъ проспительно; также и мнѣ, что я на то для утвержденія новой Имперіи соизволилъ. Однимъ словомъ ты видишь предъ собою побѣдителя половины свѣта, у котораго преимущественно опирается хочешь сильной, которой умеръ рабомъ нѣкотораго беззнашнаго Царя въ Вавилоніи. Къ сему присовокупить должно, что я всѣ оныя завоеванія учинилъ, какъ левъ,

открытою силою. Напрасивъ того Ганнибалъ дѣйствовалъ однимъ коварствомъ, и послѣ побѣдѣнъ собственнымъ своимъ оружіемъ. Онъ безчеловѣченъ былъ къ побѣжденнымъ; а я напросивъ того милосердивъ. Однако онъ имѣетъ позволеніе попрекать мнѣ роскошнымъ моимъ житіемъ, препроводивъ самъ въ Капуѣ долгое время въ счастіи, чрезъ что пошерялъ онъ плоды великихъ побѣдъ? Мои увеселенія не помрачили славы моего оружія; я ожидалъ шріумфовъ, когда и непріятелей не было. Я могъ бы еще и больше сказашъ въ свое защищеніе; однако мнѣ стыдно больше словъ шерять на столь справедливое мое требованіе. Только оспасаешся, чтобы нашъ споръ развестъ приговоромъ. Сципіонъ. Подожди, Минной. Я имѣю нѣчто предсказать. Мин. Кто ты таковъ? Сцип. Я Сципіонъ, который побѣдилъ Ганнибала и покоришь Карфагенъ. Мин. Чегожь ты требовать хочешь? Сцип. Я преимущество хочу ошдашь Александру, а Ганнивалу не уступаю. Мин. Правдиво швое требованіе: ты поди предъ Ганниваломъ, а предъ обѣими Александръ. Больше ничего мнѣ не говорише.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ,

говоренное Ноября 26 дня 1749 года.

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушашели! въ кошорой подѣ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашей покоящіяся многочисленныя народы торжествують, и веселяща о преславномъ Ея на Всероссійскій престолъ возшествіи, возможно было намъ радостию восхищеннымъ вознестися до высоты толикой, съ кошорой бы могли мы обозрѣть обширность пространныаго Ея Владычества, и слышать оутъ восходящаго до заходящаго солнца непрерывно простирающіяся восклицанія и воздыхъ наполняющія именованіемъ ЕЛИСАВЕТЫ; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы ош-

крылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себя чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели спѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися берегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верьхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостию препоясанныхъ, разные обипашели разными образами, разные чины разнымъ великолѣтіемъ, разные племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою Всемилоспивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоитъ алтарю Господню чинъ священный, съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молишвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церковь его въ ширинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ.

Тамъ сошедшися на праздничное пирушество градоначальники и граждане, въ любовной бесѣдѣ воспоминають шруды Петровы совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшія Его Дщери; индѣ по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ жнищахъ ликуя, скачуть земледѣльцы, и просимъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминають, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ по пространнымъ полямъ Асійскимъ разъѣзжая степные обитатели, хитрымъ искусствомъ спрыгавъ свои весело пускають и показують, коль они гошovy успремишь ихъ на враговъ своея Повелительницы. Но хотя естествоныя предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до шолыкаго возвышенія достигнуть и шолыкимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крылами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду вождѣльнымъ присутствіемъ Всепресвѣтлѣйшія Государины нашея осіянному просшираются.

Часто: мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ
разные торжествъ образы, благословен-
ное ея владѣніе въ день сей украшающіе,
на пресвѣтлое Ея лице обращается, и
разсѣянные повсюду увеселенія на немъ
единомъ находишь. На немъ истинное
благочестіе веселящее церковь, на немъ
мужественную бодрость укрѣпляющую
воинство, на немъ крошкое правосудіе,
примѣръ судящимъ и оспраду судимымъ
дающее, на немъ прозорливую премуд-
рость на ошдаенныя мѣста и на грядущія
времена взирающую, ясно и въ
ошсущствіи видимъ, и равно какъ въ
присущствіи благоговѣнно почишаемъ.
Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ
ленѣе оный видитъ, какъ сіе для разпро-
страненія Наукъ въ Россіи ПЕТРОМЪ
ВЕЛИКИМЪ установленное Общество,
несказаннымъ Ея великодушіемъ обновлен-
ное? Ни горы, ни лѣсы закрыть не мо-
гутъ божественнаго Ея зрака начертан-
наго въ душахъ нашихъ. Обращающся
предъ нами живо Ея "сладчайшія успа
повелѣвающія насъ возставитъ, и очи
человѣколюбно къ намъ сіяющія, и ще-
драя рука подписующая благополучіе
наше. Ободришь начинающіяся науки, не
мѣдая своихъ изживеній; ушвердишь ихъ

благосостояніе, предписавъ полезныя законы; оградить своею милостию, принявъ въ собственное свое покровительство; отворишь имъ къ себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхопному предпашелю изъ своихъ ближайшихъ; есть шоль великое благодѣяніе, кошорое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за кошорое мы, по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи наукъ, и превознося великую благодѣшельницу похва-лами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтлымъ Ея на отеческій престоль возшествіемъ осіянный, въ кошорый съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется! Не можешь неописанная радость наша въ шѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемаю, когда при шоль знашномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества за несказанное благодареніе величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносишь начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣшаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскашь краснорѣчія, гдѣ обширнѣе разпространитъ разумъ, гдѣ быстрѣе устремитъ искренняя ревность можешь, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ шоль великія Монархини? Когда языкъ мой щедропами Ея ободренный удобнѣе обращаешь, когда голосъ мой великодушіемъ Ея укрѣпленный громче возвыситься можешь, какъ пропо-вѣдуя и превознося несравненныя Ея достоинства? Не снисканіемъ много-словнаго мыслей распространія увеличено, не вишневашимъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ предложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово: но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ Ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ усилія къ ней искреннія

ревности прииметь. Ибо . приносися благодареніе Государынѣ благочесливѣйшей : свидѣтельствующъ создаемые и украшаемые храмы Господни , пощенія , молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносися благодареніе Государынѣ мужественной : свидѣтельствующъ надъ внутренними и вѣшними врагами Ея преславныя побѣды. Приносися благодареніе Государынѣ великодушной : свидѣтельствующъ прощенные пресупленія внутреннихъ и продержаніи вѣшнихъ непріятелей и крошкое наказаніе Ея злодѣевъ. Приносися благодареніе Государынѣ премудрой : свидѣтельствующъ прозорливо предприемлемыя учрежденія , внутреннее и вѣшнее спокойствіе утверждающія. Приносися благодареніе Государынѣ челоуѣколюбивой : свидѣтельствуетъ мапернее къ подданнымъ Ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ крошость. Приносися благодареніе Государынѣ премилосердой : свидѣтельствуетъ безчисленное множество свободенныхъ отъ смерти и данный Ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ кровію еще нербагранный. Приносися благодареніе Государынѣ прещедрой : свидѣтельствуетъ преизобильное

снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, вспоможеніе добродѣтельной скудости и возстановленіе нещаспїемъ раззоренныхъ. Въ прїянномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращаешся, и опѣ одной цвѣтущей добродѣтели опшвлекаешся красотою другія! Всѣ преславны, всѣ прелюбезны! Изъ всѣхъ явспвуешь, коль благодарень есть корень, опѣ котораго сей насажденный добродѣтелями виноградъ произрашши процвѣтаешъ. Изъ всѣхъ достопїнствъ Монархини нашей показуешся, коль велики были Ея предки, копорыми оживленная, возсшавленная, укрьпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россїа нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, копорыхъ славныя дѣла и заслуги къ опечесшву неменше надлежащъ къ похвалѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Для шого описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила, для спенанїа и слезъ прадѣдовъ нашихъ прїемлющаго съ вѣнцемъ Царскимъ тяжкое бремя поверженныхъ Россїи, обновляющаго разсыпанныя спѣны, сооружающаго раззоренные храмы, собирающаго разшоченныхъ гражданъ, напол-

няющаго расхищенныя государственныя сокровища, изпоргающаго корень Богоошступныхъ хищниковъ Россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженья и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго АЛЕКСІЯ, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, церковь испреблѣніемъ ереси, проспирающаго побѣдоносный мечъ свой на Сарматію, и Россіи издревль принадлежащія великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я ПЕТРА именемъ ВЕЛИКАГО, дѣлами большаго, вліянною себѣ отъ Бога премудросію просвѣщающаго Россію и мужесвомъ вселенную успрашающаго, единою рукою мечъ и Скипетръ обращающаго, къ художествамъ проспирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искоряющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ при-

мѣромъ утверждающаго , и славу свою со славою опечесства до небесъ возносящаго ; начерпалъ бы я въ умахъ вашихъ Героиню прекрасную Августѣйшую ЕКАТЕРИНУ , среди варварскихъ набѣговъ , среди гремѣщаго оружія , среди шумящихъ ядръ непоколебиму духомъ , премудрому Государю премудрыя совѣты дающую , вѣнчаему пошомъ Его рукою , и пресѣченной смертію предпріятыя дѣла многоспрудившагося Россійскаго Геркулеса на рамена свои пріемлящую : но слово мое къ собшвеннымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини наша поспѣшаетъ ; на нихъ единыхъ испощишь всю свою силу , не изчисляя подробну , но шокмо знашнѣйшія предспавляя. Того ради не изображаю словомъ блистающія лѣпоты лица Ея , являющія прекрасную душу , ни сановитаго возраста Монархини приличнаго , ни величественной главы къ ношенію вѣнца рожденной , ни успѣ щедрому испочающихъ , ни очей воззрѣніемъ оживляющихъ. Ибо ко всѣмъ челоѡколюбивая Государыня взоръ свой обращаетъ. Всякъ видишь , всякъ въ умѣ своемъ изображаетъ , что такъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ обращалъ свои очи , взирая на обновляющуюся Россію ;

шакъ произносилъ свой голосъ, укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ подданныхъ ; шакъ простиралъ свою руку , учреждая художества и науки, повелѣвая устроити полки ко брани и выходить флоту въ море ; шакъ возносилъ главу , въѣзжая въ побѣжденные грады, и подирая поверженное непріятельское оружіе ; шоль бодро шествовалъ , осматривая свои начинающіеся сѣны , строящіеся корабли, исправляющіеся суда , и среди моря со дна возстающія приспани и крѣпости: не представляю внѣшнихъ Мо-нархини нашей достоинствъ , но внутрення душевныя шокмо изобразити попысусь Ея дарованія , копорыхъ лику предходитъ любезное Богу , любезное чловѣкамъ благочестіе , крѣпкое ушвер-жденіе государствъ , красота гѣнцевъ Царскихъ , непосшдная надежда во брани , не разрывное соединеніе чловѣческаго обществъ. Коль великія неспрое-ніа , брани и чловѣкоубійства въ наро-дахъ единой крови и одинаго языка опъ раздѣленія вѣры происходятъ ; шоль на-прошивъ шого крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаешъ ихъ единство вѣры, копорая хопя много ученіемъ , однако больше примѣрами укрѣпляешся. Благо-

получна Россія, что единымъ языкомъ
едину вѣру исповѣдуешь, и единою
благочестивѣйшею Самодержицею упра-
вляема великій въ Ней примѣръ къ утвр-
жденію въ православіи видишь. Видишь
повсюду какъ звѣзды небесныя блистаю-
щія и Ею сіяніе свое умножающія церкви;
съ удивленіемъ зриаешь, что шоль мно-
гихъ Государствъ Повелительница, ко-
торой земля, море и воздухъ къ удоволь-
ствію служатъ, часто твердостью вѣры
укрѣпляема спротивъ пощеніемъ и сухоя-
деніемъ шло свое изнуряетъ; копорой
непрочно великолѣпныя колесницы и
избранные кони; но и руки и главы сы-
новъ Россійскихъ къ ношенію гоповы,
вперенна усердіемъ купно съ подданными
далекій путь къ мѣстамъ священнымъ
пѣшешествуешь. Коль горячимъ усер-
діемъ воспаляющся сердца наши къ Выш-
нему, и коль несомнѣнно милосердія Его
себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами
предстоящую и молящуюся съ крайнимъ
благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ
очами имѣемъ! Коль мужественно дер-
зають противъ сопоспашовъ Россійскіе
воины, зная, что Богъ крѣпкій во брани,
Богъ благочестивѣйшую ихъ Государыню
любачій, купно съ ними на сраженіе вы-

ходитъ! Колю великою радостію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея Богоугоднымъ присуществіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ, аки невѣста въ день брачный, торжествующая Россійская церковь, блистая порфиною и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышается окруженна славою, къ пресвѣтлому жениху своего престолу, и показуя ему свое великолѣпіе, вѣщаетъ: такъ украшаетъ меня на земли возлюбленная Твоя ЕЛИСАВЕТА; украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею доброю славою: возносишь рогъ мой въ поднебесной; вознеси Ее надъ всѣми обладательными земными: посѣждаетъ меня посѣщеніемъ усерднымъ; посѣщи Ее благодарною швоею неопшпупно: ушверждаетъ столпы мои въ Россіи; ушверди здравіе Ея непоколебимо: споспѣшествуетъ мнѣ въ побѣжденіи невѣрія; споспѣшествуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ сопоспашовъ, и благословеніемъ швоимъ и силою швоею свыше осѣни Ея воинство. Сему священному церкви святыя гласу согласуется всѣхъ подданныхъ желаніе; по сему вѣруемъ, что непобѣдимый благочестивыхъ поборникъ славы Господь во всѣхъ предпріяшяхъ и дѣ-

лахъ Августѣйшія Единодержицы нашей естъ предводитель и защитникъ, и высокою десницею своею управляетъ Ея мужествомъ, кошорому ни внутрь Россіи вкоренившіеся, ни отъвнехъ наступающіе непріятели не могли спастъ прошиву. Сіи побѣждены въ едино лѣпо, а оныя въ едину ночь низвержены. Окруженный крѣпкою спражею вѣнецъ опеческій и Скипетръ сильною рукою держимый и великою властію объятую Россію взявъ въ свое повелительство естъ дѣло и мужескому сердцу страшное и великому Герою едва преодолимое. Но Богомъ предводимая Героиня наша съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ опечества презираетъ всѣ препятства, безъ проливія крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости пріемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что предхождѣ со крестомъ Дѣвица, послѣдуютъ вооруженные воины! Она опеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу возпалаетъ, они ревностію къ ней пылаютъ; Она исполнивъ желаніе всѣхъ Россіянъ, они изволеніе шоя совершивъ послѣдуютъ; Она приближаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣдѣ не же-

лаешь, они всему свѣту спашь прошиву за оную усердствуютъ. Но что сему послѣдуетъ? Омертвѣли спрегущіе, видя пришествіе Петровой Дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею Государынею изъ препенущихъ рукъ падши преклонилось! Просвѣтился Монаршескій домъ Ея входомъ, возсіалъ престоль вступленіемъ, и веселящимся Россіянамъ казалось, что и спѣвы Пепровы двигались радостію оживленны. Ужаснулись тогда вѣроломные Балтійскіе бреги; приспугающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые сопоспашы оцѣпенѣли, и зависпливый взоръ свой вспянь обращая, больше о бѣгствѣ, нежели о сраженіи помышляли. ♦ Изображался въ успрашенныхъ умахъ ихъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ въ мужественной своей Дщери живущій; представлялись имъ опцы ихъ въ мысли, лежащіе въ крови своей на поляхъ Полтавскихъ, и многія пысячи ихъ народа ведомаго въ плѣнь на отдѣленныя половиною свѣта спени; мечпались имъ горящіе ихъ грады и веси, пригошовленные Россійскія галеры ходишь по суху, какъ по морю: россійскія галеры и выѣзжающіе прошивъ ихъ изъ волнь морскихъ всадники.

Правда, что побѣждены уже были непріатели при сѣнахъ Вильманспрандскихъ, однако сраженіе было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопротиавленіе, и побѣда куплена немалымъ проливіемъ крови. Но когда Отеческій скипетръ и мечъ приняла мужественная ЕЛИСАВЕТА, тогда какъ нѣкопорымъ бурнымъ дыханіемъ возмещаемы непріатели съ шрепешомъ въ бѣгство обращались; и при защищеніяхъ своихъ, при крѣпкихъ сѣнахъ, при непроходныхъ засѣкахъ и при рѣкахъ быстрыми водами стремящихся не шокмо прошивишься не дерзнули, но и оглянувшись на нихъ едва смѣли, видя, что ни шоккія болоша, ни мшишья озера, ни спремнины крушья не могутъ препяшшвовать праведному Елисаветину гнѣву и ревности молніеносныхъ Ея воиновъ. Наконецъ шакъ ушѣснены ошвсюду, шакъ окружены были моремъ и землею ошъ Россійской силы, что ешьяли бы не шоль великодушную побѣдительницу имѣли, шо никшо бы изъ нихъ спасенъ не былъ, и о конечной бы ихъ погибели въ ошечешвъ / ихъ возвѣсшишь было нѣкому, кромѣ звучныхъ славы ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Сія побѣда шѣмъ шаче прочихъ была

предивна, что казалось, якобы и Марсъ, подражая крошкѣ Государыни нашей нраву, ненавидѣлъ пролитія человѣческія крови; и вся Европа разсуждала, что Россія не войну съ непріятельми имѣла, но шокмо продержкихъ вѣроломцевъ за неисповѣство наказала. За сродное Государыни нашей свойство вселенная почиташеъ поступашъ со врагами великодушно. Сего не шокмо при совершенномъ выѣшнихъ непріятелей посрамленіи, но еще во время преславнаго Ея на Ошеческій пресполъ вступленія великій примѣръ надъ внушренними сопосташами Ею показанъ. Прибѣгла къ Ней смущенная Россія, и гласомъ избранныхъ сыновъ своихъ вѣщала: пріими меня въ матернія Твои обѣщанія, пріими наслѣдную Твою державу, и врожденнымъ тебѣ бодрымъ ошеческимъ духомъ презирай всѣ препяшства. Надѣйся на Бога: онъ праведному Твоему предпріятію предводишель будешъ. Надѣйся на себя: ты едина истинная Наслѣдница; ты Дщерь моего Просвѣщителя. Надѣйся на меня: я всѣ свои силы, подвигну къ швоему защищенію, и чрезъ главы и шрупы швоихъ непріятелей ошворю путь къ пресполу. Но великодушная Государыня

паче изволила наслѣдной своей короны до времени лишаться, нежели оной до-ступашь пролипіемъ крови, и наконецъ больше опасаясь бѣдспвія Ошечеству, нежели себѣ величества желая, склонилась къ правленію, или вѣцше къ со-храненію государшва. Возшедь на вы-соту шолікія власти, ошлучившимъ Ея опъ законнаго наслѣдшва, согрубив-шимъ неісповою гордостію и безовѣ-спнымъ ушѣсненіемъ огорчившимъ кое мщеніе наносишь? По закону Божію, по государшвеннымъ правамъ и по желанію Россійскаго народа на люшую смерть и на расперзаніе осужденныхъ шокмо отдаленіемъ опъ пресвѣплаго лица сво-его наказуетъ; недосшойныхъ жизни шокмо самовольныя жизни лишаетъ, и великое возшесшвія своего геройское дѣ-ло украшаетъ крайнимъ своимъ велико-душіемъ, копорымъ шакъ обильно ода-рена Монархія наша, что оное въ про-странной Россіи не вмѣщается, но изше-каетъ и ко внѣшнимъ народамъ. Побѣждена Швеція Ея великодушіемъ; спрашится Ея непобѣдимыя силы, но больше чудишся великому и благородному духу. Ибо пріо-брѣвши шоль великія преимущесшва не-побѣдимая Государыня, съ побѣжденными

въ конецъ миръ заключаетъ; но справедливѣе «казать», преслупавшимъ вину прощаетъ. Късю всю врага своего силу въ рукахъ имѣетъ, и всю свою волю надъ нимъ исполнишь можешь, однако опдаешь все обрашно, и уже поверженнаго и прошивишься немогущаго воспламеняешь, пошь не больше ли прощаетъ, нежели примиряется? Но далѣе проспирается прехвальная сія Монархини наша добродѣшель; большій примѣръ великодушія показуетъ Россійская Героиня. Ибо не шокмо опспутивъ врагамъ своимъ продерзость, миръ и шишину и земли покоренныя возвращаетъ, но и оружіе свое проспираетъ къ ихъ защитѣ; опшвращаетъ съ другой спраны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ престола купно съ вольностію опшверждаетъ. Сіе разсуждая и взирая на цвѣшущее состояніе Россійскаго государства, на изобиліе просшпаннаго нашего Отечества и на умѣренность, съ кошорою Государыня наша шолікое множество покланяющихся Ей народовъ управляетъ, возможно ли помыслишь вамъ, сосѣды наши, чтобы Ея благородное сердце къ присвоенію чужихъ земель склонилось? Имѣющая шолікое просшпанство полей плодо-

носныхъ, болошь ли непроходимыхъ пожелаешь? Проспирающая Скипетръ свой на прошекающія въ Ея послушаніи изобильныя и великій Нилъ превосходящія рѣки, на зыбучіе ли мхи польстившися? Господствующая въ земли медъ и млеко почащей, на камни ли неплодные съ желаніемъ взирать будешь? Что, храброе Россійское воинство ко брани устроено, что флотъ гоповъ къ покрытію водъ Балтійскихъ, что всѣ военныя приуготовленія успѣваютъ, сіе все не войну опъ Россіи наносимую предвозвѣщаешь, но показуешь премудрость прозорливья нашей Героини. Искусный мореплаватель, не токмо въ страшное волненіе и бурю, но и во время кропчайшія тишины бодрствуетъ, укрѣпляетъ орудія, гоповитъ парусы, наблюдаетъ звѣзды, примѣчаетъ перемѣны воздуха, смопритъ на возстающія шучи, изчисляетъ разстояніе опъ береговъ, мѣритъ глубину моря, и опъ пощаенныхъ водою камней блюдепся. Подобнымъ образомъ премудрая ЕЛИСАВЕТА хопя радуясь, взираетъ на своихъ подданныхъ наслаждающихся дарованнымъ опъ ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печетъ; ограждаетъ

разпроспертымъ по земли и по морю оружіемъ, и пѣхъ, которые мечемъ не могутъ, но мыслями воюють, проникательнымъ окомъ назираешь; открываетъ пощаенныя пихими спруями лести неприятельскія коварства; разсуждаетъ о прошедшемъ, разсмаприваетъ насходящее, будущее предвидишь. Того ради естли кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ, или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаешь о всемъ премудрый Ея промыслъ, и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами опъ насъ покрытъ и огражденъ будешь; однако почувствовавъ свое наказаніе, помыслишь, что изсякло море, прекратили теченіе рѣки, и горы опустившись, въ равныя поля претворились: помыслишь, что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ берегамъ его приспала. Покойся въ радости, возлюбленное опечество, и безмятежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ премудрыя швоея повелительницы наслаждайся! Коль безопасно швое благополучіе! Коль несравненно съ прочими швое блаженство! Другіе на дымящіяся развалины раззоренныхъ опъ

непріятеля градовъ своихъ со слезами
взирають; но ты на возходящія къ обла-
камъ новыя великолѣпныя зданія радо-
стный взоръ возводишь. Другіе день и
ночь спрахомъ объяшмы пррпещушь, видя
съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ
за другомъ гражданъ и единородную
кровь по спогнамъ проливающихъ; но
ты единокдушныхъ сыновъ единыя общія
всѣхъ Машери согласнымъ подданствомъ
украшаешся, Иные отъ пресѣченія ку-
печества, отъ разрушенія художества,
отъ попранія земледѣльства нагошу и
алчбу прешерпѣвають; но въ тебѣ купе-
честву пуши открышы, отворены при-
спани, наполнены богатствомъ торжи-
ща, возраспають науки и художества,
и жилищицы швои преизобилують. Иные
хотя отъ военного шума и спраха сво-
бодились, однако видяшь плачевныя слѣ-
ды своихъ сопоспаповъ, и суровой оныхъ
видъ ясно еще изображается въ ихъ мы-
сляхъ; но тебя въ непрерывной ши-
шинѣ покоящуюся ниже въ сонныхъ
привидѣніяхъ военные спрахи возму-
щаютъ. Сіе швое дражайшее и сыагое
спокойство отъ единого премудраго по-
печенія прозорливья швоея Государыни
происходишь. Ея провидѣніе и про-

мысль довольствуешь себя изобиліемъ ,
увеселяешь общимъ согласіемъ , обога-
щаешь купечествомъ и безмятежнымъ
земледѣльствомъ , украшаешь возлюблен-
нымъ миромъ , и громкою своею славою
вселенную наполняешь. Сіе совершенное
наше удовольствіе , общее увеселеніе ,
обильное обогащеніе , пріятное украшеніе ,
сію всемірную нашу славу умножаетъ
несравненная Монархія божественнымъ
своимъ человѣколюбіемъ , когда возвы-
шенная до шолікой вышши власши и
величества ; кошорой уже человѣческое
могущество превзойши не можетъ , край-
нимъ къ подданнымъ своимъ снисходи-
тельствомъ превыше смертныхъ жребія
возходитъ. Чшо пріятнѣе человѣческому
сердцу , и чшо чрезвычайнѣе на свѣтѣ
быть можетъ , какъ Государыню , Пове-
лишельницу величайшей части свѣща ,
опъ всѣхъ племень и Владыхъ земныхъ
почишаемую , ласковымъ взоромъ , кроп-
кою бесѣдою и милосердымъ пріятіемъ
рабовъ своихъ удоспоевающую видѣшь ?
Но мы таковымъ пріятнымъ зрѣніемъ
улаждаемся по вся дни. Оплачивается
человѣколюбивая Государыня наша опъ
великаго множества окружающихъ Ея
подданныхъ не кичливымъ возрѣніемъ , не

Часть II.

21

уничтожительнымъ гласомъ, не страшнымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ величествомъ, тихою властію, благороднымъ снисходительствомъ и нѣкопорою божественною силою вливающею несказанную радость въ сердца наши. Обращается при врашахъ пресвѣтлаго Ея дому не ужась и препешъ, но крошкое челоуѣколюбіе, привлекающая сердца всѣхъ милость и надѣжный спражь Величества вѣрная любовь подданныхъ. Входящіе въ него не озираются безпрестанно, спѣнь самихъ ужасаясь, ниже препещущія споны сомнишельно проспирають; но предва-
ряющему ихъ веселію едва въ слѣдъ успѣвая, въ священные Ея черпоги свѣ-
лымъ лицемъ шествуютъ. Нѣтъ нужды испытать сокровенныя ихъ мысли: являет-
ся у каждаго на очахъ красота общаго удо-
вольствія, и на распростершыхъ челахъ радостныхъ сердець знаки написаны. Ко-
ль пріятнымъ чувствіемъ обливаются сердца взирающихъ на толь снисходи-
тельное Величество! И кое прохлажденіе
вшекаетъ въ кровь оцѣпенѣвающихъ по-
винныхъ, когда о милосердіи своѣя Госу-
дарини помышляютъ, къ изображенію
котораго челоуѣческое слово едва довольно
быть можетъ! Ничшо естъ толь по-

хвально, какъ крошость, ни единой добродѣтели благоутробія нѣтъ любезнѣе, ничѣмъ естество человѣческое къ божественнымъ свойствамъ не подходитъ ближе, какъ прощеньемъ повинныхъ и свободеньемъ отъ надлежющей казни. Но гдѣ велегласнѣе милость на судѣ хвалятся, гдѣ крѣпче объемлется правосудіе и милосердіе, гдѣ обвиненіе и прощенье иѣснѣе сопрягаются, гдѣ осужденіе и свободеніе союзнѣе другъ друга лобзаются, какъ предъ Высочайшимъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА престоломъ? Пускай другіе, лишая жизни, обагрятъ мечъ свой кровію, умалятъ число подданныхъ, повергая предъ народомъ разперзанные человѣческіе члены, устрашишь злыхъ и пороки изпреблешь; но премилосердая Монархія наша больше благоутробіемъ и щедрою успѣваетъ. Пускай другіе ужасными, но Мати Россійская радостными примѣрами исправляетъ человѣческіе нравы. Иные строгою и нерѣдко безчеловѣчною казнію хощатъ искоренить злобу; но Она щедрымъ награжденьемъ вкореняетъ добродѣтель. Еслии кпо, имѣя великій садъ, шолько объ одномъ изпребленіи тернія печется, забывъ плодоносныя дѣрева и прекрасныя цвѣты напаятъ по-

*

пробною влагою, шопъ не въ долгомъ времени увидишь дрова свои сухи и безплодны и цвѣты увянувшіе опъ зноя; напрошивъ шого кшо дрова плодоносныя и процвѣщающія травы въ приспойное время орошаешь, презирая плевы и шокмо прохожденіемъ поцирая, шопъ насладишься изобиліемъ дровъ плодоносныхъ и красотою цвѣшовъ возвеселишься, которые усилившись, изсушають шучность и соки негодныхъ и вредныхъ прозябеній, прекращаются шѣхъ ращеніе и корень изплѣешь. Подобнымъ образомъ хопя и полезно естъ шсрое надъ повинными исполненіе законовъ, но безъ награжденія добродѣтели шщетно, и больше приводитъ въ уныніе добрыхъ, нежели злыхъ исправляешь: напрошивъ шого награжденіе добродѣтели и снабдѣніе заслугъ при крошкѣ наказаній пороковъ едино сильно, едино къ исправленію народовъ челоѣческихъ довольно: ибо чувшвуя себя презрѣнныхъ и поправныхъ злые, и видя возвышенную добродѣтель, наслаждающуюся праведною своею мздою, зависію угрызаемы изшають, или обрапившись, ревностнымъ подражаніемъ шого же доспойными себя учинишь спараться будущъ. Таковымъ благоразумнымъ

милосердіемъ щедрая Государыня въ рас-
простирающейся широко Россіи распло-
дишь добродѣтель и пороки искоренишь
пщишься! Наказуешь матерски, Монар-
шески снабждаетъ, исправляетъ безъ
спрогосни, съ избыткомъ награждаетъ,
воскрешаетъ избавленіемъ пресупив-
шихъ, заслужившихъ благодѣяніемъ обо-
дряешь. Таковую ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА осо-
бливую добродѣтель хоша всякъ вѣрный
подданный, хоша все Россійское Государ-
ство чувствуетъ, хоша повсюду щедрая
Ея рука обильные дары изливаетъ, шакъ
что скорѣе голосъ мой ослабѣетъ, языкъ
пришупишься и слово оскудѣетъ, нежели
подробну Ея благодѣянія изчислишь;
однако учрежденное отъ дражайшихъ Ея
Родителей сіе собраніе великодушнымъ
щедролюбивымъ Государыни приэрвнѣемъ
шакъ удовольствовано и шакъ снабдно,
что крайнѣйшею благодарностію усерд-
ствуя, ни вящшаго себѣ благополучія
представишь, ниже къ засвидѣтельствво-
ванію своего удовольствія и рабской ис-
кренности удобныхъ способовъ изобрѣ-
сти можешь. Сіе благодѣяніе шѣмъ боль-
ше, шѣмъ преславнѣе и Петровою
Дщерію досшойнѣе, что не токмо до
насъ единыхъ, не токмо до учащагося

здѣсь юношества, но до всякаго чина и званія, до всего Россійскаго Государства, до всего рода человѣческаго касаешься. Ибо нешокмо мы довольствуясь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА щедротами, иные въ опкровеніи естесственныхъ тайнъ и въ изслѣдованіи пречудныхъ дѣлъ премудраго Создателя въ спокойствіи улаждаемся; иные преподавая наставленіе учащимся, съ радостию чувствуемъ являющіеся плоды трудовъ нашихъ; не шокмо учащіеся питаемы обильною Ея рукою безъ попеченія о своихъ потребностяхъ, только о наученіи спарашься могутъ, но общее благополучіе предлагаешься. Нѣтъ ни единого мѣста въ просвѣщенной ПЕТРОМЪ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единого человѣка, кошорой бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Чшо свяще и чшо спасительнѣе бытъ можешь, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы его престолъ взираешь мысленно, и проповѣдываешь его величество, премудрость и силу? Къ сему ошворяешь Астрономія пространное рукъ его зданіе: весь видимый міръ сей и чудныхъ дѣлъ его многообразную хитрость Физика показуешь, подавая обильную и богашую

матерію къ познанію и прославленію Творца отъ швари. Чѣмъ полезнѣе естъ человѣческому роду ко взаимному сообщенію своихъ избытковъ, чѣмъ безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, чѣмъ путешествующимъ по разнымъ Государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, печеніе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? Сіе ясно показуешь Географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ: Чѣмъ военныя сердца вяще къ мужественному прошивъ враговъ дѣйствию и къ храброму защищенію опечесства побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ Героевъ? Сіи приводишь на память Испорія и Стихошворство, которѣе прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляешь: обоими прехвальныя дѣла Великихъ Государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности испоргаются. Чѣмъ превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляешь разумъ, показуешь непрелестный путь произволенію, укрощаешь человѣческія страсти, и естественные и гражданскіе законы, утверждаешь? Сіе исполняешь

Философія. Чшо есть челоуѣку жизни своей дороже и чшо любезнѣе здравія? Обои сіи Медициною сохраняющся и продолжающся. Чшо въ челоуѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ машинъ и знанія внутренняго вещей сложенія? Сіе открываесть Химія; Механика оныя составляетъ. Всѣ сіи почною и оспорожною Машемашикою управляющся. Всѣ къ приращенію блаженства челоуѣческаго хоща разными образы, однако согласною пользою служащъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролубивыя Государины нашея благодѣяніе въ Россіи умножашся, процвѣшпуть, и принесуть обильные плоды въ свое время. Произрасшеть здѣсь насажденное ПЕТРОМЪ, огражденное милосцію и напоенное щедрошю достойныя шолікаго Родителя ДЩЕРИ прекрасное премудрости древо; возрастеть и вѣшвы свои распрощепеть по всей вселенной. Отверзша богатою ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА рукою широкая дверь наукамъ въ просшпанную Россію, въ которой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распрощираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрѣтающъ, и въ новомъ великолѣпїи на нечальной

высотѣ, на самомъ верьху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту показушь, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ опдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ рассылюшь. Ибо гдѣ удобнѣе совершишься можешь звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной **ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА** державѣ, надъ копорою солнце цѣлую половину своего шенія совершаетъ, и въ копорой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ единое мгновеніе видѣшь можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верьхахъ и въ нѣдрахъ горъ выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ пропекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ полныхъ дивными Божиими чудесами, подѣ **ЕЛИСАВЕТИНОЮ** державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимой

Ея силою огражденной? О коль великое
благодѣяніе отъ сего Монархини нашея
щедролубія во весь свѣтъ распростра-
нился! О коль вождѣнно благополучіе
ваше, Россійскіе юноши, которые толи-
кою милостию щедрыя Государыни пи-
таемы, въ радостныхъ трудахъ упраж-
няетесь! Предсавъше себѣ будущее ваше
состояніе, къ кошорому вы избраны, со
благоговѣніемъ внимайше, что Августѣй-
шая ИМПЕРАТРИЦА, довольствуя васъ
своею казною, маперски повелѣваетъ:
Обучайтесь прилѣжно: я видѣшь Россій-
скую Академію изъ сыновъ Россійскихъ
состоящую желаю; поспѣшайше дости-
гнуль совершенства въ наукахъ; сего
польза и слава ошечества, сего намѣре-
ніе Моихъ Родителей, сего Мое произ-
воленіе требуетъ. Не описаны еще дѣла
Моихъ предковъ, и не воспѣша по до-
стоинству ПЕТРОВА великая слава.
Просширайтесь въ обогащеніи разума и
въ украшеніи Россійскаго слова. Въ про-
спранной Моей державѣ неоцѣненнымъ
сокровища, кошорыя наша обильно
произноситъ, лежатъ пошечены, и только
искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайше
крайнее стараніе къ познанію вещей
естественныхъ, и ревностно старайтесь

заслужить Мою милость. Сіе щедрое ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, усѣивайте въ печеніи вашемъ. И вы, которыми входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Пепрова, попеченія Екашеринина и Елисаветина великодушія щедно не ославляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскими дѣлами изъ мѣстъ судебныхныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Пепровыхъ, предстоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго Ея дома, спроящіе и управляющіе флотомъ Россійскимъ съ верховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ приспанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись. Правда, что прекрасное сіе Музъ жилище къ несказанной нашей и крайней горести, печали и сокрушенію нечаяннымъ злоключеніемъ отъ грознаго пожара пріятный видъ свой на плачевное позорище перемѣнило, на которое мы едва безъ спенанія и слезъ взирать можемъ; но въ сей нашей скорби едино имѣемъ

ушѣшеніе, на едино щедролубіе Всемило-
стивѣйшія Государыни нашея уповаемъ,
вѣдая, что нѣтъ такой напасти, нѣтъ
таковаго несчастія, которое бы великоду-
шіемъ Ея превышено и щедрою рукою
ошвращено не было. Толь велико естъ
щедролубіе несравненныя **МОНАРХИНИ**
нашея! Толикою добродѣтелію украшенъ
престоль Всероссійскій! Таковыхъ Мо-
нарховъ посылаетъ Богъ на землю, когда
онъ смертныхъ милуетъ; шоль благоче-
стивыхъ, когда моленія ихъ слышатъ и
приношенія пріимать соизволяетъ; шоль
мужесшвенныхъ и великодушныхъ, когда
враговъ ихъ повергнушь и посрамишь
хочешь; шоль премудрыхъ, когда блажен-
ство ихъ умножишь предприемлешь; шоль
человѣколюбивыхъ, шоль милосердыхъ и
шоль щедрыхъ, когда ихъ ушѣшишь,
умножишь и ущедришь преклоняешся!
**Красуйся великими сими Вышняго дара-
ми, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДА-
РЫНЯ,** и божесшвенными Твоими благо-
дѣяніями увеселяйся! Куда швое пре-
свѣшное око ни обратишь, вездѣ ра-
достныя лица Твоихъ подданныхъ, вездѣ
избавленныхъ Твоимъ великодушіемъ, и
шолько милосердіемъ Твоимъ живущихъ,
вездѣ обильно Тобою награжденныхъ и

Тобою возвышенныхъ видѣть. Вся Сѣверная страна хоща во всякое время, однако особливо въ сей пресвѣтлый праздникъ по прошествіи плодоноснаго лѣта и при окончаніи благословенной осени, опъ земли плодами, опъ моря богатствомъ, опъсюду своимъ щастіемъ изобилующая, многочисленными торжествующихъ гласы превозносишь Твое преславное на опетескій престолъ возшествіе и оныя восклицанія, кошорыя тогда опъ внезапной радости и опъ истинной любви происходили, нынѣ многократно повшоряешь. Наше неопи-санное удовольствіе и крайняя благодар-ность хоща никоимъ краснорѣчіемъ изо-бражены бышь не могушь; однако искрен-ную ревность и рабскую вѣрность нашу **ВЕЛИЧЕСТВУ ТВОЕМУ** симъ засвидѣ-тельствовать шчимся по мѣрѣ силъ нашихъ, вѣдая, что Богъ и Божію власъ на земли имѣющіе не столько на хитро-сплетенныя риторическія сложенія, сколько на чистое усердіе взирающъ.

PANEGYRICVS
ELISABETAE
AVGVSTAE RVSSIARVM
IMPERATRICI,
PATRIO SERMONE

dictus orante

MICHAËLE LOMONOSOW.

Latine redditus eodem Auctore.

Quodsi hoc illustri solemnique die, Auditores, quo sub faustissimis auspiciis clementissimae Principis nostrae innumerabiles populi, placidissima tranquillitate fruentes, triumphant gaudio, et gloriosissime suscepti haereditarii Imperii suauissima memoria oblectantur, fieri posset, vt nos laetitiae elati, relictæ terrarum sede, eo altitudinis pertingeremus, vnde amplissimum Illius Imperium oculis subüicere, et hilarissimas gestientium voces ab oriente sole ad occidentem personantes, ac FLISABETAM ad sidera efferentes exaudire liceret; quam

puſchrum, quam magnificum, quam iucundum nobis ſpectaculum præberetur! Quam multiplici ſolenſium forma perfrueretur animus, ſi per vrbes firmitus pace, quam muris munitas, perque rura plenis hordeis beatiffima, ad maria a bellorum procellis et metu libera, inter amnes amoeniffimas ripas ditiffimis vndis interfluentes, per campos vbertate et ſecuritate pulcherrimos, per montes ſublimius proſperitate ſurgentes, perque colles lætitia exultantes, diuerſos incolas diuerſo ritu, diuerſos ordines diuerſa pompa, diuerſos populos diuerſis linguis, vnā efferre laudibus, vnā lætis acclamationibus extollere, per vnā eandemque clementiffimā ſuā Dominā ſe beatos prædicare, ſenſu perciperemus! Hinc religioſiſſimum ſacerdotum ordinem cum ſurgentibus ad cœlum thuris odoribus miſcere ſupplices voces et vota pro incolūmitate Autocratoris ſuæ protegentis et ornantis alta in pace eccleſiam Dei; inde inſonare per aëra ſociatos lætiſſimo paſſificorum armorum fragori triumphales plauſus Ruſſiaci militis ardentiffimum amorem erga feliciffimā ac liberaliſſimā Dominā ſuā teſtantis; hic proceres atque ciues feſtiuum celebrare conuiuium, crebrisque vſurpare ſermonibus PETRI Magni

labores, quibus vigilantissima eius Fīlia summam imponit manum; ibi post fertilissimae aetatis sudores, circumcollectas sine strepitu fruges, choros agere ac tripudiare agricolas, et rustico quidem carmine, sincero tamen ex animo Propugnatricem suam decantare; tum nautam fidissima fretum statione superatos procellarum furores laeta memoria repetere, et geminato gaudio diem hunc celebrare; rursus per vastissimos Asiae tractus campestres incolas equitare alacres, missisque mira arte sagittis indicare, quam prompti paratique sint, eas super hostes Dominae suae fundere. Quamvis autem humanae conditionis ratio haud patitur, nos tam sublime euehi, tantique spectaculi variatate recreari, tamen mente exsurgimus, et publica gaudia vsquequaque animi oculis contuemur, qui praesertim ad antiquam Imperantium sedem, expectatissima praesentia Serenissimae Imperatricis illustratam respiciunt. Saepius animus noster, perlustrata solennium varietate, qua felicissimum Russiae Imperium hodie exornatur, ad AVGVSTAM conuertitur, et disseminata passim gaudia in serenissimo Illius ore locata reperit. Ex hoc enim veram pietatem delicias Ecclesiae, ex hoc masculum vigorem militaris incitamentum

virtutis, ex hoc clementem iustitiam. exemplum iudicum, et miserorum solamen, ex hoc sapientiam futuri providam et conscientiam remoti, etiam e longinquo lucem suam nobis offundere sentimus; hoc absentes ut praesentes colimus. Sed quis attentiore mentis oculo sanctissimos Illius vultus contemplatur, quam haec, quae ad propagandas in Russia optimas artes atque scientias a PETRO Magno fundata est, Academia, incredibili munificentissimae Eius Eiliae liberalitate restaurata? Non sylvae, non montes interpositi abscondere valent divinam Eius faciem, quae animis nostris infixata est. Obversatur nobis vividissima imago suavissimi oris, erectos nos esse imperantis, et oculorum mitissime nos inspectantium, et munificentissimae manus, prosperitati nostrae subscribentis. Exsuscitare, nascentes Musas erogando largissimos sumtus, stabilire earum securitatem scriptis consentaneis legibus, munire singulari gratia in propriam receptas tutelam, patefacere illis ad se liberiores aditus, demandata earum cura intimorum suorum procerum benevolentissimo, est amplissimum beneficium, cuius memoria nulla oblivione ex animis nostris delebitur; pro quo, adhibito summo ad propagandas optimas artes atque

scientias studio, et ornando munificentissimam Dominam laudibus, re ipsa et animo gratissimos nos testari debemus. Quo autem magis tempore aequum est, ad agendas optimae Principi gratias nos excitari, quam solemniissima hac die, Imperio Russiae mascula virtute Illius suscepto illustrissima, ubi singulari gaudio nostro publica celebratio coniungitur. Non se capitis pectoris angustias tantae laetitiae magnitudo, sed ex ore atque oculis multa et candida prorumpit. Intenduntur summae rationis et orationis vires ad exprimendas vere regias AUGUSTAE virtutes, delicias subditorum, miraculum orbis, gloriam et ornamentum seculi nostri.

Rem arduam, quae modulum ingenii mei excedit, aggredior, cum in hoc nobilissimo atque celeberrimo audientium coetû, tot eruditissimorum virorum nomine, pro incredibili munificentia, maximae inter Dominos terrarum Principi agere gratias atque laudes impertire incipio. Sed quum diligentius expendo, eandem haud ita difficilem invenio. Quod enim dicendi genus uberius invenire eloquentia, qua in re latius diffundi ingenii vires, ubi denique flagrantius spirare devotissimi amoris ardor potest, quam in laudibus tantae Principis

celebrandis? Et hanc meam linguam liberalitate Illius animatam quando flecti promptius, et istam meam vocem munificentia Eiusdem firmatam quando elevari altius par est, quam praedicando divinas Illius dotes? Non verbosa cogitationum exaggeratione amplificata, non exquisito verborum lenocinio compta, non artificioso Rhetorum incessu elevata erit haec oratio mea; sed quidquid fertilitatis, quidquid suavitatis, quidquid sublimitatis aut pompae habebit, id omne ingentibus AUGUSTAE factis, pulcherrimisque Eius virtutibus, atque devotissimo ferventissimoque amoris nostro acceptum feret. Quandoquidem aguntur gratiae Dominae piissimae: testes sunt tot exornatae divorum arae, exstructa templa, tamque crebra ieiunia, supplicationes et peregrinationes ad vota persolvenda institutae; aguntur gratiae Dominae fortissimae: testes sunt tot clarissimae victoriae a domesticis et externis hostibus reportatae; aguntur gratiae Dominae magnanimae: testis concessa illis delictorum et audaciae impunitas; aguntur gratiae Dominae sapientissimae: testis est prudentissime instituta rerum ordinatio ad pacem domi et foris firmandam; aguntur gratiae Dominae mansuetissimae: testis est materna Illius erga sub-

*

ditos comitas et acceptissima lenitas; aguntur gratiae Dominae clementissimae: testis est innumerabilis multitudo liberatorum a mortis poena, et concessus Illi a Deo gladius ad punienda crimina nondum sanguine humano tinctus; aguntur gratiae Dominae liberalissimae: testes sunt amplissimis praemiis ornata fidelitas, honorata praeclearis muneribus merita, erecta opibus egens et fracta calamitate probitas. In amoenissimo, florentissimoque campo animus exspatiatur meus, et inter varios pulcherrimarum virtutum flores ambiguus versatur! Omnes sunt memorandae, amplectendae omnes; ex omnibus elucet, quam nobili stirpe tanta laudum seges sit procreata. Ex omnibus atque singulis AUGUSTAE virtutibus patet Serenissimorum Illius magnitudo Maiorum, quibus resuscitata, elevata, firmata, amplificata, illustrata Russia super omnes terrarum gentes caput suum effert, quorum splendida facinora, magnaue erga patriam merita non minus ad laudes Principis nostrae pertinent, quam Eius procreatio ab illorum sanguine derivatur. Idcirco adumbtare hic vobis MICHAELEM, tenera in aetate, propter gemitum et lacrimas maiorum nostrorum susipientem cum regio diademate grave onus prostratae Russiae,

renovantem dirutas urbes, instaurantem
eversas aras, congregantem fugatos et dis-
persos cives, resarcientem direptos Imperii
thesauros, exterminantem nefarios Russiaci
sceptri usurpatores, et Mosquam ab infe-
stissima audacissimorum hominum peste li-
berantem, et a lugubri vastitate revocan-
tem; proponerem vobis prudentissimum et
fortissimum ALEXIUM vigore animi exus-
citare Russiam, iam suos monentem lacer-
tos, firmare fortunam subditorum salutaribus
legibus, exercitum militari disciplina,
Ecclesiam exstirpata haeresi, circumferre
victricia arma sua per Sarmatiam, magnas-
que provincias, ad Russiam antiquitus per-
tinentes, iustissimo bello recuperare; redi-
gerem in memoriam vestram PETRUM,
nomine Magnum, rebus gestis maximum,
ut divinae sapientiae lumine illustraret Rus-
siam et fortitudine orbi terrorem iniiceret,
ut altera manu sceptrum teneret atque gla-
dium, altera optimas amplecteretur artes,
et regendi arte omnes terrarum principes,
laborum patientia servus suos vinceret, ut
exterminaret barbariem et introduceret scien-
tias, ut impleret novo exercitu terras, no-
vaeque classe maria occuparet, ut bellicas
artes suo stabiliret exemplo, et secum pa-
triam ad sidera extolleret; depingerem vo-

bis Heroida pulcherrimam CATHARINAM Augustam, inter barbarorum incursus, inter fragorem armorum et globorum stridorem immotam animo, sapientissimo Principi sapientissima consilia adferentem, coronatam denique Illius manu, et interruptos morte indefessi Russiaci Herculis labores foemineis, fortissimis tamen, humeris suscipientem; verum tamen ad proprias Autocratoris nostrae virtutes atque pulcherrimas animi dotes festinat oratio mea, in illis solum vires consumtura suas, non equidem singulis enumerandis, sed potioribus percensendis. Quapropter praetereo tacitus excellentem pulchritudinem formae Eius, pulcherrimi indicem animi; non commemoro honorem capitis ad portandum diadema nati, non proceritatem, non firmitatem corporis, principibus decoram, non sacratissimus os, gratiarum sedem, non serenissimos oculos, hilaritatis et solatii fontes. Nam omnibus spectandam se praebeat clementissima Princeps. Spectant omnes et clarissime in animo repraesentant, sic PETRUM Magnum circumtulisse oculos, cum renovari a se Russiam contemplaretur; sic elevasse vocem, cum ad praelia milites, ad laborem subditos exhortaretur, sic extendisse manum, cum instauraret artium scientiarum-

que officinas, cum instrui aciem, vel portu excedere classem imperaret; sic elevasse caput, cum ingrederetur captas urbes, et proiecta hostium arma calcaret; sic erectum incessisse, cum surgere sua moenia, reformari iudicia, aedificari naves, et mediis ex undis arces, atque portus erigi cerneret. Non praedicandis AUGUSTAE speciei miraculis immorabor, verum omnem meam operam conferam ad excellentissimas animi dotes, pulcherrimasque Principis nostrae celebrandas virtutes, quarum ducit chorum suavissimo Deo, suavissima mortalibus pietas, firmum praesidium regnorum, decus et ornamentum diadematum, certissima fiducia in praeliis, arctissimum vinculum societatis humanae. Quam perniciosae turbae, quam cruenta luctuosaque bella inter gentes, cognatione sanguinis et sermonis sociatas, religionis dissidio concitantur, tam stricto amoris nexu coniungit illas unitas fidei, quae multum quidem doctrina, plus tamen exemplis corroboratur. Felix est Russia, quae una lingua unam fidem profitetur, et unius piissimae Principis imperio administrata maximum documentum, et verae devotionis instar, in illa coram constitutum habet. Videt ut sidera caeli collucere ubique divorum aras, sanctissi-

misque Eius votis in dies magis magisque clarescere. Saepius miratur tot populorum Dominam, cui terra, maria et aër in supeditando victu famulantur, fidei constantia roboratam, parcissimo cibo diuturna ieiunia solari; eam denique, ad quam portandam non solum superbi currus et lectissimi equi, verum etiam humeri cervicesque nostrae sunt paratae, divino amore excitatam, inter suos subditos, ad celebrandas religiones, longa itinera pedibus emetiri. Quanto Dei amore inflammantur nostra pectora, quantaque fiducia gratiam illius nobis exspectamus, quando Principem nostram simul nobiscum adstare altaribus, et devotissimo animo ardentissimisque precibus sacra prosequi, ante oculos habemus! Quam animosos et alacres ad conserendas cum hostibus vires praebent se Russiaci milites, cum persuasum habeant, fortissimum in praeliis Deum, Deum piissimae suae Dominae propitium, pro illis depugnaturum stare in acie! Quanto gaudio perfunduntur sanctissimae religiones acceptissimis Deo salutationibus Eius celebratae! ornata piissimis Illius votis, tanquam sponsa nuptialium celebritate sacrorum, triumphans Russiaca Ecclesia, purpura auroque fulgida, magis autem laetitiae et gloriae maiestate

eminens, ascendit ad circumfusus divina luce sponsi fui solium, et splendidissimum cultum suum ostentans, sic, inquit, exornat me in terris suavissima tua ELISABETA; exorna sceptrum et diadema Eius decore perennis gloriae: auget dignitatem/meam in mundo; amplifica potentiam Eius super omnes terrarum dominos: visitat me devotissima visitatione; visita Illam semper visitatione gratiae tuae: firmat columnas meas in Russia; firmam ac inconcussam valetudinem Eius conserua: affert mihi opem et auxilium ad conterendam impietatem; affer opem et auxilium Illi ad conterendos superbes et invidios hostes, et divino tuo numine ac virtute tua desuper tuere Illius militiam. His sacratissimis Ecclesiae vocibus consentiunt omnium subditorum vota. Hinc credimus, invictum illum piorum propugnatorem, gloriae Dominum, in omnibus Principis nostrae consiliis et conatibus ducem et auspicem esse, et altissima dextra sua dirigere Eius fortitudinem, cui non illi, qui insederant atque inveterarant in visceribus Russiae, non qui fines illius oppugnaturi erant, hostes resistere valuerunt. Ad hos enim debellandos unius aestatis curriculum, ad illos vero opprimendos una nox suffecit. Obsessum firmis praefidiis patrium

diadema, fortique manu occupatum sceptrum recuperare, et magna vi praereptum Russiae Imperium redigere in ditionem, est facinus virili etiā animo formidabile, et a magno Heroē vix perpetrandum. At divino Numine excitata Princeps nostra, paruo satellitio fidelium patriae filiorum comitata, obstantia contemnit et vincit fata, triumphum sine sanguine agit et publicum adfert gaudium, haereditatem consecuta. Pulcherrimum admirandumque spectaculum animo praebetur meo, cum mihi repraesento, praeire cum signo Crucis virginem, armatos milites sequi; Illam patria virtute et ardentissima erga Deum pietate, hos devotissimo erga Ipsam amore incendi; Illam ad explenda totius Russiae vota, hos ad exequendam Illius voluntatem festinare; Illam victoriae iam proximam cruentam victoriam abhorrere, hos orbis terrarum potentiam Illius causa oppugnare non dubitare! Quid vero tandem sequitur? Obstupuerunt praesidiorum cateruae, cum PETRI FILIAM venire sentirent, et sensu carentia arma trepidantibus excussa manibus coram legitima Domina sua procubuerunt. Perfunditur lumine Regia, Illa intrante, collustratur thronus, ascendente, et exsultantibus Russiae civibus etiam moenia PETRI se com-

mosse sunt visa. Contremuerunt tum perfida Bothnica littora, et ingruentes finibus nostris superbi hostes repentino terrore exanimati diffidere rebus suis coeperunt, et fugam potius maturare, quam praelium committere cogitabant. Repraesentabant perterritae eorum mentes PETRUM Magnum in fortissima illius FILIA redivivum. Oberrabat illis tristissima et sanguinolenta imago suorum patrum, per Poltavæ campos fusorum. Concipiebant animis gentis suae myriades super divisos infinita vastitate interiacentis soli campos duci captivas, flammis corripì urbes et agros, traicì siccum pariter ac freta triremibus, erumpere ex mediis maris fluctibus equites. Equidem profligati erant praelio hostes ad Willmanstrandiae muros; ambiguo tamen diu certatum est marte; senserunt strenuae Rusiaci militis manus obstantem pertinaciam, cruentamque palmam obtinuerunt. At quamprimum patrium sceptrum et gladium suscepit Augustissima Virago, tum non secus ac rapacissimo quodam turbine concussi in fugam se coniecerunt, desertisque munitionibus, firmissimis moenibus, praecisis sylvis, et rapidissimis fluminibus, non solum non cogitarunt ea defendere, sed ne respicere quidem sunt ausi, cum metu ab-

iecti cogitarent, nec uliginosas paludes, nec torpentes lacus, nec alta praecipitia remorari posse iustissimam Principis nostrae iram, et impetum fulminei Eius militis. Denique eo angustiarum erant compulsi atque coacti, et victore exercitu ita claudabantur terra marique, ut, si non magnanimae Victricis lenitas illis saluti fuisset, tum nemo eorum mortem effugisset, nec uuncius quidem tantae cladis superfuisset, qui omnium interitum domi prius referret, quam celeberrima Principis nostrae fama id divulgaret. Haec victoria eo fuit maxime memorabilis, quod et Mars ipse mitissimum Principis nostrae ingenium imitari, et humano sanguini parcere videretur, et tota Europa iudicaret Russiam non bello cum hostibus decertasse, sed solum temeritatem poena affecisse. Res sermonibus gentium est percelebrata, magnanimitatem propriam Principis nostrae esse virtutem, qua erga infensissimos etiam hostes suos utitur, cuiusque ante devictos et confusos externos, etiam erga domesticos inimicos magnum exhibuit specimen. Confugit in sinum Illius conturbata Russia, et voce lectissimorum filiorum suorum sic fidem et amorem suum testata est: Recipe me maternos in amplexus Tuos; capesse haeredi-

tarium sceptrum Tuum, et patria virtute animata, omnibus obstaculis esto maior. Pone fiduciam in Deo, qui iustae Tuae causae et salutaribus coeptis aspirabit; pone fiduciam in Te ipsa, quae unica es legitima haeres; et Filia mei sideris; pone fiduciam in me, quae, quidquid firmamenti ac virium habeo, saluti et gloriae Tuae propugnandae impendam, perque concisa hostium Tuorum corpora viam ad solium Tuum recludam. At magnanima Princeps maluit potius haereditate Sua ad tempus privari, quam illam adire profuso sanguine. Tandem vero periculo et nutatione patriae coacta magis, quam maiestatis desiderio mota, accedit ad gubernandum, seu verius ad conseruandum Imperium. Constituta in summa rerum omnium potestate, in eos, qui patria haereditate Ipsam excludere, qui nefaria insectatione affligere, et impudentissimo fastu contemnere non dubitarunt, quamnam vindictam exercet? divina lege atque humana, optatisque Russiae civium ad acerbissimos cruciatus, ad atrocissimam mortem condemnatos, tantum a serenissimo conspectu suo vult esse remotos, et qui vita indigni iudicati sunt, licentiore solum vita privatos vivere iussisse contenta est, et hac moderatissimi

animi gloria magnum suscepti Imperii atque heroicum facinus maius reddit atque illustrius. Haec autem AUGUSTAE magnanimitas tanta est, ut etiam ultra vastissimi Russiarum Imperii fines ad exteras gentes exundet. Victa est Suecia Illius armis, sed magis victa magnanimitate Eiusdem; stupet invictissimum Illius exercitum, sed magis suspicit generosam animi excellentiam. Quandoquidem acceptis tot commodis totque praerogativis invictissima Princeps cum victis penitus pacem componit, vel, ut verius dicam, veniam temerariis tribuit. Qui omnem hostium exercitum victum comprehensumque, et ex arbitrio suo pendentem tenet, ac ipsum belli impetu perculsum atque prostratum, attollit, nonne is culpam potius remittere, quam pacem componere dicendus est? Sed longius progreditur praeclara haec Principis nostrae virtus, magis illustre exemplum magnanimitatis exhibet Russiaca Herois. Etenim non solum data hostibus impunitate, tranquillissimam pacem et subactas ante armis suis eorum terras illis restituit, verum etiam eadem arma ad ipsos propugnandos extendit; reprimit ingruens illis novum bellum, atque firmata regni haereditate, asserit eorum libertatem. His perpensis, conside-

ratoque florentissimo statu Russiaci Imperii, et ubertate amplissimae Patriae nostrae, perspectaque lenitate, qua clementissima Princeps nostra tot adorantes Ipsam populos moderatur, num etiam existimatis, finitimae gentes, generosum Illius animum ad vindicandas sibi alienas terras esse pronum? Inviasne paludes concupiscet, quae tot longe lateque patentes fertilissimos campos possidet? torpentiumne stagnorum desiderio afficietur, quae super tot annes, vastissimo Nilo ampliores, uberrimis undis in obedientia illius profluentes, sceptrum suum extendit? et quae in terris lacte et melle affluentibus dominatur, rupesne et saxa sterilia requirit? Quamvis enim strenuissimum Russorum exercitum ad arma capienda propinctum, classemque ad frangendos Balticos fluctus instructam esse, omnem denique militiae apparatus adornari non ignoratis, eo tamen non bellum cuiquam comparari, sed securitati nostrae a Sapientissima ELISABETA provideri intelligite. Peritus nauta non furentibus solum fluctibus et procellis, verum etiam, cum mitissimum coelum sit, vigilat, firmat armamenta, vela expedit, observat sidera, coeli vicissitudines animadvertit, in distantiam littorum computatione inquisit, pertentat altum maris, et scopulo-

rum fraudem evitare curat; simili ratione Sapiientissima ELISABETA quamvis laetissimis oculis videt suos subditos carissima, quam illis attulit, pace frui; verum tamen etiam futurae eorum indolentiae prospicere non desistit; tuetur illos explicato terra marique exercitu, eosque, qui armati nobis sunt impares, animo bellum gerentes acutissima mente observat; scrutatur profundos cogitationum recessus, ubi placida quiete clandestinus dolus adumbratur; expendit praeterita, praesentia discernit, ac praevidet futura. Itaque si quis prosperitati nostrae invidens eo insolentiae furorisque processerit, ut amantissimam pacis Principem nostram excitet ad iram; nae ille, sive interfuso mari, sive vastissimis amnibus, aut denique montium praecipitiis defenditur, vigilantissima Illius cura omnia persapienter provisa experietur, indignationemque Eius sentiet ita, ut poena percussus, interceptum esse mare, exaruisse amnes, et montes in apertas planities subsedisse, nec classem Russiacam, sed terras nostras sibi illatas arbitretur. Fruere suavissimo otio tua, carissima patria, et sub auspiciis sapientissimae Autocratis tuae tranquillissimi seculi utere deliciis. Quam segura est felicitas tua? Quanto multis aliis populis es bea-

tior? Quidam enim luctu perditum fumantes urbium ruinas respiciunt; tu vero surgentia ad nubes magnifica tecta laetis metiris oculis. Alii concitatam civium multitudinem dies noctesque stricto ferro concurrare et germanum sanguinem per viarum compita profundere, trepidantes spectant; tibi vero unanimi obedientia coniunctissimi communis omnium Parentis et Dominae filii augment ornamenta. Plerique interrupta mercatura, disturbatis opificis, desertaque agricultura, fame confecti algent; at tu apertam undique mercantibus viam, patentes portus, foraque ditissimis mercibus plena habes; tibi artes atque scientiae vernant, tibi horrea frugibus exuberant. Alii denique quamvis belli strepitu ac horrore iam liberati sint; luctuosa tamen vestigia hostis sui exhorrent, et ferocissimus illius aspectus adhuc illis ante oculos versatur: te autem in secundo vitae sine ulla offensione cursu nec per somnium oblatis praeliorum terrores turbant. Haec carissima, sanctissimaque otia sapientissimae tuae Principis cura tibi fecit. Illius providentia atque consilium auget tuas opes, afficit te publicae concordiae voluptate, locupletat imperturbata agricolarum mercatorumque diligentia, exornat incundissima pace, et incluta no-

minis tui fama orbem terrarum replet. Hanc consummatissimam indolentiam nostram, atque communem voluptatem, haec amplissima opum incrementa, iucundissima ornamenta, hanc denique celeberrimam gloriam nostram auget atque cumulat incomparabilis Princeps nostra incredibili mansuetudine sua, cum in summo rerum humanarum fastigio constituta, inusitata erga subditos suos comitate supra mortalium sortem evecta videatur. Quid enim pulchrius, quidve iucundius visu, aut quid minus usitatum est, quam terrarum Dominam, ab omnibus gentibus Principibusque venerandam, blando adspectu, placido colloquio et clementissima conversatione servos suos dignari videre? at nos tanti spectaculi voluptate saepissime fruimur. Discernitur mansuetissima Princeps a frequentissima circumstantium subditorum multitudine non fastuoso obtutu, non indignabunda voce, non minaci imperio, sed acceptissimo Maiestatis decore, mitissima auctoritate, generosa popularitate, et divino quodam numine, ineffabile gaudium pectoribus nostris inspirante. Versatur prae foribus sanctissimae Illius domus non terror trepidus, sed mitissima mansuetudo, devincens sibi omnes clementia, et fidissimus Maiestatis

custos amor populi. Hanc ingredientiētes non timidos oculos circumferunt continuo; parietum etiam conspectu perturbati, sed praecurrentem sibi laetitiam consecrando sacratissima alācres subeunt limina. Nec operta mentium rimari necesse est; extat in vultu cuiusque hilaritatis publicae decus; et in serenis frontibus animorum indicia praeleguntur. Quam iucundissimo sensu perfunduntur pectora eorum, qui tam comem Maiestatem intuentur! Quanto solatio recreantur pavidī fontes, cum clementissimae Elisabethae misericordiam animo expendunt, quam nulla vis dicendi complecti potest! Nihil est tam laudabile, quam lenitas, nulla ex virtutibus misericordia est gratior, nulla re homines propius ad divinam naturam accedunt, quam salutem hominibus et sentibus impunitatem dando. At ubi clementia in iudicio magis praedicatur, ubi iustitia et misericordia strictius coniunguntur, ubi convictio atque venia arctius sese amplectuntur, ubi denique condemnatio et liberatio coniunctus sese exosculantur, quam coram celestissimo Augustae Elisabethae solio? Occidant alii, ut velint, cives suos, eosque ad pauciores redigant, tingant ferrum sanguine, et discerpta hominum membra populo spectanda obiciant, eoque

*

terrere improbos et scelera exterminare contendant; clementissima tamen Princeps nostra misericordia et liberalitate plus proficit. Statuant alii terribilia ad perducendos homines ad frugem exempla; sed illa iucundissimis felicius idem exsequitur, cum virtutem beneficiis propagare studeat. Si quis horti cultor, de frugiferis florentibusque plantis irrigandis minus sollicitus, sola zizania excindere curat, ia flore et fructu brevi se frustratum sentiet; contra qui fructiferas arbores et nascentes flores humore perspergere tempestive studet, despiciendo lolium, et transitu solum calcando, is ex floribus voluptatem, ex fructibus utilitatem capiet, cum fructuosae interim arbores aut suis viribus succum et nutrimentum noxiis germinibus subducant, ariditate ac putredine ab stirpe interituris. Ita quoque licet utile sit legibus in scelera animadvertere, tamen, nisi etiam virtus iusto ornetur praemio, vix alicuius fructus est: cum eo bonorum animi magis percellantur, quam mali cogantur redire ad frugem. Contra, cum honoratur muneribus virtus, cum praemio afficiuntur merita, id solum, levior sit licet transgressorum punitio, sufficiet ad corrigendos hominum mores. Nam cum senserint se despectos et afflictos improbi,

cumque cohonestatam virtutem iusta sua mercede frui intellexerint, tum vel invidia confecti concident, vel converso animo a vitae pravitate, simili laudis honore dignos se praestare operam dabunt. Huiusmodi prudentissimo consilio utitur clementissima Elisabeta, quo in vastissimo Imperio suo virtutem propagare et scelera extirpare atque exterminare curat; castigat ut mater, ut Princeps afficit praemiis, emendat absque severitate, ex abundanti confert munera; resuscitat errore lapsos, salutem illis impertiendo, accendit muneribus bene meritam virtutem. Quamvis autem tantam Augustae liberalitatem quilibet fidelis subditus, omnisque Russia experiatur; quamvis munificentissima Illius manus passim largissima distribuatur munera; tamen instaurata a carissimis Parentibus Eius haec Academia, in tantum a magnanima Domina sua locupletata est, ut nec maiorem felicitatem desiderare, nec ad testandum gratissimum devotissimumque animum apta satis verba reperiri posse arbitretur. Hoc autem beneficium eo est maius, eo splendidius et Filiae Petri convenientius, quod non solum ad hanc societatem, non tantum ad consecratam studiis hanc iuventutem, sed ad cuiusvis ordinis atque conditionis cives,

totumque Russiarum Imperium, atque adeo ad universum genus humanum spectat. Quandoquidem non solum nos, sustentati Augustae liberalitate, quidam in perscrutandis naturae mysteriis, mirabilibusque operibus sapientissimi Creatoris contemplandis, operam nostram collocamus, alii instituendo studiosam iuventutem, germinantem iam segetem, laboribus nostris responsuram, laeti sentimus; non solum discentes largitate Autocratoris nostrae nutriti, omnibusque necessitatibus provisi, unice litterarum studio invigilare possunt; verum publica felicitas proponitur. Non locus est ullus in Russia, a Petro illustrata, ubi non fructum ferre possint scientiae; non homo est unicus, qui non commoda sibi ab illis praestolari queat. Quid sanctius, quidve magis salutare esse potest, quam perpendendo Dei opera, altissimam gloriae eius sedem mentis oculis contueri, ac maiestatem, sapientiam et potentiam eiusdem depraedicare? Hunc autem in finem patefacit Astronomia vastissimum eius opificium, mundum hunc adspectabilem, et stupendorum illius operum multiplex artificium ostendit Physica, atque uberrimam materiam offert ad cognoscendum et celebrandum Creatorem ex operibus eius. Quid[†] utilius

humano generi est ad communicanda mutua commoda, quid navigantibus tutius, quid magis commodum peregrinantibus, quam novisse situm locorum, fluviorum cursum, distantias urbium, amplitudinem, ubertatem et confinia regionum, mores, consuetudines, regiminaque populorum? haec clarissime ostendit Geographia, quae universi terrarum orbis vastitatem uni conspectui subiicit. Quid ardentius militares animos ad splendida facinora et ad patriam ab hostium impetu strenue propugnandam accendit, quam magnorum exempla Heroum? horum vero memoriam repetit Historia atque Poësis, quae vivis coloribus depicta praeterita, ut praesentia ante oculos sistit; utriusque beneficio celebranda magnorum Principum facta ex voracissimis invidiosae vetustatis faucibus eripiuntur. Quid excellentius mente concipi potest, quam id, quod dirigit rationem, rectam monstrat voluntati viam, compescit affectus, et naturae atque civitatis leges firmat? at id Philosophia praestat. Quid homini vita sua est carius, quid iucundius sanitate? utraque tamen prorogatur et conservatur opera ac praesidio Medicinae. Quid fructuosius est in republica machinarum usu, et cognitione interioris cor-

porum mixtionis? Hanc recludit Chymia, Mechanica illas componit. Omnes circumspecta atque considerata Mathesi diriguntur; singulae ad promovendam humani generis felicitatem, diversis quamvis modis, communi tamen fructu atque emolumento inserviunt. Omnes autem inusitata munificentissimae Principis nostrae liberalitate propagatae florem fructumque ferent tempore suo. Adolebunt hic iacta a Petro, munita gratia et irrigata largitate dignae tanto Parente Filiae scientiarum semina in felicissimam segetem, cuius fertilitas per orbem terrarum exuberabit. Patefactus est largissima Augustae manu spatiosissimus in Russiam Musis introitus; ubi opibus potentes et securitate fretae, nova incrementa, novum decus, novamque sibi gloriam consequentur, novoque splendore nitentes, praeter opinionem, in summo perfectionis fastigio constitutae, orbi terrarum spectandas sese praebebunt, et pleno suo lumine reliquam barbariei noctem ex remotissimis et vix fama notis regionibus dissipabunt. Ubi enim expeditius absolvi potest siderum et terrarum orbis scientia, quam in amplissimo Elisabetae Imperio, in quo dimidium sol peragit cursum, et luminaria singula ortum atque occasum simul oculis

usurpandum exhibent? Multifaria rerum et phoenomenorum facies ubi tanta varietate ac frequentia naturae scrutatoribus occurreret, quam in Russiae campis, quorum spaciosissima planities multiplici florum varietate superbit; aut in montibus ultra nubium tractum exporrectis, opibusque refferis; sive in amnibus, ab aestuosa India ad perpetuas nives aeternamque glaciem decurrentibus, denique in variis iisque vastissimis maribus, quae plenos mirabilium Dei operum fluctus sub Elisabetae sceptro devoluunt? Quod tandem hospitium securius reperire possunt Musae, quam longe lateque patens Russiae Imperium, providentia Augustae ab armorum strepitu remotum, et invictissimo exercitu Illius praemunitum? Quam amplum beneficium ab hac Augustae munificentia universus terrarum orbis accipiet! Quam exoptatissima prosperitas vestra, Russiaci iuvenes, qui tanta liberalitate Illius sustentati iucundissimis studiis operam tribuitis! considerate futuram prosperitatem vestram; animos venerabundi ad id advertite, quod Augustissima Imperatrix, erogando in vos sumptus amplissimos, clementissime iubet: Incumbite in litterarum studia: videre enim Russiacam Academiam ex civibus meis com-

positam cupio; festinate ad consummandum scientiarum cursum: id enim honor et emolumentum Patriae, id consilium meorum Parentum, id voluntas Nostra requirit. Non proditae sunt litteris Maiorum meorum res gestae, nec Petri gloriosa facta pro dignitate sunt decantata: conferte omne studium ad conqureddas ingenii opes, ad patrium sermonem excolendum; in vastissimo Imperio Nostro pretiosissimi thesauri, quos natura uberrime profert, in obscuro iacent, et peritioris manus scrutationem operiuntur: impendite indefessum laborem ad cognoscenda rerum naturalium arcana, atque his studiis gratiam nostram mereri contendite. Hoc clementissimo Augustae mandato accepto, pergite alacres, properate stadium laboris vestri. Vos autem, quibus ad Musarum sacra patet aditus, utilitati liberorum vestrorum prospicite; et Petri consilium, Catharinae curam, atque liberalitatem Elisabetae infructuosam vobis esse nolite. Non enim sine industria et consilio in media civitate sua serenissimi conditores Musarum sedem positam esse voluerunt; sed ut exercentes iudicia de tribunalibus, sagati de summis PETRI moenibus, purpurati ex Augustissima Regia, ii, qui classes instruunt, de navium tabulatis,

mercantes e foro atque portu, scientiarum et artium officinam etiam inter exequenda negotia sua haberent ante oculos; amarent atque suspicerent. Equidem pulcherrimum hoc Musarum domicilium repentino fato, quod nobis fuit summae sollicitudini, et foedissima flamma in luctuosum horrendumque spectaculum commutatum, vix sine gemitu et lacrymis praeterire, aut contueri possumus; hunc tamen doloris atque aegritudinis sensum sola Principis nostrae clementia minuit, in sola liberalitate Illius omnem spem nostram ponimus, qui compertum habemus, nullam tam atrocem calamitatem, tamque adversam fortunam contingere nobis posse, quae non magnanimitate Eius victa, et liberalissima manu propulsata esse queat. Tam inusitata est atque inaudita beneficentia Principis nostrae! Tanta virtute ornatur Russiacum solium! Istiusmodi Principes impertitur Deus terris, cum est mortalibus propitius; tam pius atque devotos, si precibus illorum annuere, nec dona vult aspernari; tam fortes, tamque magnanimos, si hostes illorum conterere atque confundere apud se statuit; tam sapientes, si prosperitatem eorum amplificare instituit; tam denique mansuetos, tam clementes, tamque liberales, si illos consolari, mul-

tiplicare atque opibus cumulare destinat. Fruere itaque tot divinis muneribus, clementissima Princeps, et beneficentissimo ingenio Tuo oblectare. Quocunque serenissimos Tuos oculos circumfers, ubique explicatas subditorum Tuorum frontes, ubique animi Tui generositate salutem consecutos, et per solam clementiam Tuam spiritum suum ducentes, ubique largissimis Tuis beneficiis ornatos atque elevatos conspicias. Tota septemtrionis regio, quamvis quolibet tempore, praesertim tamen celeberrimo isto die, post elapsam fertilissimam aetatem, decurrente beatissimo autumnno, a terra ubertate, a mari divitiis, undique felicitate Tua affluens, concordissimis feriantium populorum vocibus gloriosissime susceptum Patrium Sceptrum Tibi gratulatur, atque illos plausus, quos tunc inopinatum gaudium, et ardentissimus amor tulit, creberrime repetit. Devotissimus vero amor noster et gratissimus animus quamvis nulla dicendi vi nulloque eloquio exprimi possit; verum tamen, quantum in nobis situm est, id testari muneris nostri ducimus, praesertim cum persuasum habeamus, Deo atque iis, qui vim, et numen illius in terris tenent, puram devotamque mentem magis acceptam esse, quam meditatam orationem.

С Л О В О

Похвальное блаженных памяти Государю Императору ПЕТРУ Великому, говоренное Апрель 26 дня 1755 года.

«Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское Государство Всемило-спивѣйшія Самодержицы нашей празднуя, Слушашели, подобное видимъ къ Ней и къ общему опечесству Божіе снисхожденіе, каковому въ Ея рожденіи и въ полученіи опеческаго достоянія чудимся. Дивно Ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолю возшесствіе покровеннымъ свѣше мужесствомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе опеческаго вѣнца съ чудными побѣдами опъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнишельно было, опъ Бога ли на земли обладатели пославляющся, или по случаю державы доснигающъ; однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашей увѣрилась о шомъ должно, видя, что Она уже шогда избрана была владычествовашъ надъ нами. Не аспрологическія сомнишельныя гаданія, опъ положенія планетъ произведенныя, ниже другія по шеченію напуры бывающія пере-

народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и брастоубійствами раздраженный Богъ поработилъ тебя нѣкогда чуждому языку, и на пораженное глубокими язвами швое плѣло наложилъ тяжкія вериги! По шомъ спенаніемъ швоимъ и воплемъ преклоненный послалъ тебѣ храбрыхъ Государей, свободителей отъ порабощенія и шомленія, кошорые соединивъ швои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меншаго паденія избавила Россійскій народъ предводимая Богомъ на отеческій престолѣ Великая Елисавета; но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бмваютъ бѣдспвеннѣ наружныхъ: такъ и въ нѣдрахъ Государства воспитанная опасность вредительнѣ внѣшнихъ нападений. Удобнѣ наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ изцѣленіе Россіи отъ пораженія варварскимъ оружіемъ явнѣ нанесеннаго съ удивительнымъ крыющагося внутри вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ, прошивное находимъ

Тогда для изцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не менше Россійскою, сколько и Агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ помле-ній испребила въ крашкое время, и болѣзнуюющее опечесшво яко бы единымъ божеспвенною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ; *возстани и ходи; возстани и ходи, Россія. Оттряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся.*

Таковыя изображенія въ мысляхъ предспавляешъ намъ, Слушатели, воспоминаніе погдашней радости! Но оныя усугубляющся, когда помыслимъ, что мы не шокмо опъ ушѣсненія, но и опъ презрѣнія погда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не опшывающся ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне, ПЕТРА Великаго забыли! За Его шруды и заслуги не воздають должнаго благодаренія; не возводяшъ Дщерь Его на престоль опеческій; Она опшавлена, не помогають; Она оппринуша, не возвращають; Она пренебрегаема, не оп-

мицають. О коль великъ спыдъ и посмѣ-
яніе! Но несравненная Героиня возше-
- ствіемъ своимъ опияла вспоможеніе отъ
сыновъ Россійскихъ и предъ всею свѣ-
томъ оправдала, что не нашего усердія
не доспавало: но сносила Ея великоду-
шіе; не наша ревностъ оскудѣвала: но
Она не хотѣла пролишя крови; не
нашему малодушію оное приписывать
должно; но Божескому промыслу, кошо-
рый благоволилъ показашъ шѣмъ свою
власшъ, Ея мужество, и нашу радостъ
усугубишъ. Таковыя благодѣнія успро-
илъ намъ Вышній вспупленіемъ на опе-
ческій престолъ Великія Елисаветы!
Чпощъ нынѣшній праздникъ? Верьхъ и
вѣнецъ преждедеченныхъ! Вѣнчалъ Господь
Ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное
возшествіе, вѣнчалъ бесприкладныя добро-
дѣшли. Вѣнчалъ благодатию, ободрилъ
благодѣжною радостію, и благословилъ
громкими побѣдами, возшествію Ея по-
добными. Ибо какъ внушренніе враги
побѣждены безъ пролишя крови; такъ и
внѣшніе съ малымъ урономъ преодолены
были.

Облачается Монархія наша въ Пор-
фиру; помазуется на Царство, вѣнчаеш-
ся, приємлешъ Скипетръ и Державу.

Радуются Россіане, и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются сопоспашы и блѣднѣютъ; уклоняются, дають хребетъ Россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болоша: но вездѣ утѣсняютъ ихъ сильная рука вѣнчанная Елисаветы; оцъ единого Ея великодушія слабу получаютъ. Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго Ея владѣнія во всемъ вышепереченномъ видимъ, и вождельниному событію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру Великаго своего Родителя даетъ Государямъ Короны, успокоиваетъ мирнымъ оружіемъ Европу, утврждаетъ Россійское наслѣдство; изшекаетъ злато и серебро изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные оцъ тягостей; земля не обагрывается Россійскою кровію ни внушрь, ни внѣ государства, умножается народъ, и доходы приращаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государства, повсюду возлюбленная пишина и Монархинѣ нашей подобное время господствуетъ.

И такъ когда несравненная Государина наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвржден-

*

ное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ , и украшенное преславными дѣлами ошечское Царешво возвысила; шо по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ Его истинная наслѣдница. Слѣдовашельно похваляя ПЕТРА , похвалимъ ЕЛИСАВЕТУ.

Давно долженствовали науки представишь славу Его ясными изображеніями , давно желали въ нарочномъ шоржеспвенномъ собраніи превознесши несравненныя дѣла своего основашеля : но вѣдая , коль великое искусство потребуешся къ сложенію слова, ихъ досшойнаго, понинѣ умолчали. Ибо о семъ Героѣ должно предлагашъ, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго : нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчїи, копорымъ бы мысль послѣдую, могла безопасно пусшишь въ шоликую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось лучше въ краснорѣчїи , нежели въ благодарности показашъ недоспашокъ ; лучше съ произносимыми ошъ усердной простоты . разговорами соединишь искренностію украшенное слово, нежели молчашъ междушолікими празднеспвенными восклицаніями , наипаче , когда Всевышній Господь всѣхъ шоржеспвъ нашихъ красоту усугубиль , по-

славъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ всевожде-
лѣнный залогъ своея къ намъ Божествен-
ныя милости, которую въ продолженіе
Пешрова племени почишаемъ. И пакъ
ославивъ боязливое сомнѣніе, и усту-
пивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколь-
ко есть духа и голоса, должно упопре-
бить, или паче изощрить на похвалу
нашего Героя. Сіе предпринимая, ошкуду
начну мое слово? ошъ пѣлесныхъ ли Его
дарованій? ошъ крѣпости ли силъ? Но
оныя явспвующъ въ преодоленіи прудовъ
пѣжкихъ, прудовъ неизчепныхъ, и въ
разрушеніи ужасныхъ препяпспвій. Ошъ
Геройскаго ли виду и возраста, съ вели-
чественною красою соединеннаго? Но
кромѣ многихъ, кошорые начерпанное въ
памяти его изображеніе живо представ-
ляющъ, удостовѣряющъ разныя государ-
ства и города, кошорые славою Его
движемы, во срѣшеніе спекались, и дѣ-
ламъ Его соопвѣпспвующему и великимъ
Монархамъ приличному взору чудились.
Ошъ бодрости ли духа пріему начало?
Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе,
безъ кошораго не возможно было произ-
вести дѣлъ столь многихъ и великихъ.
Того ради непосредственно приступаю

къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе приняшь начало, нежели конца достигнешь; и что великій сей Мужъ ни ошъ кого лучше похваленъ бытъ не можешъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его изчислишь, есшлы бы только исчислишь возможно было.

И шакъ сколько сила, сколько крапкость опредѣленнаго времени позволишь, важнѣйшія шокмо дѣла Его упомянемъ; но шомъ преодоленныя въ нихъ сильныя препяшшвія; наконецъ его добродѣтели, въ шакowychъ предпріятіяхъ спосишшесшвовавшія.

Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмошрѣлъ за необходимо нужное дѣло, шшобы всякаго рода знаніе распросшранишь въ опечешствѣ, и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, шакже художниковъ и ремесленниковъ размножишь; о чемъ Его опечешское попеченіе хощя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описашь обшшояштельно, шш цѣлое мое слово еще къ шому не достанешъ. Ибо не одношратно облешая на подобіе орла бышшропарящаго Европейскія государства, опъ часши повелѣніемъ, опъ часши важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое

множество своихъ подданныхъ оставивъ на время общество, и искусствомъ увѣришься, коль великая происходитъ польза челоѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда ошворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пріиспани на подобіе прилива и отлива въ простиранномъ Океанѣ бывающаго, по выѣжающіе для пріобрѣшенія знаній въ разныхъ наукахъ и искусствахъ оныя Россійскіе, по приходящіе съ разными искусствами, съ книгами, съ инструментами иноспранные, безпрестаннымъ несли движеніемъ. Тогда Математическому и Физическому учению, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вѣнченному, уже одѣянному порфиною, увѣнчанному лаврами и на Монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣное почитаніе, въ освященной Цепровой Особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженыя науки и искусства всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываютъ избыточествующее изобиліе многообразныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи просвѣтителя предки наши не шокмо лишались, но о многихъ и понятія

не имѣли. Коль многія нужныя вещи ,
которыя прежде изъ дальнихъ земель съ
трудомъ и за великую цѣну въ Россію
приходили , нынѣ внутрь государства
производятся , и не только насъ доволь-
ствуютъ , но избыткомъ своимъ и дру-
гія земли снабждаютъ! Похвалялись нѣ-
когда окрестные сосѣди наши , что
Россія , государство великое , государство
сильное , ни военнаго дѣла , ни купече-
ства безъ ихъ вспоможенія надле-
жащимъ образомъ производишь не можешь ,
не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не только
драгихъ металловъ для монетнаго ши-
сненія , но и нужнѣйшаго желѣза къ при-
уготовленію оружія , съ чѣмъ бы спастись
противъ непріятеля. Исчезло сіе нарека-
ніе отъ просвѣщенія Пешрова : отвер-
зши внутренности горъ сильною и тру-
додлюбною Его рукою. Проливаются
изъ нихъ металлы , и не только внутрь
государства обильно распространяются ,
но и обратнымъ образомъ , яко бы заем-
ные вѣнскими народамъ отдаются. Обра-
щаетъ мужественное Россійское воин-
ство противъ непріятеля оружіе , при-
готовленное изъ горъ Россійскихъ Рос-
сійскими руками.

О семъ для защищенія отечества , для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутри государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ утрежденіи порядочнаго войска, коль великое имѣлъ Великій Монархъ попеченіе, коль спремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способовъ, всѣхъ путей изысканіе, шому всему когда надившись довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ? Родитель Премудраго Нашего Героя, блаженный памяши Великій Государь Царь Алексѣй Михайловичъ между многими преславными дѣлами положилъ начало регулярнаго войска, кошораго спомоществованіемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣху, свидѣтельствуютъ счастливые его походы въ Польшу и пріобрѣтенныя обратно къ Россіи провинціи. Но все Его о военномъ дѣлѣ попеченіе съ жизнью пресѣлось. Возвратились спаринные безпорядки, и Россійское воинство больше въ многочислѣ, нежели въ искусствѣ показашь могло свою силу, кошорая сколько по шомъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Ташаръ бесполезныхъ военныхъ предпріятій, а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагуб-

ныхъ стрѣлцкихъ возмущеній, отъ немѣня порядочной расправы и расположенія происшедшихъ. Въ шаковыхъ обшюпшельствахъ кто могъ помыслишь, чшобы двенадцати лѣтъ Опрокъ, оплущенный отъ правленія государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолубивымъ своимъ Родительницамъ отъ злобы защищаемый, между безпрестанными сирахами, между копьями, между мечами, на Его родственниковъ и доброжелателей и на Него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, копорого могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріатели, почувствовали и воспрепечтали; и копорому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется. Кто могъ помыслишь, чшобы отъ дѣшской, какъ казалось, игры только важное, только великое могло возрасти дѣло? Иные видя нѣсколько молодыхъ людей со младымъ Государемъ обращающихся разнымъ образомъ легкое оружіе, разсуждали, что сіе одна Ему только была забава, и поэтому сіи новонабравшіе люди Пошѣшными назывались. Нѣкопорые имѣя большую прозорливость, и примѣшивъ на юношескомъ лицѣ цвѣщую героическую

бодрость, изъ очей сіяющее остроуміе, и въ движеніяхъ сановитую повороти-вость, размышляли, коль храбраго Героя, коль Великаго Монарха могла уже тогда ожидать Россія! Но набравъ многіе и великіе полки, пѣхотные и конные, удовольствовавъ всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружіемъ и прочимъ военнымъ снарядамъ, обучивъ новому аршикулу, завести по правиламъ артиллерію полевую и осадную, къ чему не малое знаніе Геометріи, Механики и Химіи требуется, и паче всего имѣвъ во всемъ искусныхъ начальниковъ, казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ пошребностяхъ занапной недоспашокъ и лишеніе Государевой власти опниали послѣднюю къ шому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что по шомъ послѣдовало? Паче общенароднаго чаяніи, прошиву невѣроятіи оспавившихъ надежду и свыше препинапельныхъ происковъ и язвительнаго рошпанія самой зависши загремѣли внезапно новыя полки Пешровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ прошивныхъ спрахъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а паче

всего неслыханнымъ примѣромъ. Взиралъ некогда Сенашь Римскій на Траяна Цесаря, стоящаго предъ Консуломъ, для принятія ошъ него Консульскаго до-
стоинства, возгласилъ: *Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!* Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому бышь долженствовали для Его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли ошцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ Римскаго Консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ шребующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы мѣста прекрасны, мѣста благополучны, кошорыя шоль чуднымъ арѣніемъ насладились! О какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей не для наслояща корысти, но ради будущія славы; не для усмиренія сопрошивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учиненному! Мы нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю

воспалалось начинающееся войско, видя Его въ своемъ сообществѣ, за однимъ споломъ шую же, приѣмлющаго пищу, видя лице его пылью и пошомъ покрышое, видя, что опъ нихъ ничѣмъ не разнишся, кромѣ того, что въ обученіи и въ прудахъ всѣхъ прилѣжиѣ, всѣхъ превосходиѣ. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый Государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что Моцархи ничѣмъ шакъ величешва, славы и высоты своего досшюинства прирашшишъ не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское воинство, и въ двадцатилѣшную войну съ короною Шведскою и по шомъ въ другіе походы наполнило громомъ оружія и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подъ Нарвою сраженіе было неудачливо; но прошивныхъ преимуществъ и Россійскаго воинства успушленіе къ ихъ прославленію и къ нашему уничиженію больше опъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію. Ибо хотя Россійское войско было по большей часши двулѣшнее прошивъ спараго и къ сраженіямъ приобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими

полководцами, и злохитрою перемештихъ открылъ непріятелю всѣ обстоительства нашего стана; и хотя Карлъ въшорыинадесять скоропоспѣжнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ поспроиться: однако они ж по опшупленіи опняли у непріятеля смѣлость продолжать бой, и докончашъ побѣду, такъ что оставшаяся въ цѣлости Россійская Лейбгвардія и немало прочаго войска за пѣмъ шолько напасшъ на непріятеля не опважились, что не имѣли главныхъ предводителей, копорыхъ онъ призывавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною, распусшивъ знамена, и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратились. Что сія неудача больше для показанныхъ несчастливыхъ обстоительствъ, нежели для неискusstва войскъ Россійскихъ приключилась, и что Петрово новое войско уже въ младенчествѣ своемъ могло побѣждать привыкшіе полки прошивныхъ, доказали въ слѣдующее лѣто и по томъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди! когда вы сіи похвали

военныхъ дѣлъ нашего Героя, когда вы превозносимыя мною побѣды Россійскаго воинства надъ вами услышите, не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо спояшь долгое время прошивъ Петра Великаго, прошивъ Мужа, посланнаго опъ Бога на удивленіе вселенныя, и наконецъ бышь опъ Него побѣжденнымъ, естъ славнѣе, нежели побѣдишь слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. Почитайше по справедливости истинною своею славою храбросъ Героя вашего Карла, и по согласію всего свѣта утверждайте, что едва бы кто возмогъ успоаясь предъ лицомъ его гнѣва; когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ опечесавъ нашемъ прошивъ его воздвигнушь Петръ Великій. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ успроенные полки, воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами, доказали, коль горяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искусство, пріобрѣтенное опъ премудраго наставленія и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, копоры Россійское воинство сраженіями числѣшь пріобыкло, не упоминая великаго множества взятыхъ городовъ и швердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольное

свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подъ Лѣснымъ и подъ Полшавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль сильныя имѣло успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Пепрово? Что сего чуднѣе, что невѣроятнѣе могло воспослѣдовать? Войско къ регулярству давно пріобыкшее изъ областей непріятельскихъ, дерзостію къ бою славныхъ приведенное, подъ предводительствомъ начальниковъ въ воинскомъ упражненіи все время положившихъ; войско всякими снарядами преизобильно снабженное уклоняется отъ сраженія съ новыми Россійскими полками, числомъ много меньшими. Но они не давъ сопротивнымъ отдохновенія, быспрымъ печеніемъ поспигли, сразились, побѣдили; и главной ихъ предводитель съ малыми оспашками едва плѣненія избылъ, чтобы принести своему Государю плачевныя вѣсти, которыми хотя онъ сильно возмутился; однако мужественнымъ и спремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣришься, чтобы малолѣзное войско Пепрово могло устоять противъ его возмужавшей

силы, наспуающей подъ его сааго предводительствомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадѣживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнѣлся вступити въ Украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокоумными размышленіями Россію, и весь Сѣверъ чаялъ уже быти подъ ногою своею. Но Богъ въ награжденіе трудовъ неусыпныхъ воздалъ ПЕТРУ совершенною побѣдою надъ симъ презришаемъ его раченій, которой противу своего чаянія не токмо очевиднымъ былъ свидѣшаемъ невѣроятныхъ Героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ; но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечшающейся въ мысляхъ спройной храбрости Россійской.

Толь знашными побѣдами прославивъ съ собою Великій Монархъ во всемъ свѣтѣ свое воинство, наконецъ доказалъ, что онъ сіе больше для нашей безопасности учредити старался! Ибо не токмо узаконилъ, чтобы оное никогда не распускалъ, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде Государяхъ, не рѣдко къ немалому упадку могущества и славы отечества, происходило; но и содержалъ всегда въ исправной гоцовности. О истинное отеческое

попеченіе! Многократно напоминалъ Онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чѣмъ поль великимъ трудомъ и съ поль труднымъ успѣхомъ предпріятое обновленіе Россіи, а паче военное искусство, не было послѣ Него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое по всерадостное время, когда благословилъ Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со Шведскою кѣроною, когда усердныя поздравленія и должныя ему шишулы *Императора, Великаго, Отца отечества* приносились; не преминулъ подтвердитъ публично Правительствующему Сенату, чѣмъ надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не сѣмъ ли назнаменовалъ ясно, чѣмъ ему сѣ высокіе шишулы не были пріятны безъ наблюденія и содержанія впредь всегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пупкѣ силы Пепровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, проспрѣмъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ шамъ дѣла Господни, и чудеса его въ глубинѣ, ПЕТРОМЪ показанныя, и свѣшь удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не оповсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляютъ. На всѣхъ видимъ распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ успія и новыя приспани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ спонуть волны подѣ тягосью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ шихой поверхности водѣ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ доспигнувъ спокойнаго приспанннца плаваешь, удаленныхъ спранъ избышки выгружаешь, къ удовольствію нашему. Тамъ новыя Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плышь, дерзаешь, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борешься, и хочешь соединить воспокъ съ западомъ. Откуда шолікая слава и сила Россійскихъ флотовъ по шоль многимъ морямъ въ краткое время распространилась? откуда матерія? откуда искусство? откуда махины и орудія нужныя въ шоль трудномъ

*

и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разнovidныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ черезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная посѣщанность Пешрова въ сооруженіи флота приписалась, естли бы такое невѣроятное, и выше силъ человѣческихъ бышъ являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось, и не было бы въ швердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изысканія дословѣрныхъ извѣстій. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что не лѣзя опредѣлять, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ ПЕТРЪ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ иску-

спвомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просморгнѣвъ упушеніи должнѣсти, и ни оуъ кого излишесства свѣще Филъ не попребовавъ. Подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оспавилъ, въ чемъ бы только Его пронцапельныя мысли, или прудолубивыя руки могли упрзднись. Съ того самаго времени, когда онаго, вещью малаго бошика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣшеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ, и на морской глубинѣ показавъ Россійское могущество, успремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія часи. Кошорыя разсмапривая, увѣрился, что въ шоль прудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть не возможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великій Государъ предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, спекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присущствіи всего Царскаго дома, при знашныхъ чинахъ Россійскаго государства, и при знашномъ собраніи

дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію Его боящихся, шрудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ, копая рвы, и вавозя землю на разкаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ даа при-мѣръ, какъ премудрый учитель и про-свѣтителъ. Но вѣщшее возбудилъ уди-вленіе, вѣщшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на ма-лыхъ водахъ Московскихъ, попомъ на большей ширинѣ озеръ Росшовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ проспранствѣ Бѣлаго моря увѣрять о несказанной поль-зѣ мореплаванія, оплучился на время изъ своего государства, и сокрывъ величе-ство своея особы между простыми ра-ботниками въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивля-лись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россія-нинъ шоль скоро не шокмо простой плотнической работѣ научился, не шокмо ни единой часпи къ спроенію и со-оруженію кораблей нужной не оставилъ, кошорой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать; но и въ морской архитектурѣ шоликое приобрѣлъ искусство, что Гол-ландія не могла уже удовольствовашъ

Его глубокаго пониманія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой шо былъ Россіянинъ, но самъ шоль великаго Государства Обладатель къ шлягоспінимъ трудамъ просперъ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но шолько ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великій Государь не шолько повелѣніемъ и награжденіемъ; но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь щасливые береги, освященные Пепровыми стопами и потомъ Его орошенные! Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда шляжкіе къ составленію корабля приугошвленныя члены, нерѣдко шихо опъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки Его къ скорому печенію успремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершало великія громады! Коль чуднымъ,

и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались спекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! когда неусыпный ихъ основатель и строитель многократно по наверху оныхъ, по подь ними обращаясь, по кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу машинъ, всѣхъ предосторожностей починность, и усмотрѣнные недоспахи исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неупоминимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искуствомъ! Сямъ неусыпнымъ раченіемъ, сямъ непобѣдимымъ въ шрудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ посрѣдность не вымысли, но правдою во дни Петровы показалась.

Коль радостны были великому Государю шоликіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ шого усмотрѣшь можно, что не шокмо воздаяніемъ удовольствовались спощудившихся съ собою, но и безчувшвенному дереву показалъ преславной знакъ благодарности. Покрывающія Невскія шпруды судами и флагами; не вмѣщаютъ брега великаго множества спекшихся зрштелей; колеблется воздухъ и

спонестъ опъ народнаго восклицанія, опъ шума весель, опъ шрубныхъ гласовъ, опъ звука огнедышущихъ махинъ. Какое щастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣшеніе Монархъ нашъ съ шаковымъ великолѣшіемъ выходить? Вешхому бошику, но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотъ! Представивъ сего величествѣ, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи, и неупомимой въ совершеніи бодрости Пешровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!

Опъ крашкаго сего и часъ нѣкошорую шрудовъ Его содержащаго изчисленія уже чувствую ушомленіе, Слушатели; но великое и проспранное похвалъ Его вижу поле предъ собою! И такъ, дабы къ совершенію печенія слова моего силы и опредѣленнаго времени достало, употреблю возможную поспѣшность.

Къ основанію и произведенію въ дѣйство шоль великой морской и сухо-

пушной силы, сверхъ сего къ строенію новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію пограничныхъ линей валами, къ долговременной войнѣ, къ шоль часнымъ и дальнимъ походамъ, къ строенію публичныхъ и приватныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ придворныхъ и шшапскихъ, коль великая казна пребовалась, всякому ясно предсавишь можно и разсудишь, что къ тому не могли достать доходы Пешровыхъ Предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе государственныя сборы умножишь безъ народнаго раззоренія. И по врожденному своему просвѣщенію усмопрѣлъ, что не шокмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуеть; но и общее подданнымъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіемъ ушвердися. Ибо когда еще не было число всего Россійскаго народа и каждаго человѣка жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочеть, преселишься и спрансшвовашь

по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы беспыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки нерѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не шло село, но и города разорялись. Превратилъ премудрый Герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилѣжаніе, раззорителей въ защитниковъ; когда изчислилъ подданныхъ множество, утвердилъ каждому на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать; чрезъ что умножилось и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ и число людей въ наборахъ; умножилось прилѣжаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ оспались вредными грабителями, принудилъ готовыми быть къ смерти за опечетство.

Сколько другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умолчаю; упомяну о приращеніи вѣнскихъ доходовъ. Всевышняго промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Пешровымъ: оповорилъ рукою Его новыя пристани на Варяжскомъ морѣ при городахъ храбростию

Его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Совокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу Россійскаго купечества, сочинены пошлинные устави, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ прирастая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденій. Ибо продолжая двадцать лѣтъ трудную войну Россія, отъ долговъ была свободна.

Чтожь? уже ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О коль много еще размысленію, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, Слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сенаата, Святейшаго Синода, Государственныхъ Коллегій, Канцелярій и другихъ мѣстъ присущивленныхъ съ узаконеніями, регламентами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе вѣщныхъ признаковъ для оказанія заслугъ и милости; наконецъ полишника, посольства и союзы съ чужими державами: бы все сіе сами въ просвѣщенныхъ ПЕТРОМЪ умахъ вашихъ представше. Мнѣ только

осмѣялся предложить едино крапкое всего изображеніе. Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось кому оплутаться изъ Россійскаго общества въ отдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ; потомъ бы возвращаясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новой флотъ и войско, всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: что бы тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все что учинено въ столь крапкое время общими силами человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или наконецъ все мечтающаеся ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препяшествахъ бывшихъ на пуши исполинскаго Его теченія? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено шако-

вымъ перемѣнамъ состояніе челоѣческое, что изъ благополучныхъ прошивныхъ, изъ прошивныхъ благополучныхъ слѣдствія рождаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть сего прошивнѣе, когда Россію обновляющему ПЕТРУ и купно опечесству извнѣ нападенія, извнутри огорченія, оповсюду опасности грозили, и пагубныя слѣдствія приугошлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну ошягощали, которая еще прежде начала своего начала была вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ опечесства съ великимъ посольствомъ видѣвъ Европейскія государства, познавъ ихъ преимущесства, дабы возвращаясь, употребить ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Только лишь прешель владѣнія своего предѣлы, вездѣ ощушилъ великія и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣшу извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали спруи Двинскія, и будущему своему Повелишелю, между гуснымъ льдомъ, къ спасенію опъ успроенныхъ коварствъ, спезю открыли, и преодоленыя имъ

опасности Балтійскимъ берегамъ, разли-
ваясь, возвѣспили. Избывъ ошъ опасно-
сти, поспѣшаль въ радостномъ пуши
своемъ, довольствую очи и сердце, и обо-
гащая разумъ. Но ахъ! неволю пре-
сѣкаетъ свое преславное печеніе. Ка-
кую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ
одной стороны влечетъ любопытство и
знаніе опечеству нужное, съ другой спо-
роны само бѣдствующее опечество, ко-
торое къ Нему, къ единому своему упо-
ванію, простерши руки восклицало: Воз-
вратися, поспѣшно возвратися: меня
перзаютъ внутрь измѣнники! Ты спран-
счивуешь для моего блаженства: со бла-
годареніемъ признаваю: но прежде укро-
пи свирѣпыхъ: Ты разспался со своимъ
домомъ, со своими кровными для при-
ращенія моей славы: съ усердіемъ почи-
шаю: но успокой опасное неспроеніе:
оставилъ данный Тебѣ ошъ Бога вѣнецъ
и скипетръ, и простымъ видомъ скры-
ваешь лучи своего Величества для мое-
го просвѣщенія: съ радостною надеж-
дою иного желаю: но оповрати мрачную
грозу неспокойства съ домашняго горя-
зонта. Такими движеніями сердца прои-
цаясь, возвратился для уполенія спращ-
ныхъ бурь! Таковыя прошивности вое-

пещали Герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Колю многими ошвсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе воспочные народы, Опшоманская Порца; извнупръ сшрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ ошъ самыхъ ближнихъ, ошъ своей крови злодѣйства, ненависть, предапельства на дражайшую жизнь Его пріугошовлялись. Чшо все подробно описашъ прудно и слушаешъ не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній ПЕТРУ преодолѣшъ всѣ тяжкія препятствія, и Россію возвысиль. Споспѣшествовалъ Его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходишельству, шрудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ Его предпріятіяхъ извѣстна; первое Его веселіе былъ домъ Господень; не слушашель шокмо предстолялъ божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножалъ вниманіе и благоговѣніе предшоящихъ своимъ Монаршескимъ гласомъ; и внѣ государскаго мѣста съ проспыми пѣвцами на ряду шоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочестія; но единъ нынѣ довлѣешъ. Выѣзжая въ срѣшеніе

тѣлу свяаго и храбраго Князя Александра, благоговѣніа исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ спруи Невскія. Чудное видѣніе! Гребущъ Кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простымъ людей шруду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки просшираетъ, вѣры ради ея укрѣпляясь, избылъ многокрашнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полтавскія брани, и не допустилъ къ Ней прикоснуться смертоносному мешалу! Разсыпалъ предъ Нимъ, какъ нѣкогда Ерихонскую, Нарвскую спѣну, не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненною премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ, безпришворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ шочность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилѣжное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ, въ очахъ и на всемъ лицѣ разума посшоянство! Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла новой видъ Россія, основаны науки

и художества, учреждены посольства и союзы, ошвращены хитрые умыслы нѣкопрыхъ державъ прошивъ нашего Ошечества, и Государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена опняшая непріятельми корона. Изъ всего предреченнаго довольно явспвующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его Геройское мужество: оною удивилъ вселенную, симъ успрашилъ прошивныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показавъ при военныхъ обученіяхъ безспрашіе. Когда всѣ смопришли новаго дѣла, мешанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія; младый Государь въ близости смопрѣшъ всѣми силами порывался, и слезами своея Родительницы, прошеніемъ брапнимъ и знапныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Спранспвуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности для обновленія Россіи! Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенія. Коль много крапъ морскія волны возвышая гордые верьхи свои, непревращной смѣлости были свидѣтели, быспропекущимъ флотомъ разсѣаемы, въ корабли

ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху мешаломъ въ едину опасность совокуплялись, Его не успрашили! Кто безъ ужаса предсавишь можешь лешащаго по полямъ Полшавскимъ въ успроенномъ къ бою-своемъ войскъ ПЕТРА, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы Его шумящихъ, вышающаго сквозъ звуки гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И шы знойная Персія ни быспрыми рѣками, ни попучими болопами, ни спремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми испочниками, ни разкаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препяишь нашесствію нашего Героя, не могла удержашъ шоржесшвеннаго въѣзда въ наполненные пошаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ города.

Больше примѣровъ о Геройскомъ Его духѣ для краткости не предлагаю, Слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ Его присущствіе и Его предводителъствомъ бывшихъ: но предсавляю Его великодушіе великимъ Героямъ сродное, кошорое украшаетъ побѣды, и больше движешъ сердца человѣческія, не-

*

жели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣешь участіе храбрость воиновъ, споможение союзниковъ, мѣста и времени удобность, и больше всего присвоаетъ себѣ счастье, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителя все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣюшь въ ней ни войны, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человеческими счастье ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ Великій нашъ Защитникъ. Оплагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не шокмо изъ непріятелей никто живоша лишенъ не былъ, какъ только прошивъ Его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажите Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда ожидая связанія, препоясаны были поднятыми прошивъ насъ мечами своими; ожидая посаженія въ шенницы, посажены были за споломъ Побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно естъ правосудіе. Первое званіе поставленныхъ отъ Бога на земли обладашелей естъ управляти міръ въ преподобіи и правдѣ, награждать заслуги, наказывать пресупленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препяпствоваши Великому Государю успановишь во всемъ непремѣнныя и ясныя законы; однако сколько на то трудовъ Его положено, несомнѣнно удословѣряющъ многіе указы, уставы и регламенты, копорыхъ составленіе многочисленныя дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна Его лишили. Докончашъ и привесши къ совершенству судилъ Бога подобной паковому Родителю Дщери въ безмятежное и благословенное Ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства; однако въ сердцѣ Его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ шѣхъ случаяхъ, когда многимъ Его дѣламъ препяпствующія злодѣянія къ спросогости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ.

Проспивъ многихъ знашнихъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбою. Не опягощаетъ Его казнь стрѣлецкая. Представте себѣ, и помыслише, что Ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролила неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачущъ вдовы, рыдающъ сироты, воющъ насилуемныя жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града спранствовалъ. Нынѣ полезное мое пушешествіе пресѣкли, вооружась явно противъ опечесства. За все сіе ежели не опмщу, и конечной пагубы не пресѣку казнію, уже вижу напередъ площади наполнены шруповъ, расхищаемые дома, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ споронъ объемлему пламенемъ, и любезное опечесство повержено въ дымъ и въ пепелъ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ възыщеть. Такого конечнаго правосудія наблюденіе принудило Его къ спрогоспи.

•

Ничѣмъ не могу я больше доказать Его милоспиваго и кропкаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительспвомъ къ Его подданнымъ. Превосходень дарованіями, возвышенъ величеспвомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обрацался, не имѣя великаго и монаршеское присущствіе показующаго великолѣпія и работѣисшва. Часто пѣшему свободно было просію вспрѣшнись, слѣдовать, иппи вмѣспѣ, зачашъ рѣчь, кому попотребуется. Многихъ прежде Государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили; Его снисхождение превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселія и опсдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и проспоша не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и вспрѣчалъ своихъ вѣрныхъ, какое увеселеніе за споломъ Его было! Спрашиваешь, слушаешь, опвѣчаешь, разсуждаешь какъ съ друзьями; и сколько время спола малымъ числомъ пищей сокращалось, сполько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ споль многими государспвенными попеченіями

жилъ какъ съ пріятельми въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщала свое Величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ. Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ шрудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ къ тому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ Себѣ шрудовъ своихъ перемѣну. Не шокмо день или ушро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными шрудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ Его присуществіи дѣла вершили. Различныя художества не шокмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, приспани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли Его въ основаніи показателя, въ шрудѣ ободришеля, въ совершеніи наградишеля. Чшожь Его путешествія, или лучше, быспропаряющія лешанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, уже чувствуешь Балшійское море; едва пушъ Его скрылся на водахъ

Азовскихъ, уже шумящъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ и прочія, скажите, сколь много крапъ вы удостоились изображать видъ Великаго ПЕТРА въ струяхъ вашихъ? Скажите: я не могу изчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смопримъ, по какимъ пупамъ онъ шествовалъ, подъ копорымъ древомъ имѣлъ опдохновеніе, изъ котораго източника уполялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми, какъ простой рабочникъ, прудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерпалъ корабли, приспани, крѣпости, и гдѣ между пѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила печеніемъ, какъ море приливомъ и опливомъ; пакъ Онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрешанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ прудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множест-

вомъ; я межъ спенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балшійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ ПЕТРА Великаго вижу въ попѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣришь, что одинъ вездѣ ПЕТРЪ, но многіе; и не крапкая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладашелей великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ ПЕТРОМЪ малы. Иной завоевалъ многія государсва; но свое опечесство безъ призранія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ ради одного своего честполюбія, и вмѣсто шріумфа слышалъ плачь и рыданіе своего опечесства. Иной многими добродѣтелями украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержашъ шягости падающаго государсва. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господсшвовалъ; но къ земли прісшашъ спрашилъ. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго до-

стоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и шопъ недоспащочень. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа Непопы, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Мешеллы, Капоны, Суллы произвели: шо ПЕТРЪ сдѣлалъ въ крапкое время своея жизни. Кому жъ я Героя нашего уподоблю? Часно размышлялъ я, каковъ Тотъ, которой всесильнымъ мановеніемъ управляешъ небо, землю и море; дхнешъ дукъ его, и попекушъ воды; прикоснешся горамъ, и воздымаяшся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества поспигнушъ не могушъ! Обыкновенно представляюшъ его въ человѣческомъ видѣ. И шакъ ежели человѣка Богу подобнаго по нашему понятію найши надобно, кромѣ ПЕТРА Великаго не обрѣшаю.

За великія, къ опечесству заслуги названъ Онъ Опцемъ Опечесства. Однако малъ ему пишущъ. Скажите, какъ Его назовемъ за шо, что Онъ родилъ Дщерь всемилосивѣйшую Государыню нашу, которая на Опеческій престолъ мужесствомъ вспунила, гордыхъ враговъ

побѣдила, Европу утомила, благодареніями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ Боже, награди Господи! за великіе труды Петровы, за попеченіе Екашеринино, за слезы, за воздыханіе, кошорыя двѣ Сестры, двѣ Дщери Петровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодаренія, награди долгоденствіемъ и попомощіемъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и Героевъ блиспаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внуку Наслѣдникъ; Правнуку по желанію нашему родился, мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

PANEGIRIQUE
DE
PIERRE LE GRAND

prononcé

dans la Séance publique de l'Académie
Impériale des Sciences, le 26 Avril
1755.

PAR MR. LOMONOSOW,
et traduit

sur l'Original Russe par Mr. le Baron
de Tschoudy.

Aux acclamations de la joie qu'inspire justement à nos coeurs l'Anniversaire du Couronnement de notre gracieuse Souveraine, dont nous célébrons aujourd'hui la fête, mêlons, chers Auditeurs, mêlons les actes d'une vive reconnoissance pour l'être suprême, dont cette heureuse époque manifeste si authentiquement la clémence pour toute la patrie et pour notre Auguste Princesse. Admirons sa naissance, admirons la conquête, qu'Elle a fait du trône paternel; le doigt de Dieu marque visiblement ces deux événements. Naissance surprenante, puis qu'elle fut accompagnée de la prédi-

ction qu'Elle regneroit un jour, prédiction justifiée par Son avènement au trône; la valeur l'y conduit, la prudence l'y soutient et le ciel Lui promet d'éclatantes victoires. Quels sujets d'allégresse pour nous! Le hazard ne fait point les Monarques; le ciel forme à son gré ces fronts Augustes qu'il destine à porter le poids d'une couronne; c'est une vérité incontestable, la naissance de notre grande Princesse suffiroit seule pour résoudre les doutes, s'il en restoit encore à cet égard. Elle nâquit pour régner, tel fut le présage heureux qui orna son berceau: présage qui ne dut rien aux fuites conjectures de l'Astrologie judiciaire, rien aux commentaires prophétiques des scrupuleux observateurs de la nature et de ses phenomenes; mais qui prit toute sa force, tout son crédit dans les plus sensibles témoignages de la providence. Pierre triomphe à Pultava; Ses ennemis succombent, et cette fameuse victoire reçoit un double éclat par la naissance de Son Auguste Fille: Elisabeth semble nâître en même tems pour aller au devant du vainqueur qui rentre triomphant à Moskou. A des traits si frappants peut-on méconnoître l'ouvrage de la providence? peut-on être sourd à la voix qui crie au fond de

nôs coeurs: „Voici l'accomplissement de la „prospérité que je vous ai promise par les „augures qui l'ont précédée.“ Il réduit les ennemis, qui lui resistoient au dehors; Il détruit les traitres, qui le menaçoient au dedans; Elisabeth est née pour de pareilles victoires. Pierre ne revoit Ses états qu'après avoir remis la couronne sur la tête d'un Prince légitime; Elisabeth ne paroît sur la scene du monde que pour revendiquer le thrône qui Lui appartient. Pierre écarte de la Russie les dangers qui la menaçoient; Il la sauve d'une dévastation prochaine; Il fait succéder les cris de la joie à ceux de la terreur; Elisabeth par Son avenement au thrône écarte les liens, qui peut-être alloient nous opprimer; nous sauve du désespoir, et fait succéder les accens du plaisir aux larmes ameres du regret. Le triomphe de Pierre est orné d'une foule de prisonniers que Sa générosité avoit autant vaincus que Son courage. Le thrône d'Elisabeth est entouré d'un monde de sujets, que Son humanité, Sa modestie, Sa liberalité captivent. Prodiges de la suprême sagesse, chers Auditeurs! parités admirables! rapports heureux! une naissance! une victoire! la mere et la patrie délivrée; les cérémonies sacrées du bâ-

tème; les apprêts brillants du triomphe; des langes et des lauriers; les cris d'un enfant, les acclamations d'un peuple, quel tableau! ~~tants~~ d'augures n'annoncoient-ils pas à Elisabeth les vertus et la Couronne de Son Pere?

Mais suivons, Messieurs, suivons l'enchainement des bienfaits de la providence: voyons la conduire au trône le nouveau chef d'oeuvre de sa toute-puissance; ce souvenir est trop précieux pour échapper jamais à notre mémoire. Notre Héroïne guidée par le ciel, animée d'un courage plus qu'humain, entreprend avec force, sauve l'Empire, renouvelle sa gloire, consomme les grands desseins et les exploits de Pierre, avance la prospérité de la plus grande partie de l'univers, et rend la joie à nos coeurs. S'il est grand de conserver un seul homme, combien ne l'est-il pas de sauver une nation entière? Chere patrie! tu en es l'exemple. Le ciel irrité par nos dissensions internes, par les brigandages et les fraticides de nos ancêtres, t'avoit autrefois soumise au joug de l'étranger, abâtue, affoiblie, tu languissois sous le poids de tes fers et de tes mauvais: touché de tes gémissemens, de tes larmes, de tes regrets, ce même ciel enfin t'accorda des Princes

courageux, qui mirent fin à ton esclavage, réunirent tes membres épars, et te rendirent ta première vigueur, ta majesté et ta gloire. Une rechute plus terrible te menaçoit encore, lorsqu'Elisabeth conduite par Dieu même au trône paternel te relève par des moyens encore plus admirables.

L'état est comme un corps, que les maladies internes affectent plus dangereusement que les playes extérieures; le mal nourri au sein de la patrie est plus préjudiciable que les attaques du dehors. A de grands maux, de grands remèdes, leur difficulté semble croître à proportions des risques. Cependant si nous comparons les moyens, par lesquels la Russie a échappée à l'oppression des Barbares avec ceux, dont s'est servi l'illustre Elisabeth, pour extirper le mal qui couvoit dans le sein de Son Empire, nous les trouverons infiniment plus doux et plus humains. C'est aux dépens des jours des vainqueurs et des vaincus que nos Princes ont racheté leur patrie; les champs et les rivières, théâtres du carnage, ont été teints du sang des ennemis et de celui des citoyens: la généreuse Elisabeth au contraire dont la clémence abhorre les victoires cruelles, a su sans nous affaiblir, déraciner le principe

du mal, qui déjà n'avoit que trop gagné; Elle a sans perte et presque sans effort ranimé notre languissante patrie: un seul mot, un mot divin prononcé par cette vertueuse héroïne, a presque seul opéré ce prodige. Je crois l'entendre encore, oui Messieurs, je La vois, je l'entens, Elle ordonne: „Leve-toi Russie,“ nous dit - Elle, „Leve - toi, marche, bannis tes doutes et „tes craintes, livre toi à l'espérance et à „la joie, pare - toi, fleuris et triomphe!“ Telle est, chers Auditeurs, telle est l'espece d'enthousiasme, où nous ravit le souvenir de cet heureux moment: concevons en bien tout l'avantage, il nous a rendu notre liberté; il nous a rendu l'estime des autres nations. Avant cet événement, méprisés du reste de l'Europe, taxés d'une lâche et infidele indolence, que pensoient de nous les autres peuples? leurs discours ne sont-ils pas encore présents? Russiens! Russiens! disoient - ils, vous avez oublié Pierre le grand, vous avez oublié Ses travaux, vous avez oublié Son mérite, vous manquez de reconnoissance pour votre second créateur, pour votre peré: ingrats! on éloigne sa fille du trône, et vous ne l'en rapprochez pas; on l'abandonne, et vous ne la secourez pas; on l'oublie, on la néglige, et vous ne

remettez pas entre Ses mains votre gouvernement Son héritage! on La méprise, vous ne La vangez pas! Quelle honte! quelle tâche! mais l'incomparable Elisabeth seule ouvrière de Sa juste élévation, passe l'éponge sur ces tems nébuleux et presque flétrissans pour nous. L'univers aujourd'hui cesse d'imputer à notre pusillanimité le délai d'un regne si glorieux et si utile, il voit que la seule générosité de cette Héroïne imposoit à l'ardeur que nous avions de verser tout notre sang, pour la rétablir dans Ses droits. Ressorts ingénieux de la providence qui vouloit ainsi manifester son pouvoir, développer le courage mâle d'Elisabeth, et combler nos vœux et nos desirs, en la plaçant au trône paternel. La solennité de ce jour nous retrace cette favorable époque. Le tout-puissant préside à la naissance d'Elisabeth; il répand ses graces sur Elle; il protege Son enfance, forme Son coeur, y fait germer les vertus, la recompense enfin et la couronne; il bénit ce glorieux événement, il le décore de plusieurs victoires aussi glorieuses que cet événement même, et double ainsi la source de nos espérances de notre joie et de notre bonheur, en détruisant les projets odieux des ennemis

*

intérieurs, et reprimant, sans qu'il en conte de sang, les audacieuses entreprises des ennemis extérieurs.

C'est ici, Messieurs, que l'on peut observer, c'est ici que commence le glorieux parallèle de Pierre le grand et de Sa fille. Elisabeth revêtue de la pourpre, le front ceint du bandeau sacré prend enfin le sceptre et le globe impérial; l'air retentit des cris de l'allégresse publique; la joie de la Russie répand l'alarme parmi l'ennemi; il pâlit; il prévoit sa défaite; il croit s'y soustraire en cherchant derrière les montagnes, les fleuves et les marais un abri contre l'aigle Russe, leurs légions sont placées aux nôtres; fières du nom qui les commande, fortes par la main qui les dirige, nos troupes vont enfin donner des lois à leurs adversaires étonnés; ceux-ci céderont à la générosité de la puissante Elisabeth plus encore qu'à la vigueur de ses armes victorieuses. Les oracles de la providence en annonçant Son règne, annonçoient aussi tous ces triomphes. Fidèle Imitatrice du grand Prince dont Elle est Fille, Elle protège et donne des couronnes; amie sincère de la tranquille paix, Elle distribue à toute l'Europe la bienfaisante olive. Tout concourt à seconder Ses

soins, la terre ouvre son sein pour enrichir l'Empire par la découverte abondante des plus précieux métaux, l'or et l'argent végétent pour le soulagement des sujets, ils sont délivrés d'impôts, le sang Russe n'est plus répandu ni dans l'état, ni pour sa défense, le peuple s'accroît avec les revenus; de superbes édifices embellissent les villes; la justice reprend son cours, les Tribunaux leurs fonctions, les arts fleurissent, les sciences sont cultivées, on respire par tout un doux repos, et notre Auguste Souveraine fait revivre un siècle digne d'Elle.

Ne conviendrez-vous pas, Messieurs, que l'illustre Héroïne, dont le courage débute d'une façon si glorieuse, si surprenante, est héritière des actions et des vertus de Son Auguste Père? Elle ne l'est pas moins des éloges qu'on lui donne à si juste titre, nous louons Elisabeth en exaltant Pierre le Grand. Les doctes soeurs auroient dû dès long tems consacrer Sa gloire par leurs chants, elles l'ont tenté dans une assemblée solennelle, en y célébrant les exploits incomparables de ce restaurateur, je dis tenté, oui, chers Auditeurs, sur un sujet si unique, si prodigieux, les Muses elles-mêmes ont douté de leurs

forces; elles ont craint de s'égarer dans un labyrinthe de faits incroyables, et jusqu'ici sans exemple; dans un détail immense d'actions multipliées; toutes grandes, toutes admirables, toutes héroïques; elles ont cru leur pinceau trop foible pour rendre avec énergie toutes les vertus qui caractérisent le Monarque. L'éloquence devient timide vis-à-vis d'un héros sans égal, du quel on doit dire ce que jamais on n'a dit de personne; son éloge demande une méthode nouvelle et trop au dessus des forces d'un orateur accoutumé à louer des objets susceptibles de comparaison. Le zèle cependant, le véritable amour, la tendre reconnaissance que l'on doit à Son illustre mémoire, souffriroit trop de ce silence modeste et prudent, et l'on a cru qu'il valoit mieux manquer d'éloquence: une simplicité naturelle, un discours sans art, et dont la vérité soit le seul ornement, a paru convenir dans ces tems de réjouissances publiques. Le ciel vient de donner un nouveau relief à nos fêtes par la naissance du jeune Prince Paul Petrowitz, ce gage si désiré de la clémence divine, ce gage si chéri de la postérité, bannit toute notre timidité, et encourage le zèle, que nous avons de consacrer l'éloge de notre Héros.

Que d'objets à la fois se présentent à mes regards étonnés! Quelle choix m'embarasse, Messieurs! et par où commencer ce discours! vous parlerai je d'abord des qualités corporelles, et de la solidité des forces, les fatigues que Pierre a supportées, les obstacles qu'il a vaincus, les démontrent. M'arrêterai-je, à l'air, au port, à la taille, à la beauté majestueuse de mon Héros? inutilement. Son portrait gravé dans tous les coeurs, l'est encore à notre mémoire; et il suffiroit de citer les villes et les provinces entières, qui curieuses de voir Pierre le Grand sur sa réputation, couroient à sa rencontre, admiroient ses yeux, ces fidèles interprètes de l'ame, et qui indiquoient si visiblement le Monarque, le Héros. La vigilance, sans laquelle il n'eut pu accomplir tant de grandes actions, prouve la gaieté de son esprit et de son caractère. Passons donc, chers auditeurs, passons au détail de ses exploits. Je ne me déguise point les difficultés de la vaste carrière où je vais entrer, mais je sais, que la vyaie façon de louer ce grand homme, est de reciter simplement et ponctuellement ses travaux et ses succès autant qu'il est possible de le faire.

Pierre a fait les plus grandes actions, Pierre a surmonté les obstacles les plus difficiles, Pierre a brillé des plus belles vertus, tel est, Messieurs, le partage de ce discours, que je tâcherai de renfermer dans les bornes que la breveté du tems me prescrit; ces vertus, que je vais proposer à votre admiration, ont été le mobile de toutes les grandes entreprises du père de la patrie.

Il est important de suivre ce Monarque pas à pas dans tous ses projets et dans les mesures, qu'il prend pour en assurer le succès. Pierre le Grand conçoit d'abord la nécessité d'introduire dans son Empire toutes les connoissances utiles, d'y augmenter le nombre des savants, d'y multiplier celui des artistes et des ouvriers. J'ai déjà parlé de ses soins paternels à cet égard, mon discours ne suffiroit pas pour les articuler en détail. Voyez-le, tel qu'un aigle, voltiger rapidement autour de l'Europe, inviter ses sujets par son exemple, les exciter, leur ordonner même de quitter pour un tems leur foyers et d'aller se convaincre par leur propre expérience du bien que les voyages procurent à l'état, et au citoyen qui les entreprend. Je vais ouvrir

les portes de la Russie, une foule empres-
sée s'efforce d'en sortir et d'y entrer; là
ses propres enfants courent chez l'étranger
pour y puiser les arts et les sciences qui
leur étoient inconnues; ici les étrangers
eux-mêmes apportent leurs secrets, leurs
talents, leurs arts, leurs livres, leurs in-
struments. Je vois cette multitude telle
que le flux et le reflux du vaste Ocean,
aboutir comme de concert au même cen-
tre. Déjà les Mathématiques, la Physique,
cessent d'être regardées comme une hérés-
ie, comme un prestige, les injurieuses épi-
thètes fille de l'ignorance, font place à
l'estime qu'inspirent les deux sciences, et
au respect qu'on leur témoigne dans la
personne sacrée de Pierre le Grand: leur
étude devient en vénération, elle est revê-
tue de la pourpre, elle est couronnée de
lauriers, elle est assise sur le trône: on
rend justice aux sciences par confiance pour
leur Mécène. En effet c'est à elles, c'est
aux arts décorés de l'éclat de la majesté
que nous devons la découverte des biens,
que nous possédions sans les connoître.
Avant que Pierre nous eût éclairés, nos
ancêtres étoient non seulement privés des
delices et des plaisirs dont leur pays abon-
de, ils en ignoroient l'usage, ils n'avoient

pas la moindre idée de la plus grande partie de tous ces biens. Combien de choses utiles et nécessaires que nous n'avions autrefois qu'avec beaucoup de peines, que nous tirions à grands frais des pays étrangers se fabriquent aujourd'hui au coeur de l'Empire? au de là du besoin des sujets, il reste encore de quoi en fournir aux autres pays, nos voisins, fiers autrefois de notre ignorance, croyoient la Russie, cet Empire si vaste, hors d'état de se soutenir sans leurs secours, ils pensoient qu'au de là d'un degré très médiocre nous étions incapables d'exercer la guerre, et le commerce faute des ressources qui soutiennent l'un et l'autre: Pierre paroît et les détrompe; Sa main puissante et laborieuse fouille les entrailles de la terre, et va dans ses antres les plus profonds découvrir une source de métaux dont les trésors ouverts répandent non seulement l'abondance dans la patrie, mais nous mettent encore à portée de les rendre comme un emprunt aux autres nations. La vaillante armée Rus-sienne emploiera désormais contre ses ennemis des armes tirées des mines de la Russie, et forgées par des mains Russiennes. Qu'il est difficile, Messieurs, de peindre tous les soins, toute l'ardeur du Monarque

pour la perfection de ces nouveaux ouvrages! il s'y livre, observez bien, Messieurs, il s'y livre sans cesser d'être occupé des moyens de former une armée régulière qui put défendre la patrie au dehors, assurer le repos des sujets, et étayer les entreprises importantes qu'il méditoit au dedans de l'Empire; qu'il est difficile que l'expression supplée quand toutes les facultés de l'ame suffisent à peine à l'admiration dont elles sont saisies. Le pere de notre héros, le Prince Czar Alexis Mikchaëlowitz, fameux lui même par tant d'autres endroits, avoit composé les fondemens d'une armée régulière, l'on juge des avantages qu'il en a tirés par les heureuses campagnes qu'il a faites en Pologne, et les provinces qu'il a conquises et réunies à la Russie; mais cette discipline introduite avec tant de peine et de soins, a cessé avec sa vie. Les anciens desordres ont repris leur cours, le soldat est retombé dans sa première ignorance, et l'armée bientôt après perdant toute son habileté n'a plus montré sa puissance que par le nombre de ses soldats: cet mauvais succès contre les Turcs et les Tartares, et les dangereuses rebellions des Streletz, fruit de l'indiscipline, prouvent assez combien elle étoit affoiblie. Dans des circonstances

si delicates qui croyez vous, Messieurs, devoir lui rendre cette vigueur éternuée par un relachement fatal? Un enfant de douze ans éloigné du gouvernement, et préservé de la malice qui l'environnoit par les seules précautions d'une sage et tendre mere; un enfant de douze ans au sein de mille dangers qui le menacent, au milieu des glaives levés sur la tête et sur celle de ses proches, va devenir le restaurateur et former une armée réguliere, qui bientôt sera terrible à ses ennemis; qui l'a été effectivement à l'admiration de tout l'univers. Les amusements d'un jeune Prince annoncoient-ils un effet aussi important et aussi utile? occupé sans cesse avec des jeunes gens de son âge, à manier des armes legeres et à en varier les mouvements, cet exercice ne passoit alors que pour un simple jeu au point que ces jeunes gens furent nommés cojoueurs ou (Poteschnii) cependant quelques personnes plus pénétrantes développoient déjà sous les traits délicats du Prince ce courage héroïque qui l'a caracterisé, une perspicacité surprenante qui brilloit déjà dans Ses yeux, une célérité majestueuse dans tous Ses mouvements présagoient dés lors à la Russie la grandeur du Monarque, qui devoit faire sa gloire et

son bonheur. Mais combien de travaux devoit-il lui en couter Messieurs? comment lever nombre de régiments à pied et à cheval, fournir à leur solde, les munir d'habits, d'armes, d'ustensiles de guerre, les perfectionner dans la tactique moderne, établir des regles pour l'artillerie de campagne, et de siege? Tous ces détails demandoient une parfaite connoissance de la Géometrie et de la Mécanique. Il falloit en outre former des commandants habiles; objet presque impossible en apparence par la disette de mille choses nécessaires et le défaut de pouvoir du Prince. Tout à coup cependant les nouveaux régiments de Pierre tonnent contre l'attente de la nation, contre son incrédulité et en dépit des chicanes scandaleuses et des murmures de l'envie. Les sujets fideles reprirent un juste espoir, les ennemis conçurent une crainte légitime, et ce double sentiment se mêla chez les uns et les autres, à l'admiration et au respect. L'impossible devint possible par une diligence extraordinaire et par l'effet d'un exemple jusqu'alors inoui.

L'Empereur Traïan paroît devant le Consul et s'abaisse jusqu'à recevoir le Consulat de sa main, le Sénat le voit et s'écrie: „Cesar tu es d'autant plus grand

„d'autant plus majestueux.“ Tel nos pères ont vu leur Prince couronné, d'autant plus grand, d'autant plus majestueux par sa clémence. Ils l'ont vû non pas au nombre des candidats du Consulat Romain, mais au milieu de Ses soldats; sans prétendre à l'autorité sur Rome, mais s'asservissant aux regles qu'il avoit lui même dictées à Ses sujets. O vous lieux charmans! Théâtre heureux de cette admirable scène! quelle a dû être votre surprise à la vue d'un Prince Chef et subalterne? Général et soldat! quel spectacle pour vous que ces écoles de guerre, ces hostilités aimables concertées entre les régiments d'un même maitre, ces images de combats, ces sieges, ces attaques, ces sorts construits dans votre pays même, non pour l'intéret présent de votre défense, mais pour l'apprendre à vos compatriotes à l'avenir leurs ennemis pour les conduire un jour surement à la gloire en leur rendant familiers les chemins qui y menent.

Nous ne pouvons, Messieurs, nous rappeler ces tems antérieurs, sans nous peindre aussi tout l'amour, toute l'ardeur que la nouvelle armée devoit ressentir pour son Chef, quelle émulation pour le soldat! Son Prince confondu avec lui, assis à la

même table goûtant des mêmes mets: le visage du Monarque est couvert de sueur, de poussiere, rien ne le distingue, qu'une plus grande activité dans les exercices et les travaux militaires. Passant successivement ainsi que ses sujets par tous les emplois, ce sage Prince les encourage, il se met à leur niveau et prouve invinciblement que l'affabilité est le plus beau relief de la gloire et de la Majesté d'un Monarque. C'est en l'excitant ainsi par Son exemple qu'il fortifia l'armée Rusienne et qu'il la mit en état pendant une guerre de vingt années contre la Suede, et dans plusieurs autres campagnes, de faire retentir le bruit de Ses exploits et l'éclat de Ses exploits et l'éclat de Ses victoires jusqu'aux extrémités de la terre. Le premier combat près de Narva fut à la vérité malheureux, mais l'envie a exagéré notre défaite pour rehausser la gloire de l'ennemi en peignant la retraite de l'armée Rusienne sous des couleurs outrées et avilissantes. La plus grande partie de notre armée n'étoit formée que depuis deux ans; elle combattoit pour la premiere fois contre de vieilles troupes aguerries aux batailles; la dissension s'étoit glissée parmi nos généraux; un traître avoit revelé à l'ennemi les particu-

larités secrètes de notre camp; l'impetueux Charlès XII nous avoit surpris par une attaque imprévue, sans nous laisser le tems de nous disposer à le recevoir; malgré tant de circonstances qui nous étoient contraires, l'ennemi n'osa nous combattre dans notre retraite, il n'osa achever sa victoire, et si les gardes Russiennes et le reste des troupes n'attaquerent pas elles-mêmes, ce ne fut pas un défaut de bravoure, mais un manque de Chefs pour les commander. Charle-douze sous le prétexte de conclure la paix, les avoit appelés pour en traiter, et les retint prisonniers; mais nos troupes retournerent dans leur patrie avec les marques honorables d'une retraite bien conduite avec leurs armes, leur caisse militaire, leurs tambours et leurs drapeaux. Nous dûmes nos malheurs à la fatalité de ces conjonctures plutôt qu'au manque de courage; et l'armée de Pierre quoi qu'encore au berceau pouvoit déjà lutter contre les régiments exercés des ennemis, elle en donna des preuves l'été suivant par les glorieuses victoires qu'elle remporta sur eux.

C'est à vous que j'en appelle voisins aujourd'hui pacifiques, l'éloge de notre Héros, Ses triomphes sur vous et que j'exalte, sont des époques de votre gloire.

Il est plus grand de résister un tems à la puissance de Pierre, à celle de la Russie pour ceder enfin, que de vaincre du premier abord de foibles cohortes mal conduites. Que Charle. soit votre héros, célébrez sa valeur; tout l'univers sera d'accord de la justice que vous lui rendez: soutenez même que personne n'eût été en état de tenir tête à ce grand homme, si la providence par une grace particuliere pour notre patrie n'eût formé Pierre Premier pour être le digne rival de Charle douze.

Le zèle, l'ardeur des troupes de notre Monarque, leur courage, leur habileté, leur adresse dans le combat furent le fruit de Ses soins, de Son instruction, de Son exemple; une foule de victoires fut le prix de tant de travaux. Sans parler d'un nombre d'avantages que l'armée Russienne n'appelloit déjà plus que de simples escarmouches; sans nommer toutes les villes conquises, tous les forts pris, tous les batailles gagnées: „Lissa et Poltava!“ il me suffit de vous citer. C'est alors que la providence éclata particulièrement en faveur de notre Héros, et que le ciel par les plus glorieux succès se plut à manifester d'une façon sensible combien il bénissoit les fa-

tigues de Pierre le grand, et les soins qu'il avoit pris pour former Son armée. En effet, devoit-on s'attendre que de troupes régulières, habituées dès long tems à la discipline et au métier de la guerre, conduites au combat par des Chefs illustres, commandées par des généraux habiles, dont les loisirs mêmes avoient été consacrés aux exercices militaires : devoit-on s'attendre enfin qu'une armée, pourvue d'ailleurs abondamment de toutes les munitions nécessaires, hésitât de livrer bataille à des régiments Russiens nouvellement levés et dont le nombre lui étoit infiniment inférieur? Ceux-ci sans laisser prendre haleine aux ennemis étonnés, les atteignent rapidement, leur livrent la bataille, remportent la victoire et leur Chef évite à peine d'être enveloppé dans la foule des prisonniers, pour pouvoir porter lui-même à son Prince la nouvelle de sa défaite. Charle douze en est frappé; mais Son sang bouillant et courageux s'anime de nouveau, il veut s'élever encore contre ses vainqueurs; il ne peut se persuader que les nouvelles troupes de Pierre soient en état de tenir contre une armée ancienne, aguerrie et qu'il commande lui-même. Il se livre aveuglement aux assurances har-

dies d'un traître à la Russie, et risque de pénétrer dans l'Ukraine, cette frontière de notre patrie. Déjà la présomption de Charle lui peint une conquête facile; son ame ambitieuse et vaste dispose d'avance de la Russie et se promet de subjuguier tout le Nord. Pierre, suscité par le ciel même pour le salut de Ses peuples, met une digue au torrent impétueux; la providence pour récompenser ses travaux guide Son bras et lui accorde une victoire complète sur ce même ennemi, qui fier de Son expérience bravoit les soins de notre Héros. Charle douze, victime et témoin des succès prodigieux et inatendus de Pierre I. ne peut même se soustraire, par la fuite à la bravoure reguliere de l'armée Russienne, que son imagination lui représente toujours à sa poursuite.

C'est ainsi que notre Monarque éternisa Son nom et la gloire de Son armée. En la formant, Son principal objet fut notre sureté, puisque par une loi précise il a réglé, que les troupes ne seroient jamais licentiées pas même en tems de paix, ce qui arrivoit d'ordinaire sous le regne de ses prédecesseurs. Pierre le Grand concevoit trop bien que ces sortes de réformes

*

attenuoient toujours la force d'un état et nuisoient à sa gloire; et il conclut que l'armée fuit toujours sur pied prête et en ordre. O soins vraiment paternels! Convaincu que de l'habileté dans l'art de la guerre dépend la sureté d'un Empire, combien de fois les larmes aux yeux et par les carresses les plus tendres n'a-t-il pas sollicité ses proches et ses fideles sujets à ne pas negliger après lui cet art si nécessaire, et à maintenir la réformation qu'il venoit d'introduire avec tant de peine et de succès. Dans le tems où le ciel, bénissant la Russie, venoit de lui accorder une paix glorieuse et avantageuse avec la Suede; dans le tems que Pierre premier recevoit de toutes parts les plus sinceres félicitations sur Ses exploits; dans les tems qu'on lui donnoit les titres légitimes d'Empereur, de Grand, de Pere de Son peuple, moins occupé de la gloire qu'il avoit acquise, que jaloux de la conserver pour Son peuple et pour Lui, ne l'a-t-on pas vu réiterer publiquement Ses exhortations au Sénat dirigent, l'inviter à ne point mépriser la profession des armes, à ne point trop se fier à la paix, et par là ne prouvoit-il pas, que si l'on ne continuoît d'entretenir l'armée sur le pied où il l'avoit

mise, les titres que l'on lui donnoit cesseroient de lui être agréables.

Après avoir jetté un coup d'oeil sur l'armée de terre de Pierre le Grand, et parcouru ses forces, qui dès leur naissance étoient déjà parvenues au point de la maturité, et dont les succès victorieux annoncoient l'habileté et l'exercice, voyons, Messieurs, sur les immenses plaines de l'Océan, voyons déployer à la providence les merveilles les plus éclatantes, voyons-la à l'admiration de tout l'univers choisir la main de Pierre le grand pour opérer tant de prodiges.

Le vaste Empire de Russie ainsi que le monde, ne connoît presque de limites que les mers qui l'environnent. Promenons nos regards sur ces eaux différentes, nous y verrons partout flotter le pavillon Russe. Ici les embouchures des fleuves n'ont plus assez d'espace pour contenir le nombre de nos vaisseaux. Là le poids de notre flotte fait gémir l'onde, étonnée de ces orgueilleuses machines qui jettent feux et flammes, et dont le bruit terrible retentit jusqu'aux plus profonds abîmes du fluide élément. Plus loin, j'apperçois des navires embellis par la production du plus habile cizeau, relevés des vives couleurs dont

le printemps se pare; je les vois se peindre sur le cristal des eaux et se mirer pour ainsi dire sur leur tranquille surface, dont le poli réfléchit et double leur beauté. Les ports les plus surs s'ouvrent et présentent un azile au nautonnier fatigué de ses courses, il vient y débarquer les richesses et l'abondance que son industrie emprunte des pays éloignés pour servir à nos besoins et fournir à nos plaisirs. De nouveaux Colombes, jaloux d'augmenter la puissance et la gloire de la Russie, cherchent à pénétrer les rivages inconnus; ici un autre Tiphis osant braver des glaces éternelles et les rigueurs d'un hyver toujours renaissant, risque de nager entre des montagnes flottantes pour sonder les moyens d'unir l'Orient à l'Occident. Un si court espace de tems a-t-il pu produire des miracles si singuliers? Comment la flotte Russe a-t-elle acquis si vite une expérience si glorieuse? où les Russes ont-ils pris les matériaux nécessaires à toutes ces constructions? D'où leur est venue la dextérité de les employer? Comment ont-ils sitôt connu l'usage des instruments et de la mécanique, qui conduit à la perfection des ouvrages si pénible et si varié? Ne sont-ce pas les géants de l'antiquité,

qui arrachent encore une fois le chêne et le sapin orgueilleux, qui dévastent les forêts touffues, et jettent ces armes de bois sur le rivage, pour en construire ces édifices énormes? Amphion vit-il encore? est ce lui qui par la douce harmonie de sa lyre anime ces différentes parties pour en composer un tout admirable et propre à voler sur les ondes? Aux tems reculés de la fable, la célérité surprenante de Pierre le grand dans l'établissement de la flotte, eût sans doute été attribuée à de pareilles fictions, puisque même de nos jours, où la mémoire en est encore récente, où le témoignage des écrits les plus authentiques en constate la vérité, on la regarde comme presque incroyable et au dessus des efforts de l'humanité. La lecture des uns et le récit de ceux qui vivoient alors, nous causent une satisfaction égale, mais nous laisse encore douter, au quel des deux objets Pierre le grand s'est le plus attaché, à l'armée de terre, ou à celle de mer. Quoiqu'il en soit, également actif, également industriel pour l'une et pour l'autre, il a excellé à toutes deux. S'agit-il de la guerre de terre, nous le voyons curieux de tous les termes de cet art, curieux de toutes ses progressions, passer successivement

par tous les emplois, en éprouver tous les travaux, et se mettre en état de juger par sa propre expérience de tous les devoirs pour estimer au vrai la façon dont chacun s'en acquitte, et ne rien exiger au de là de l'obligation des uns, ou du pouvoir des autres.

S'agit-il de Sa flotte, à peine a-t-il perfectionné l'esquif dont l'effet et la gloire surpassa bientôt le volume; à peine a-t-il fait cet esquif qu'il fut l'éguillon de son zèle pour la marine, que nous le voyons réunir tous ses soins à la fondation d'une flotte, que nous le voyons faire agir tous les ressorts de son génie pour concourir au succès de cette importante entreprise, qui doit sur les eaux mêmes, établir la puissance de Son Empire. Il conçoit d'abord que la réussite d'un projet si pénible dépend des lumières, qu'il acquerrera lui-même; que pour réduire le dessein en pratique, il faut trouver une occasion favorable, que fait ce grand Prince? Jadis une foule innombrable accourue au spectacle ravissant de l'armée, qui couvroit les champs de Moscovie, s'étonnant de voir à la tête de ces nouvelles troupes un héros à peine sorti de l'enfance. La maison Czariene, les principaux états, la noblesse de l'Em-

pire, témoins de cette merveille, éprouvoient malgré leur joie une juste crainte, et ces pénibles occupations les faisoient trembler pour la santé de leur Prince, qu'ils voyoient tantôt tel qu'un maître mesurer un fort régulier, tantôt creuser des fossés profonds, élever des remparts comme un simple soldat et porter par tout les ordres et l'exemple. Mais, Messieurs, que cette même foule accoure, un spectacle plus admirable va l'occuper. Pierre le Grand créateur ; d'une flotte est un nouveau prodige à tous égards ; c'est en parcourant d'abord les eaux étroites de la Moscovie, en se fiant ensuite sur la vaste étendue des lacs de Rostov et de Cubine, en se hasardant enfin sur les immenses plaines de la Mer Blanche que le Prince se confirme dans l'idée qu'il avoit prise de l'utilité de la navigation. Il quitte pour un tems son Empire, il cache les rayons de sa Majesté sous l'obscur enveloppe des vêtements du simple ouvrier, et s'applique avec eux à l'architecture des vaisseaux.

Déjà les compagnons de Son travail s'étonnent qu'un Rusien ait pu dans un tems si court se perfectionner non seulement à l'ouvrage de charpente, mais jus-

qu'au point de composer et d'assortir toutes les pièces, toutes les parties nécessaires à la construction. L'expérience qu'il s'étoit acquise dans l'architecture des vaisseaux étoit déjà parvenue à un tel degré que la Hollande n'avoit plus de quoi satisfaire son génie curieux et profond. Quelle surprise pour le reste du monde, Messieurs, en apprenant que ce n'est point un simple Russe, mais le Souverain lui-même de ce grand Empire qui s'occupe à des travaux si pénibles? des bras formés pour porter le sceptre! des mains destinées à soutenir le globe impérial.

N'étoit-ce donc, chers auditeurs, n'étoit-ce que la simple curiosité, la simple envie de commander et d'instruire qui conduisoit notre Héros dans la Hollande, et la Grande Bretagne, et lui fit acquérir une théorie et une pratique si parfaite à l'égard de la construction de la flotte et de la navigation? Le Monarque a par tout amené ses sujets au travail; par tout il les a encouragés, non seulement par ses ordres, non seulement par des récompenses, mais par son propre exemple. Grand fleuve de la Russie! et vous rives heureuses consacrées par les pas de Pierre le Grand, sables baignés de sa sueur, vous en êtes les té-

moins oculaires! combien de fois avez-vous vu les lourdes pièces préparées pour la construction des navires, et que des ouvriers nonchalants manoeuvroient trop lentement pour son ardeur? Combien de fois les avez-vous mises en mouvement par le seul attouchement de la main de Pierre? Combien de fois avez-vous vu une foule d'ouvriers animée par son exemple construire des masses énormes avec une promptitude incroyable? Quel dut être le zèle, la surprise et la joie des peuples, à la vue de ces palais flottants prêts à lancer à l'eau! à la vue de leur fondateur, de leur architecte industrieux, qui tantôt dessus, tantôt dessous, tantôt autour observoit la fermeté de chaque partie, la force des machines, l'exactitude des dimensions, et reparoit les fautes qu'il découvroit par lui-même, par ses ordres, par des moyens ingénieux et sur tout par l'habileté de ses mains assidues. C'est par cette activité infatigable, cette persévérance invincible dans le travail qu'au tems de Pierre premier la vitesse fabuleuse des anciens s'est réalisée.

Des succès si rapides dans la navigation, si avantageux pour la gloire de l'Empire et du Monarque, ces dignes fruits de

Ses soins et de Son industrie doivent lui avoir été bien agréables! On en juge par les récompenses dont il a comblé ceux qui travailloient avec Lui; on en juge encore plus par les marques respectables de Sa gratitude, dont il a honoré l'arbre insensible. Enfin les eaux de la Neva sont semées de batiments et de pavillons, ses rivages sont déjà trop étroits pour la foule des spectateurs, qui les décorent, l'air retentit des cris de joie et des applaudissements du peuple. Le bruit des rames s'unit au son de la bruyante trompette; l'un et l'autre s'allie au tumultueux fracas de mille bouches d'airain dont les navires sont déjà garnis; quels sont ces présages? à celui d'un esquif fragile à la vérité, mais qui tient le premier rang parmi la flotte nouvelle; representez-vous, Messieurs, la magnificence, la beauté, la puissance, les exploits de celle-ci; rappelez-vous la petitesse et debilité de celui là, et concluez avec assurance, que pour effectuer tous les deux à si peu de distance l'un de l'autre, il falloit absolument la prodigieuse hardiesse de Pierre pour l'entreprise, et Son industrie constante pour l'exécution.

N'en doutons plus, chers auditeurs, tout concourt à nous en convaincre; oui,

Pierre le Grand excelloit dans les deux genres, et sur terre et sur mer Sa force et Sa valeur furent également Héroïques et Martiales.

Mais j'apperçois, Messieurs, que ce court récit qui contient à peine une foible partie des occupations de mon Héros, m'a conduit trop avant, m'a déjà presque épuisé. Pour remplir son éloge, il me reste encore une carrière immense à fournir. Souffrez que pour ménager et le tems et mes forces, j'abrege autant qu'il me sera possible.

Fonder et porter à sa perfection une armée de terre et de mer aussi formidable, construire de nouvelles villes, élever des forts redoutables, ouvrir de nouveaux ports, joindre les rivières par de grands canaux, fortifier les frontières, les garantir par des fossés profonds, soutenir une guerre de longue durée, fournir à des campagnes fréquentes en pays éloignés, ériger des édifices publics et particuliers suivant les principes d'une nouvelle Architecture, faire fleurir les sciences et les arts par tous les moyens qui y concourent, rassembler des gens habiles en tout genre, entretenir de nouveaux officiers de cour et de magistrature, en un mot être créateur à tous égards, tel est, Messieurs, le précis des travaux

de Pierre le Grand. Au delà des peines inouïes l'on juge assez quelles sommes immenses il a dû lui en coûter, les revenus de ses ancêtres n'y pouvoient suffire en aucune façon. Aussi ce grand Monarque fit les plus grands efforts pour trouver des moyens d'augmenter les revenus extérieurs et intérieurs de l'Empire, sans cependant oser le peuple. Sa pénétration les lui fournit et lui montra, qu'une seule institution pouvoit d'un même coup accroître le trésor, et affermir la sûreté commune de ses sujets.

En effet avant que le nombre du peuple Russe fût fixé, et que le séjour de chaque habitant fut comme avant que l'on eût aboli la licentieuse coutume de changer de domicile et de se transporter à volonté, le libertinage étoit au plus haut point; on voyoit les rues jonchées de fainéans hardis et dangereux, les grands chemins, les rivières mêmes étoient souvent fermées par des voleurs et des troupes d'assassins, qui ravageoient quelques fois non seulement des villages, mais des villes entières.

Le sage Héros heureux en métamorphoses utiles changea le mal en bien, l'oisiveté en industrie, les brigands en défen-

seurs, il fit un dénombrement exact de Ses sujets, leur assigna des demeures fixes et imposa à chacun d'eux un tribut léger, mais connu. C'est par ce moyen qu'il forma des revenus intérieurs à la couronne, en augmentant le nombre de ceux qui payoient les impôts. C'est par ce moyen qu'il encouragea le travail et qu'il fortifia la discipline militaire. Tels qui dans les circonstances précédentes seroient restés des brigands dangereux, devenoient des citoyens utiles, parce qu'ils étoient obligés de se tenir prêts à mourir pour la patrie.

Sans m'arrêter, Messieurs, à plusieurs autres institutions également sages qui ont contribué à enrichir l'état, passons à ce qui regarde l'accroissement des revenus extérieurs. La providence favorisoit visiblement les soins et les desseins de Pierre, elle ouvrit par ses mains de nouveaux ports sur la Baltique près des villes, ou conquises par sa bravoure, ou construites par ses propres travaux: de grandes rivières furent réunies pour faciliter le commerce, il établit des reglements de péage, et fit des traités de commerce avec les nations étrangères. Le début de ses institutions prouve combien elles étoient avantageuses, puis qu'après une guerre de vingt

ans, la Russie s'est trouvée néanmoins exempte de dettes.

Ne croyez pas au reste, chers auditeurs, que ce foible esquisse vous représente toutes les grandes actions de Pierre le Grand. Combien n'en reste-t-il pas encore que mes reflexions ne peuvent rappeler, et que ma voix ne suffiroit point à vous réciter. C'est à vous, Messieurs, c'est à vous que je laisse juger particulièrement quel soins, quelles peines il a fallu, pour fonder et constituer le Sénat dirigeant, le très saint Synode, les Colleges de l'Empire, les Chancelleries et d'autres Tribunaux, leurs Reglements, leurs Loix! quel travail pour embrasser à la fois tant d'objets! l'arrangement de l'état, l'introduction des mœurs extérieures du mérite et de la faveur; la politique, les ambassades, les alliances. Que le génie de Pierre vous anime, Messieurs, qu'il vous éclaire sur tous ces prodiges; je me borne simplement à les raconter. Supposons un Russe sorti de sa patrie avant les entreprises de Pierre le Grand, supposons qu'il ait habité des climats où le nom de Pierre premier n'ait point pénétré, s'il en est dans le monde. A son retour que penseroit le voyageur en revoyant la Russie, en y trouvant les arts

en vigueur, ses compatriotes instruits des nouveaux vêtements, de nouvelles mœurs, une conversation nouvelle, une architecture différente, des maisons embellies d'ornemens nouveaux, de nouveaux forts, enfin un changement total et sensible jusques dans le cours des fleuves, et aux bornes de la mer: que penseroit-il en pareil cas? ne croiroit pas que son absence a duré des siècles, ou que si ces chefs d'oeuvres sont l'ouvrage d'un tems si court, tout le genre humain s'est réuni pour les finir? on ne se persuaderoit-il pas, qu'une scene si différente, si agréable, n'est que le pur effet d'un songe?

Ce discours, Messieurs, dont le crayon leger ne peint pour ainsi dire, à vos yeux que l'ombre des hauts faits de Pierre le Grand donne cependant j'espere quelque idée de leur grandeur, mais rien ne décide plus Son éloge et ne le relève d'avantage que les obstacles qu'il a dû vaincre. Obstacles terribles et dangereux qui le barroient dans Sa carrière, et qui s'opposoient au cours de notre prospérité. Tel est l'état de l'homme en général, sujet sans cesse aux vicissitudes, les succès dépendent quelque fois des contrastes, et ceux-ci naissent des succès eux-mêmes. Les attaques du

ЧАСТЬ II.

29

dehors, les troubles du dedans, tout paroisoit d'accord pour ruiner les entreprises de notre Héros, mille dangers le menaçoient et lui préparoient de funestes revers dans le tems même où il réformoit la Russie. La guerre dérangoit les affaires domestiques, celles-ci interrompoient les succès de la guerre dont le projet seul avoit été déjà nuisible. Au fort de tous les embarras, ce grand Monarque sort de la patrie accompagné d'une ambassade somptueuse, il veut parcourir l'Europe, connoître les autres nations, apprendre leurs usages et les appliquer à Son retour au bien de Ses sujets: mais à peine a-t-il franchi les bornes de son Empire qu'il rencontre des obstacles terribles et secrets: passons-les sous silence, Messieurs, ils sont trop sçus de tout l'univers, il me semble même que les choses inanimées ont connu le danger qui menacoit l'espoir de la Russie. Les eaux de la Duna l'ont senti, elles ont ouvert à leur dominateur futur un sentier à travers des glaces épaisses pour le sauver des pièges qu'on lui avoit dressés, et en se débordant en suite elles ont paru vouloir annoncer aux rivages Baltiques les risques, dont le Monarque étoit heureusement échappé.

Après les avoir évités Pierre continue promptement sa route, il satisfait ses yeux et son coeur, il orne son esprit, mais, hélas! forcé par les circonstances d'abréger le cours de ses voyages, quel combat va-t-il se livrer à lui même? entraîné d'un côté par la curiosité et le désir d'acquérir des connoissances utiles, sollicité de l'autre par sa malheureuse patrie qui le rappelle, qui l'invite, qui lui tend les bras, qui lui crie: „Reviens, retourne promptement vers moi; les traitres dévorent mon sein, tu voyages pour augmenter ma félicité, je le sais, je le ressens avec reconnaissance, mais dompte premièrement les monstres qui me déchirent, tu t'es séparé des tiens pour avancer ma gloire; j'estime cette ardeur, mais apaises d'abord les troubles dangereux qui m'assiègent; tu as quitté pour un tems le sceptre et la couronne que tu tenois du ciel, tu caches sous une forme ordinaire les rayons de Ta Majesté, c'est pour m'éclairer d'avantage, je le conçois, je le désire, je m'en flatte je l'espère, mais détourne d'abord les nuages obscurs que des desordres licencieux ont répandu sur l'horizon de ton domaine.“ À ces accents plaintifs un tendre sentiment ramène

le Monarque, il revient pour calmer l'orage: telle est, Messieurs, la nature des obstacles qui ont interrompu les glorieuses entreprises de ce Héros. Une foule d'ennemis l'environnent de toutes parts, la Suède, la Pologne, la Crimée, la Perse, plusieurs peuples orientaux, la Porte Ottomane, lui firent la guerre au dehors. Les Strelietz, les Fanatiques, les Gosaques, les brigands, ravagoient l'Empire au dedans dans sa propre maison, parmi ses proches les crimes, la haine, la trahison conspiroient contre sa précieuse vie. Il est difficile de détailler exactement toutes les horreurs, il est difficile de les entendre sans répandre des larmes. Dans un tems consacré à la joie tournons, Messieurs, tournons nos regards sur des objets gracieux.

Le Ciel aida Pierre à surmonter tous les obstacles qui s'opposoient à l'élévation de la Russie: il a favorisé Sa probité, Sa sagesse, Sa générosité, Sa bravoure, Sa sincérité, Sa clemence, Son industrie. Ses divins secours ont été la digne et juste récompense de la foi du Monarque, et de son zèle pour l'Etre suprême; ils ont éclaté l'un et l'autre dans toutes ses entreprises et dans toutes ses actions. Pierre I n'eut jamais de plus grands plai-

sirs que dans le temple du Seigneur; il y assistoit, non comme un auditeur oisif du culte divin, mais partageant lui même le soin de le célébrer, sa voix se mêloit ordinairement à celle des chœurs; il quittoit souvent sa place pour se confondre avec eux, et les actes marqués de la dévotion du Monarque excitoient celle du peuple, et la rendoient plus fervente. Parmi la foule d'exemples de la piété de ce vertueux Prince que l'on pourroit citer, choisissons seulement, Messieurs, celui qu'il nous donna en allant au devant du corps du saint et vaillant Prince Alexandre. Quel spectacle! quel modèle! les chevaliers rament, l'Empereur lui-même tient le gouvernail; il ne rougit point d'employer ses mains sacrées au travail des gens vulgaires. Cet acte d'humilité lui paroît glorieux pour l'amour de la religion. C'est d'elle en effet qu'il a toujours emprunté le secours; c'est par elle qu'il a échappé aux trahisons, aux dangers les plus éminents. C'est Dieu seul qui le garantit à Poltava, c'est le bras de l'Eternel qui fit tomber les murs de Narva, comme autrefois ceux de Jericho, et ce prodige s'opère pendant la célébration du culte divin, sans l'aide des instruments meurtriers de la

guerre. A cette piété solide Pierre-le-Grand joignoit toutes les qualités dont l'humanité puisse être susceptible; l'Eternel les lui accorda sans doute pour récompenser sa confiance, et l'on peut dire qu'il avoit reçu de Dieu le don éminent de la sagesse: gravité dans les jugements, noble simplicité dans le discours, majesté dans l'expression, ardent et jaloux d'acquérir des connoissances utiles, docile aux conseils, prudent dans toutes ses actions, persévérant dans les entreprises: c'est à des talents aussi rares que la Russie doit la nouvelle forme qu'elle a prise. Pierre I introduit les sciences, fait fleurir les arts, contracte des alliances, envoie des Ambassadeurs, rompe les projets de ses ennemis; Sa sagesse sait pourvoir à tout, ami généreux et juste que ne fait-il pas en faveur des Princes opprimés? à l'un il conserve la couronne, il rend à l'autre celle, que ses ennemis lui avoient arrachée; cette sagesse qui brille dans toutes Ses actions, est encore étayée du courage le plus héroïque; à la fois admirable et terrible tout en lui concourt à caractériser le héros.

Pierre I dès Sa plus tendre enfance avoit donné des preuves de Son intrépidité dans les exercices militaires; à peine

connoissoit-on encore l'usage des bombes, que le jeune Prince curieux d'en étudier l'effet, s'exposoit sans ménagement à ses effets dangereux, malgré les allarmes de ses proches, les inquiétudes des Grands, et les craintes du peuple, aucun danger ne l'arrêta jamais dès qu'il fut question du bien de Sa patrie. Voyez-le, Messieurs, traverser l'espace immense des mers pour aller s'instruire chez l'étranger, voyez-le se fier intrepidement aux fureurs et à l'inconstance de cet élément, dont les vagues orgueilleuses, témoins de Sa fermeté, se brisent contre Sa flotte, et semblent pour le prouver unir l'horreur de leurs mugissements à la flamme dévorante et au bruit du métal dont l'air retentit, rien ne l'ébranle. Ici les champs de Poltava présentent mille morts. Pierre le Grand les traverse sans être ému; une grêle de boulets ennemis, une foule de glaives qui le menacent, ne peuvent ralentir son activité ni ses opérations; il dispose son armée, il l'arrange, il la parcourt, il l'anime, sa voix prend le dessus, elle perce le tumulte et va porter à chaque légion, au cœur de chaque soldat l'ardeur et le courage du chef. Et toi brûlante Perse, tes fleuves rapides, tes marais fangeux, tes montagnes

escarpées ont-ils pu arrêter la valeur de notre Monarque? Tes sources empoisonnées, tes sources arides; les incursions fréquentes de tes peuples vagabonds ont-elles pu empêcher ta conquête? tes villes remplies d'armes et de Russiens, ont-elles pu détourner le triomphe du Héros.

Le tems, Messieurs, ne me permet pas un plus long détail des faits prodigieux du courage de Pierre le Grand. Je passe sous silence plusieurs batailles, plusieurs victoires remportées sous Ses yeux, sous Ses ordres. Aussi généreux que brave, admirons-le dans toutes ces différentes parties, dont chacune exigeroit un éloge particulier.

La générosité est le propre des grandes ames, elle orne les victoires, elle affecte, elle touche bien plus que la valeur: celle-ci doit souvent beaucoup à des causes fécondes, le secours des alliés, l'avantage des tems et des lieux contribuent aux triomphes; la fortune elle-même se croit en droit de s'en attribuer la plus grande partie, elle se regarde comme l'ouvrière des heureux succès. La générosité du conquérant ne doit rien qu'à elle-même. Se vaincre est la plus glorieuse victoire. Le héros, les alliés, les circonstances du tems

et des lieux, la fortune même, cette fiere maitresse des événements humains, n'y ont aucune part. L'esprit admire les conquérants, le cœur chere les ames généreuses: tel étoit notre Monarque. Il quittoit la colere en même tems que les armes; jamais il n'ôta la vie aux ennemis que le sort des combats fit tomber entre Ses mains; au contraire, il n'usa des droits qu'il avoit acquis sur eux, que pour les combler d'honneur et de bienfaits. J'en appelle aux Suedois vaincus à Poltava, quelle dut être leur surprise, lors qu'au lieu des fers qu'ils attendoient, on leur rendit ces mêmes épées dont ils s'étoient servis contre nous; lors qu'au lieu de languir dans une prison, ils se virent assis à la table du Monarque; lors qu'au lieu des insultes qu'ils craignoient, ils furent accueillis et félicités comme nos maitres dans l'art de la guerre; à des traits si frappants, peut-on méconnoître la générosité du Vainqueur? Cette vertu ne marche jamais seule, elle est ordinairement accompagné de la justice, qualité essentielle de Pierre le Grand.

Le premier devoir des Rois est de gouverner avec modération et avec équité, de récompenser le mérite et de punir les

crimes. La guerre, les grandes occupations, et surtout la brièveté de Sa vie ont empêché notre Monarque d'établir des lois claires et immuables sur tous les objets; cependant il y donna tous Ses soins, et les institutions et les reglements qu'il nous a laissés lui ont coûté un travail qui souvent a pris sur son sommeil. Dieu réservoir sans doute à la digne Fille d'un tel Pere la gloire de perfectionner cet ouvrage pendant le cours de Son regne béni et pacifique. Pierre I n'eut pas le loisir de rédiger toutes les loix, mais la justice étoit dans son coeur; tout ne fut pas écrit, mais tout fut exécuté en effet. La justice dictoit dans les tribunaux des arrêts, que Sa clémence y mitigeoit dans le tems même que le crime traversoit Ses desseins, et auroit dû l'exciter à la rigueur. Un seul exemple prouvera cette vérité. Il pardonna des crimes horribles à des personnes du premier rang, et pour témoigner combien cette clémence satisfaisoit Son coeur, il la rendit éclatante, en les admettant à Sa table au bruit du canon. Envain oppose-t-on contre lui l'exécution des Strelietz, elle ne peut être blâmée; mettons-nous à Sa place, faisons les mêmes réflexions que Sa compassion pour Ses sujets et Son propre

danger ont dû lui faire naître et jugeons ensuite. Les maisons et les rues de Moscou sont teintes d'un sang innocent; les veuves pleurent, les orphelins gémissent, les femmes violées se désolent, Sa propre Famille n'est point à l'abri d'une calamité si pressante; plusieurs de Ses parents ont déjà perdu la vie, un fer meurtrier Le menace Lui-même; Dieu seul a préservé cette Tête sacrée, Dieu seul a donné la force de surmonter tant d'obstacles, d'échapper à tant de dangers, de résister à tant de fatigues; et tandis qu'il s'expose à celles d'un voyage long et difficile pour le seul avantage de Sa patrie, on traverse tous ses desseins, on interrompt tout Son travail, on le force à renoncer à ce voyage, Sa plus délicieuse occupation. Le cri douloureux de son pays opprimé, les clameurs tumultueuses des traîtres qui le déchirent, le rappellent. Que fera-t-il, Messieurs, dans une conjoncture aussi délicate? Bientôt les places publiques seront jonchées de cadavres, les maisons pillées, les temples détruits, la flamme menace Moscou de toutes parts, et la chère patrie ne sera peut-être qu'un triste monceau de cendre. Quel spectacle pour un Héros, pour un père tendre? ne doit-il pas arrêter le cours de

dé ce torrent rapide, tout prêt à submerger son domaine; ne doit-il pas par des exécutions terribles couper la racine et arrêter les progrès d'un mal si funeste? n'est-il pas comptable au Roi des Rois des larmes du malheureux, et du sang qui va se répandre? Oui, Messieurs, et la nécessité d'une pareille justice fût sans doute le seul et le vrai motif de Sa rigueur. Elle ne fut jamais dans Son caractère, Son cœur compatissant et modéré étoit naturellement porté à la clémence, on en juge par la bonté, avec laquelle il traita toujours Ses sujets. Ce Héros si grand par Sa Majesté, si rare par Ses talens, si fameux par Ses actions l'étoit encore plus par Sa clémence, elle relevoit, elle décoroit les autres vertus. Affable, familier, populaire, combien de fois nous l'avons vu, Messieurs, seul à pieds, sans suite, dégagé de la pompe et du faste qui suit d'ordinaire un Monarque, se mêler avec ses sujets, marcher avec l'un, lier conversation avec l'autre et presque toujours au niveau de tous. L'histoire citée des peuples, qui ont porté leurs Princes sur leurs têtes sur leurs épaules, la clémence de Pierre le Grand l'élève bien au dessus de ces Monarques. Pierre, justement nommé le Grand, le fut en effet

à tous égards et en toutes rencontres, il l'étoit, Messieurs, même dans le repos, même au sein des plaisirs; c'est alors que l'on traitoit des affaires les plus importantes, le sérieux des affaires n'alteroit point le plaisir, et la libre simplicité du plaisir ne nuisoit point à l'importance des affaires; avec quelle bonté ne recevoit-il pas Ses fideles sujets admis à Sa table, assis à Ses côtés, on ne distinguoit plus le Monarque, on ne voyoit qu'un cercle d'amis, il converse avec eux, il les écoute, il leur répond, il les consulte. Si la frugalité des mets abrege le tems du service, l'abondance des discours, leur variété, leur utilité, leur affabilité prolonge la séance et l'agrément. C'est avec Ses peuples qu'il Se délasse des peines qu'il prend pour eux, Sa bonté les encourage; ici c'est un artiste qu'il récompense, qu'il anime par Sa visite, par Son exemple, il s'occupe avec lui, il l'excite; là c'est un sujet simple, mais fidele, dont il honore la cabane par l'éclat de sa majesté; ce n'est point un Monarque qui commande, c'est un ami qui invite au travail, ce n'est point une contrainte, c'est un bienfait; capable de tous les détails Pierre le Grand veut bien y descendre; le jour ne suffit pas à Son acti-

vité, il le prévient, il le devance et le soleil semble ne se lever que pour éclairer les pas du Héros que Sa vigilance a déjà conduit à plusieurs occupations : propre à tout il s'y livre avec une ardeur égale, tantôt assis aux tribunaux dirigeant, aux colleges de l'Empire où la justice se distribue, Il préside aux arrêts qui s'y prononcent, Il assiste à la décision des affaires qui s'y traitent : du sanctuaire de Themis Il passe au temple des arts, Il les produit, Il les anime, Sa main souvent aide à les porter à leur perfection. Edifices publics, vaisseaux, ports, forteresses, monumens de Son amour pour Son peuple, de Son attention pour ses besoins, de Ses soins pour sa sureté il fut votre créateur ! Vaste dans ses projets, rapide dans leur exécution, habile à se reproduire nous l'avons vu se multiplier pour ainsi dire et se trouver par tout à la fois. A peine a-t-il étonné la Mer Blanche qu'il reparoit sur la Baltique ; à peine Ses vaisseaux ont-ils flotté sur les eaux d'Azow, que les ondes Caspiennes mugissent sous le poid de Sa flotte naissante. Quelles courses ! quels trajets ! quels voyages ! disons mieux, Messieurs, quel vol rapide et prodigieux ! rendez en compte fleuves célèbres

dont Pierre honora les rives de Sa présence, Dwina, Dnieper, Don, Volga, Bugh, Wistule, Oder, Elbe, Danube, Seine, Tamise, Rhin combien de fois votre cristal a-t-il eu l'avantage de réfléchir l'image du Héros, combien de fois s'est elle peinte sur vos surfaces? Il est impossible, Messieurs, de rendre avec exactitude, les travaux innombrables du Monarque, Ses soins, fatigues surprenantes; bornons nous à les admirer, et puis que notre oeil n'a pu le suivre dans tous ces différents endroits où Son activité le portoit presque en même tems; que notre coeur au moins l'y accompagne, qu'il se les rappelle, et consacrons à la mémoire comme des monuments précieux et les lieux où il s'est trouvé, et les lieux où il s'est trouvé, et les ouvrages qu'il a faits. C'est ici, dirons nous, que Pierre le Grand s'arrêta; à cette source il étancha Sa soif; c'est là qu'il travailloit comme un simple ouvrier avec les gens les plus vulgaires; ici il dicta, il écrivit les loix; plus loin il construisit des vaisseaux, voici les ports que Sa main a creusés, forteresses qu'il a bâties, c'est là qu'il s'est trouvé comme un ami au milieu de Ses sujets. Tout respire Ses soins paternels, tout les indique; tel qu'un astre

par son cours, ou telle que la mer par son flux et reflux, Ses soins et Ses peines le tinrent dans un mouvement continu pour l'amour de nous: mon esprit me transporte par tout, et par tout je trouve Pierre le Grand: un seul homme, a-t-il opéré tant de travaux, et la Siègne a été si courte: Ah! Messieurs, après des faits si inouis à qui pourrons-nous comparer justement notre Monarque? l'antiquité ne me fournit aucun parallèle, j'y vois des Princes appelés grands, ils l'étoient en effet relativement à d'autres Princes plus petits qu'eux; mais combien ne sont-ils pas infiniment inférieurs à Pierre le Grand? L'un a fait des conquêtes rapides, mais il a négligé ses propres états, ici c'est un guerrier fier des dépouilles de l'ennemi qu'il a vaincu, mais ces dépouilles sont teintes du sang de ses peuples, il n'a travaillé que pour son ambition particulière, et ses triomphes ont coûté des larmes à ses sujets. Tel possédoit des vertus éclatantes, qui ne put soutenir le poids d'une couronne. Tel fut terrible sur terre qui sur mer ignora l'art de combattre, celui-là fut ami des arts, et craignit celui de la guerre, je ne vois rien enfin, qui me rapproche de mon Héros. Rome seule peut

fournir quelque exemple, réunissons, Messieurs, en un seul point de vue ce que 250 années (intervalle depuis la première guerre Punique jusqu'à Auguste) ont pu produire sous les Nepos, les Scipions, les Marcellus, les Regulus, les Metellus, les Catons, les Sylla. Nous aurons une idée de ce qu'à fait Pierre le Grand pendant la courte durée de sa vie. J'ai souvent réfléchi aux moyens de peindre sensiblement celui dont la toute puissance meut le ciel et la terre, celui dont le souffle agite les eaux, dont la volonté transporte les montagnes, mais la foiblesse de nos idées ne peut concevoir la divinité. On la représente ordinairement sous une forme humaine, et s'il est un homme semblable, selon notre portée à l'Etre Suprême, je n'en vois point d'autre que Pierre le Grand.

Son amour pour nous et Ses bienfaits l'ont fait nommer le Pere de la Patrie, mais ce titre est encore trop foible. Que ne lui devons-nous pas surtout, Messieurs, pour le trésor qu'il nous a laissé dans la personne de son auguste Fille notre gracieuse Souveraine, que son courage a placé sur un trône, et dont le regne glorieux a calmé l'Europe et comblé Ses sujets de bienfaits.

Часть II.

30

Exauce-nous, grand Dieu, en faveur des travaux de Pierre, des soins de Catherine, nous t'invoquons par ces mains augustes et sacrées, et par les larmes qu'ont versé les deux soeurs et filles de Pierre en se separant; exauce-nous, et daigne accorder une longue vie et une nombreuse postérité à nos Monarques.

Et Toi, Ame illustre et divine, qui brille dans l'éternité, et dont le lustre obscurcit tous les autres Héros, pare - Toi, jouis de Ta gloire, Ta Fille regne, Ton Neveu est son Héritier, nos voeux sont accomplis,, Ton arrière Neveu vient de naître, Tes soins nous ont élevés, affermis, éclairés, embellis. Ceux d'Elisabeth nous soutiennent, nous encouragent, nous protègent et nous rendent fameux. Daigne agréer comme un témoignage de notre gratitude cet ouvrage en effet peu digne de toi; car tes mérites snrpassent tous nos efforts.

-

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	страниц.
Полидоръ, Идиллія.	1
Письмо къ Ивану Ивановичу Шувалову.	8
Письмо о пользѣ стекла.	10
Спихи Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на Фейерверкѣ.	28
Письмо *поздравительное Графу Григорью Григорьевичу Орлову.	30
Спихи о превосходствѣ нововозбрененной Артиллеріи предъ старою Графомъ Пеш- ромъ Ивановичемъ Шуваловымъ.	36
Трагедія Тамира и Салимъ.	43
———— Демофонсъ.	119
Героическая поэма Пётръ Великій.	191
Письма къ Ивану Ивановичу Шувалову.	245
Два разговора изъ Эразма.	282
Слово похвальное Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.	299
Оное же на языкѣ Лаптевскомъ.	334
Слово похвальное Государю Императору Петру Великому.	365
Оное же на языкѣ Французскомъ.	418